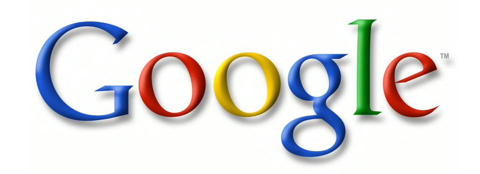
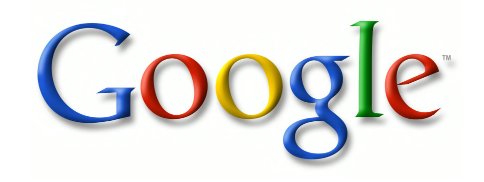

Google

Книжка 66

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ II Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.

1908.

НАСТОЯЩАЯ КНИЖКА

„Живой Старины“

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ИГНАТІЮ ВИКЕНТЬЕВИЧУ

ЯГИЧУ.

(1838—1908).

ОТДѢЛЪ I.

Лингвистическія замѣтки по славянскимъ языкамъ.

1. русск. високосный.

Въ Извѣстіяхъ XII, 2, 224 я допустилъ, слѣдуя Matzenauer'y, Cizí slova 369 и Шишманову, Сб. народн. умотвор. IX 593, что слово кисокостъ, високосный изъ βίσεχτος получилось путемъ народно-осмыслительнаго сближенія съ кысокъ. Я долженъ сознаться, что и тогда эта этимологія мнѣ не казалась особенно убѣдительной, но тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ лучшей, я рѣшился включить ее въ свою статью. Тѣмъ болѣе пріятно мнѣ теперь предложить болѣе рѣшительное объясненіе. Дѣло въ томъ, что изъ лат. bissextus (о которомъ Körting[3] 167 и 168) заимствовано греч. книжное βίσεξτος, которое вслѣдствіе народнаго осмысленія въ сторону ἕχτος въ народномъ языкѣ получило форму βίσεχτος, (примѣры см. G. Meyer Ngr. St. III 15). Изъ этой послѣдней формы заимствовано румынск. visect (ошибочно Körting[3] 168), затѣмъ ср.-болг. висекто (см. Mi LP 64, Et. Wb. 392), русск. висектосъ, висектъ, (напр. Георг. Амарт. 134, см. Срезневскій I, 263), алб. visék (см. G. Meyer Alb, Wb. 473, вопреки мнѣнію котораго алб. bištek<bišect должно быть признано непосредственнымъ заимствованіемъ изъ лат. языка), малорусск. висектовый, см. Пискуновъ, Словарь малорусск. яз.[2] 36. Всѣ эти формы вполнѣ понятны и не нуждаются въ разъясненіи.

Вопреки обыкновенному положенію дѣлъ менѣе ясны русскія слова, заимствованныя изъ литературнаго βίσεξτος; къ нимъ я теперь и перехожу: древнѣйшей формой заимствованія изъ этого источника на русской почвѣ слѣдуетъ признать русскій кисокостъ. Эту форму мы находимъ въ Новг. Кормч. 1820 г.

p. 564, Псалт. 1296 г. (см. Срезневскій, I, 264) затѣмъ: Патр. Ѳеостирикт. 29; Бесѣдѣ о Цѧрьградѣ, Сборн. отд. русск. яз. и слов. LI, 25 и др.,—значитъ безъ сомнѣнія въ эпоху, когда судьба глухихъ гласныхъ на русской почвѣ уже была рѣшена (см. Соболевскій Лекціи⁴ 46 сл.). Разъ же дѣло обстоитъ такъ, то для установленія болѣе древней формы этого слова въ русскомъ языкѣ необходимо прибѣгнуть къ комбинаціямъ: изъ греч. βίσεξτος согласно „законамъ заимствованій“ (о чемъ М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 201) должно было получиться *висекъстъ. Послѣ измѣненія ъ, ь > о, е въ закрытыхъ слогахъ это слово должно было измѣниться въ *висекостъ, откуда прилагательное *висекóстьный (<*висекъстьнъ), откуда чрезъ ассимиляцію гласныхъ звуковъ (о чемъ Соболевскій Лекціи⁴ 90 сл.)—високóстьный (примѣры см. Срезневскій, I, 264). Звукъ *т* въ такомъ положеніи долженъ былъ исчезнуть (см. Соболевскій Лекціи⁴ 112 сл.); такимъ образомъ получилось современное високосный, а затѣмъ вновь образованное отъ него високóсъ (см. Даль I³ 506).

2. Новообразованія отъ собирательныхъ на—ик.

Въ другомъ мѣстѣ (Извѣстія XII, 2, 215) я уже отмѣтилъ цѣлый рядъ славянскихъ заимствованій изъ греческаго языка, изъ которыхъ можно заключить о широкомъ распространеніи на почвѣ средне-греческаго языка такъ назв. augmentativa на—*α*, образованныхъ вновь отъ уменьшительныхъ образованій на—ι(ον). При помощи этого явленія, дѣйствительно, устраняется цѣлый рядъ затрудненій, возникавшихъ при обсужденіи заимствованій, и я, въ общемъ, не вижу необходимости отказываться отъ своихъ объясненій[1]). За то необходимо обратить вниманіе на нѣсколько заимствованій, которыя не объясняются изъ ряда аугментативныхъ образованій на—*α*; сюда относятся напр. русск. лента, манта и др. Сочетаніе *нт* въ этихъ словахъ заставляетъ думать, что они заимствованы книжнымъ путемъ,—несмотря на то, что они продолжаютъ существовать въ живыхъ говорахъ,—ибо народное ихъ заимствованіе

[1]) Только слово кревато (с. l.) я прямо объясняю теперь изъ κρέββατον, которое въ новогреч. языкѣ сохранилось въ сложныхъ именахъ ἀποκρέββατο, Amorgos, Μηλιαράκης 25, σακκοκρέββατο, Rochudi (см. Morosi, Arch. Glott. IV, 1) и проч. см., Thumb JF II 85.

изъ греческаго языка заставило бы ожидать по крайней мѣрѣ формы въ родѣ *ленда, *манда[1]). Дѣйствительно, лента имѣется въ малорусскомъ языкѣ (см. Żelechowski, 401), затѣмъ въ великорусскомъ языкѣ въ значеніи: 1) „тесьма, тканая полоса для женскихъ нарядовъ"; 2) „полоса молодого сочнаго луба, продаваемаго въ этомъ видѣ;" 3) „головная повязка", см. Даль II[3] 627. Не смотря на отсутствіе въ памятникахъ, слово въ этомъ видѣ существуетъ уже давно; на это указываетъ тотъ фактъ, что изъ русскаго языка оно попало въ финскій, о чемъ свидѣтельствуетъ олон., карельск. lentta 1) „ремень" 2) „рана", финск. lintti „шелковая лента", вотяцк. lintti, эстонск. lint „лента", см. Mikkola Berührungen 39, а изъ карельскаго діалекта снова заимствовано въ русскій языкъ въ видѣ лента „рана", напр. въ выраженіи: „далъ ленту, попала лента" (о нанесеніи удара, раны или побоевъ), Новгор. Черепов., Живая Старина III, 3, 384 см. Погодинъ, Извѣстія XII, 3, 336 сл.— Обращаясь къ памятникамъ, мы поражены отсутствіемъ въ нихъ слова лѧнта; за то здѣсь мы находимъ лѧнтиѥ „полотенце" (изъ старославянскихъ памятниковъ сравни: Zograph. 162, Marianus 371, 15, рядомъ съ лѧнтии, кот. напр. въ Marian. 371, 11; Suprasl, 456, 19; Остром. Ев. Іо. XIII, 4) встрѣчающееся также въ значеніи „поясъ", Новгор. тріодь XIII в. 96, Просвин. Арсенія Суханова 69 и др.[2]) Это слово совершенно точно объясняется изъ λέντιον (о чемъ Извѣстія XII, 2, 252).

Какъ и въ этомъ случаѣ, совершенно ясна вторичность образованія слова манта. Эго слово въ памятникахъ нами не отмѣчено; за то мы встрѣтили слово манътка, Кирилл. Туровск., о черн. чин. 112, 114, откуда фонетически „правильно": мáнотка > мáнатка (см. Срезневскій I 111 сл.)[3]) и чрезъ перенесеніе ударенія: манáтка „рубашка" Бѣлорусск. гов. см. Извѣстія II, 347; IV 289. Прототипомъ слова манътка слѣдуетъ признать слово *манта. Рядомъ съ нимъ встрѣчается манътиѧ > манотья, Ипатск. Лѣт. 255 (см. Р. Ф. В. XLII, 104). Изъ манотья́ опять чрезъ ассимиляцію получилось манатья́ (см. Соболевскій, Русск. заимств. слова 83 и 92), маната́ „бѣлье", малорусск., Кіевск. Старина XXVI 706; манатья́

---

[1]) Въ виду измѣненія nt > nd на греческой почвѣ, см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 214.

[2]) Срезневскій II 17 приводитъ слишкомъ мало примѣровъ, при чемъ не раздѣляетъ значеній: „поясъ" и „полотенце".

[3]) Получившееся путемъ ассимиляціи гласныхъ (о чемъ Соболевскій Лекціи[4] 90 сл.).

„мантія“, Нижегородск., Кирѣевскій, Русск. нар. пѣсни IV 87, „старая поношенная одежда“, Шенкурск., Архангельск., Подвысоцкій 87. Изъ русск. манатка заимствовано польск. manatki „всякая старая одежда, рухлядь“, русское же слово восходитъ, какъ уже замѣчено, чрезъ посредство манта къ гр. μαντίον, книжной формѣ народнаго μανδύ: μανδύας, откуда ст.-сл. манъдиꙗ (см. Извѣстія XII, 2, 255). Написаніе—ντ—здѣсь оправдывается контаминаціей на греческой почвѣ словъ μαντίλι, μανδύ и (ἱ)μάντι(ον) (о первомъ см. G. Meyer, Ngr. St. III 42) [1]).—Послѣ этого сопоставленія матеріала, я перехожу къ объясненію формъ лента и манта. Примѣры изъ памятниковъ и фонетическіе признаки показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ книжными заимствованіями, проникшими въ народный языкъ. Разъ дѣло обстоитъ такъ, то греч. λέντιον, заимствованное въ литературной формѣ, должно было дать ленътиѥ, а греч. μαντίον—*манътиѥ, но въ такомъ видѣ эти слова стали очень похожи на славянскія collectiva въ родѣ вѣтвиѥ, корѥниѥ etc. (о кот. Vondrák, Vgl. slav. Gramm. I 404). Такимъ образомъ „греческое“ окончаніе—иѥ стало восприниматься какъ морфема коллективная и въ виду такихъ отношеній какъ ст.-слав. оса: осиѥ, лоза: лозиѥ, разга (Marian. 378, 3;): раждиѥ (Marian. 378, 12), розга (Savv. Kn. 27; 102в;): рождиѥ (Savv. 27в; 102в; 133в), рыба: рыбиѥ, вѣꙗ (см. Miklošić, Lex. Palaeosl. 123): вѣиѥ (Cod. Supr. 402, 30; 403, 1;) и проч.,—къ законно образовавшимся, мнимо-коллективнымъ ленътиѥ, манътиѥ были образованы мнимые прототипы въ видѣ: ленъта, манъта. Остается объяснить слово манътиꙗ, имѣющееся напр. у Пахомія Логоѳета, Жит. св. Алексѣя 190, Кирилл. Туровск. о черн. чин. 110, 112 и проч. (см. еще Срезневскій II 110). Его можно было бы объяснить изъ греч. nom. pl. μαντία, но въ такомъ случаѣ мы не могли бы понять формы манътка, ибо, въ виду скамья: скамейка, статья: статейка къ *мантья, слѣдовало бы въ современномъ языкѣ ожидать: *мантейка, очевидно изъ *манътька. Такъ какъ памятники говорятъ въ пользу манътка, а слѣдовательно и манъта (о кот. см. еще Miklošić, Denkschr. Wien. Ak. XV 109), происхожденіе котораго мы выяснили, то остается манътиꙗ признать новообразованіемъ. Объясненіе его просто: въ виду существованія отношеній въ родѣ вѣиꙗ: вѣиѥ къ закон-

---

[1]) При чемъ ἱμάντιον „vestis“ получилось изъ ἱμάτιον id. опять чрезъ контаминацію съ другимъ ἱμάντιον: ἱμάς,-ντος „ремень“.

ному манътик было вновь образовано слово манъти, что привело, какъ мы видимъ теперь, къ исчезновенію первоначальнаго *манъта въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ (неточно Горяевъ 201, Miklošić, Et. Wb. 183).—Обратное явленіе, образованіе на почвѣ старославянскаго языка новыхъ collectiva, въ силу отношеній въ родѣ джбъ: джбик — съ одной, и вѣи: вѣик, лоза: лозик съ другой стороны, мы видимъ въ ст.-сл. пѧнътикостик (Fragm. Prag. 18): пєнътикости (Savv. Kn. 29, 30; см. Извѣстія XII, 2, 271), подрѹмиѥ (см. Miklošić, Lex. Palaeoslov. 596): подрѹмъ изъ ὑπόδρομος, см. Извѣстія XII, 2, 266; наконецъ, въ сербск. *трсје*: *трс* = тръсъ, о которомъ Извѣстія XII, 2, 283.

3. Мнимое измѣненіе č > с въ болгарскомъ языкѣ.

Miletič, Das Ostbulgarische 91 въ описаніе восточно-болгарскихъ говоровъ внесъ особый отдѣлъ о „мѣнѣ č и с“. Къ сожалѣнію фонетическій „законъ“ у него устанавливается на основаніи одного только примѣра: čuvał, и поэтому не выдерживаетъ критики. Чтобы опровергнуть его мнѣніе, необходимо принять во вниманіе этимологію слова чува́л: оно восходитъ, какъ заимствованіе, къ персидско-тур. džuval „Sack aus grober Leinwand“, откуда заимствовано также курдск. čuval, džuhal, греч. τσουβάλι (см. Miklošić, Denkschr. Wien. Ak. XXXIV, 280). Именно въ такой формѣ слово попало въ болгарскій языкъ, гдѣ „почти всюду“ (см. Miletič c. l.) встрѣчается чова́л „мѣшокъ, обыкновенно изъ козьей шерсти“, см. Дювернуа 2562; Геровъ V, 558, затѣмъ въ русск. чува́л „шерстяная обшивка“, 2) „очелье съ трубой, кожухъ съ частью трубы“, см. Даль IV², 629, м.-русск. „мѣшокъ“, Želechowski 1078, „широкій нагайскій шерстяной мѣшокъ“, Терск., Сборникъ Ак. Наукъ LXXI, 108 сл.; „мѣшокъ изъ грубаго холста“, Терск., РФВ XLIV, 112, и пр., наконецъ, въ греческій языкъ, въ формѣ τσαβάλι, встрѣчающейся уже у Сахликиса, Ἀφήγησις παράξενος v. 343, см. Пападимитрій, Лѣтопись Ист.-фил. общ. Нвр. Унив. VI, 159, ζιβάλι, Калабрія, Pellegrini 127, τσούβαλον, см. Ducange 1572, τσουβάλι „Sack aus grober Leinwand“, напр., Astypalaia, Pio 100; Syme, Sporades, Δελτίον VI, 348, сѣв.-греч. cvál′ „idem“, Kretschmer, Lesb. Dial. 86, при чемъ имѣются и derivata этого слова въ ново-греческихъ говорахъ, напр. τσουβαλάρι > augmentativum

τσουβαλάρα, Astypalaia, Pio 136. Если теперь въ нѣкоторыхъ изъ восточно-болгарскихъ о-діалектовъ, напр. у грьцоевъ отъ Шумна-Провадіи до Рущука и Бялы встрѣчается форма cuvál′, то эта послѣдняя должна быть признана заимствованной изъ греч. τσουβάλι, на что, кромѣ начальнаго *c*, указываетъ и конечное l′, необъяснимое, если предположить, что слово заимствовано изъ турецкаго языка.

Кромѣ этого неудачнаго примѣра, Miletič c. l. 91 указываетъ еще на слово zakàcvₒᵃm < zakačvₒᵃm (c. l. 91), но здѣсь, какъ и въ цитованномъ тамъ же svv̂ǎrzъt < svǎ̂ržъt, имѣются другія условія: присутствіе въ началѣ словъ „свистящаго" звука повліяло на слѣдующій „шипящій" ассимилирующимъ образомъ и отсюда лишь звукъ z, с перенесенъ на другіе случаи, гдѣ нѣтъ „свистящаго" въ началѣ слова, какъ напр., vǎ̂rzъt, nₒᵃkₒᵃcil̓ и пр. — Въ словѣ obličam, наконецъ, Miletič 91 склоненъ видѣть „обратное" измѣненіе c > č, ссылаясь на существованіе ст.-сл. обл҄ѣцáти : обл҄ѣшти. Но здѣсь č появилось уже по психологическимъ причинамъ, подъ вліяніемъ словъ въ родѣ обл҄ѣчєниѥ.

4. Лошадь.

Слово **лошадь** давно уже признано турецкимъ заимствованіемъ въ русскомъ языкѣ, см. Меліоранскій, Извѣстія X, 4, 122 сл., Коршъ, Извѣстія VIII, 4, 45, Arch. sl. Phil. VIII, 648, Miklošić, Türk. Elem. I, 245. Karłowicz, Słownik wyrazów 335. Какъ его источникъ указывается турецк. **alaša**. Затрудненія фонетическаго характера, возникающія при такомъ сопоставленіи до сихъ поръ еще не рѣшены и это обстоятельство заставляетъ меня снова затронуть вопросъ объ этимологіи слова **лошадь**. Если начальный гласный *a* турецкаго слова не сохранился въ русскомъ заимствованіи, то это не должно насъ удивлять: Меліоранскій c. l. приводитъ цѣлый рядъ случаевъ исчезновенія начальнаго *a* въ Sandhi на русской почвѣ, напр., **лачуга**, **лафá**; что это явленіе на русской почвѣ было болѣе распространено, чѣмъ это принято думать, мы постараемся въ ближайшемъ будущемъ доказать въ этомъ же журналѣ. Перейдемъ къ главному затрудненію, связанному съ этимологіей разбираемаго нами слова,— окончанію—**адь**. Какъ показываютъ примѣры изъ памятниковъ, форму **лошадь** слѣдуетъ считать сравнительно новой: Коршъ, Archiv VIII, 648 ссылается на лѣтописное: **лошата и волы**

(Лѣтоп. II, 227; 1305 г.) и на этомъ основаніи предполагаетъ первоначальное русское л о ш а. Такимъ образомъ онъ значительно подвинулъ впередъ рѣшеніе этого вопроса: извѣстно, что въ эпоху послѣ исчезновенія въ русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ, имѣлось склоненіе въ родѣ: *осля*, *ослятu* изъ ослѧ, ослѧти; подъ него попало заимствованное л о ш а, къ которому былъ созданъ gen. sing. л о ш а т и по образцу о с л ꙑ : о с л ꙑ т и. Что это *фактъ*, а не *гипотеза*, какъ можно было бы подумать на основаніи замѣчаній Брандта, Р Ф В XVIII, 34 сл., Miklošić'a, Denkschriften XV, 106, XXXIV, 245, показываетъ современное малорусск. *лошá*, *лошáти*, см. Želechowski 414.—Послѣ того, какъ въ великорусскомъ языкѣ склоненіе основъ на t - подверглось вліянію основъ вокальныхъ, должны были исчезнуть и формы nom. sing. *осля*, *лоша*, *порося*. Изъ нихъ *лоша*, въ виду того, что среднеязычное произношеніе *ш* въ позднѣйшій періодъ исторіи русскаго языка было невозможно (см. Соболевскій Лекціи [4] 136 сл.) стояло нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ именъ съ первоначальной морфемой—ęt- > at- (о кот. Vondrák Vgl. Gr. I, 493) и поэтому не удивительно, что оно, послѣ утраты этихъ склоненій, было замѣнено иначе, чѣмъ напр., о с л я, п о р о с я, ж е р е б я. Въ то время, какъ отъ послѣднихъ сохранились deminutiva п о р о с е н о к ъ, ж е р е б е н о к ъ etc. (см. Карскій, Р Ф В XXII, 179 сл.), отъ о с л я сохранилось ожидаемое въ виду морфологическихъ измѣненій о с л я т ь; изъ л о ш а, по тѣмъ же соображеніямъ, должно было получиться *л о ш а т ь. Но извѣстно, что послѣ X вѣка конечные гласные ъ и ь уже не существовали въ велико-русскомъ языкѣ (см. Соболевскій Лекціи [4] 46 сл.), слѣдствіемъ чего было измѣненіе звонкихъ согласныхъ въ концѣ словъ въ соотвѣтствующіе глухіе. Такъ установились отношенія въ родѣ d r ú k : d r ú g a, r á p : r a b á и проч., сохранившіяся до настоящаго времени (Соболевскій с. l. 119 сл.). Это привело къ тому, что по аналогіи съ d r ú k : d r ú g a къ слову s t o ł p сталъ образовываться gen. s. s t o ł b á, и наоборотъ, по аналогіи b ó k : b ó k a появился gen. s. t'e t r a t'i къ nom. sing. t'e t r a t' (gen. т е т р á т и, напр. въ Чудесахъ преп. Сергія 75, затѣмъ въ памятникѣ Св. Аѳонская гора и Соловецкій монастырь 67; loc. pl. т е т р а т е х ъ Чуд. св. Сергія 131 и проч.). Точно также въ русскомъ языкѣ получилось *тормосъ*>*тóрмозъ*, изъ греч. τόρμος, *дисакъ*>*дисагъ* изъ греч. δισάκκι(ον), напротивъ игъдь > и г о д ь > и г о т ь, изъ греч. ἴγδι(ον) и т. п.

Эти факты проливаютъ свѣтъ на образованіе лошадь изъ лошать: первое изъ второго получилось точно такимъ же путемъ, какъ, напр. слово *мезгъ* получилось изъ *мескъ* (см. M. Vasmer, Festschrift f. Jagić 277).—Такое объясненіе я предпочитаю общепринятому до сихъ поръ мнѣнію, что слово *лошадь* представляетъ изъ себя имя собирательное, превратившееся позже въ „имя единичности“ (такъ Miklošić, Türk. El. I, 245, Меліоранскій, Извѣстія X, 4, 123, Брандтъ, РФВ XVIII, 34 сл.). Вѣдь въ русскомъ языкѣ отсутствуютъ образованія, въ родѣ сербск. ждрѐба̑д, тѐља̑д и проч.

Наконецъ, необходимо объясиить форму лоша́къ: это— новообразованіе къ слову лоша, по аналогіи слова иша́къ < < ešek (см. Schrader Reall. 205).

5. Слонъ.

Въ большинствѣ славянскихъ языковъ, какъ извѣстно, распространено одно и то же названіе слона: ст.-слав. слонъ „elephas“ (засвидѣтельствованное Miklošić'емъ, Lex. Pal. 858 изъ средне-болгарскихъ памятниковъ) русс. *слонъ*, польск. лужицк., малорусск. *слонь*. Отсюда безъ сомнѣнія заимствовано литовск. slanas (см. Miklošić, Et. Wb. 308); но этимологія славянскихъ словъ до сихъ поръ окончательно не выяснена. Schrader Reallexicon 180 sq. предполагаетъ связь слова слонъ съ др.-инд. çli-pada- „Elephantiasis“, что сопряжено съ цѣлымъ рядомъ фонетическихъ затрудненій. Удачнѣе Štrekelj, Zur slavischen Lehnwk. 58 sq. считаетъ источникомъ нашего слова турецк. arslan „левъ“. Со стороны значенія здѣсь нѣтъ никакихъ, на мой взглядъ, затрудненій: въ славянской языковой области какъ левъ, такъ и слонъ отсутствуютъ, поэтому перенесеніе названія одного изъ чудовищныхъ животныхъ на другое, столь же неизвѣстное,—не представляетъ ничего удивительнаго. Štrekelj c. l. уже припомнилъ по этому поводу готск. ulbandus, др.-в.-нѣм. olbento, откуда ст.-сл. вельбждъ „camelus“; здѣсь же необходимо имѣть въ виду, что др.-инд. úṣṭra—„буйволъ“ въ болѣе позднее время имѣетъ значеніе „верблюдъ“, а затѣмъ др.-прусск. weloblundis, заимствованное изъ славянскихъ языковъ (ст.-сл. вельбждъ), имѣетъ значеніе „мулъ“ (см. еще Schrader Reall. 404 sq.). Фонетическія затрудненія, которыхъ не выяснилъ Štrekelj c. l., заставили самого его нерѣшительно высказать эту этимологію

и побудили нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ выразить сомнѣніе по этому поводу. Такъ Ильинскій, РФВ LVI 386 сл. замѣтилъ, что: „изъ турецк. arslan, не говоря уже о крайней натянутости значенія, начальное ars—турецкаго слова въ славянскихъ языкахъ должно было бы въ такомъ случаѣ раздѣлить судьбу праславянской группы—ort и—art“. Того же мнѣнія первоначально придерживался и я, хотя это мое сомнѣніе случайно (и—къ счастью, какъ вижу теперь) не проникло въ печать.—Между тѣмъ фонетическія затрудненія рѣшаются на турецкой почвѣ: уже Miklošić, Türkische Elemente I, 13, Nachtrag I, 6; II, 76, 188 сопоставляетъ заимствованныя изъ турецкихъ языковъ названія льва; съ одной стороны изъ arslan получилось сербск. arslan, словинск. oroslan, oroslanj, болг. arslan, arslanin, aršlan, raslanj, вотяцк. arislan, съ другой—изъ турецк. діалектич. aslan заимствованы: алб. aslan, новогреч. ἀσλάνι, болг. aslan, курдск. aslan, м.-рум. aslanu (см. также Rudow, Zeitschr. f. rom. Phil. XVII, 383). Форма съ исчезновеніемъ звука r на турецкой почвѣ довольно древняя: ее, напримѣръ, мы находимъ въ Cod. Cuman. 127: astlan. *Такимъ образомъ, на мой взглядъ, найденъ и источникъ нашего „слонъ“, въ турецк. aslan.* Štrekelj c. l. 59, причину передачи тур. *a* чрезъ слав. *o* видитъ въ неударяемости его въ косвенныхъ падежахъ, а также въ народноэтимологическомъ сближеніи этого слова съ глаголомъ слонити, слонѣти (см. также Брандтъ РФВ XXIV 180 сл.)[1]). Начальный же гласный *a* или *o* исчезъ уже на славянской почвѣ въ Sandhi, точно такъ же, какъ, напр. въ лачуга, лафа, лошадь и др. (см. Меліоранскій Извѣстія X, 4, 122 сл.).

М. Фасмеръ.

---

[1]) Только Брандтъ с. l. ошибочно видитъ въ указаніи Физіолога намекъ на дѣйствительное происхожденіе слова слонъ отъ глагола слонитиса. Приведенный у него отрывокъ имѣетъ только народно-этимологическое значеніе, чѣмъ оправдывается гласный звукъ *о* въ словѣ слонъ.

„Егорьевъ день“ въ Смоленской губерніи [1]).

Въ Вяземскомъ уѣздѣ, при первомъ выгонѣ скота въ поле въ день св. Егорія, хозяинъ беретъ икону, хлѣбъ-соль и со всей семьей обходитъ свой скотъ три раза, причемъ всѣ присутствующіе молятся Богу, обративши лицо на востокъ—просятъ св. Георгія Побѣдоносца сохранить ихъ скотину отъ всякихъ напастей. Какъ только скотину выгонятъ за ворота, многія старушки вывертываютъ шубу наружу шерстью, надѣваютъ въ такомъ видѣ шубу и становятся среди своего скота; у какой-нибудь коровы или овцы вырываютъ клочекъ шерсти и эту шерсть запираютъ замкомъ, чтобы волкъ не трогалъ скота.

Въ Порѣчскомъ и Краснинскомъ уѣздахъ въ каждомъ домѣ, предъ выгономъ скота, хозяинъ съ хозяйкой зажигаютъ передъ иконами „страстную“ свѣчу, столъ накрываютъ чистою скатертью, кладутъ на него цѣлый круглый хлѣбъ, ставятъ на столъ полную солонку соли и молятся Богу. Потомъ хозяинъ беретъ икону св. Георгія, страстную свѣчу, а хозяйка—хлѣбъ съ солью, и обходятъ на дворѣ кругомъ весь свой скотъ, приговаривая:

„Святой Ягорій батюшка, здаемъ на руки тябѣ свою скотинку и просимъ тябе—сохрани яе отъ звѣря лютаго, отъ человѣка лихого“.

Затѣмъ кладутъ на землю подъ ворота замокъ и ключъ: „чтобы пасть звѣриная была такъ крѣпко заперта, какъ запирается замокъ на ключъ“. А икону ставятъ надъ воротами и выгоняютъ скотъ на улицу, гдѣ пастухъ уже снова обходитъ всё стадо съ иконою Николая Чудотворца, также говоря: „о, святой Никола-батюшка, сдаю на поруки все стадо и прошу тебя—сохрани его отъ звѣря лютаго“. Послѣ этого всѣ гонятъ

---

[1]) Статья эта находится въ тѣсной связи съ статьей того-же автора въ 1 вып. нашего журнала за текущій годъ.

скотъ въ поле, имѣя въ рукахъ вербы; тамъ хозяйки даютъ пастуху и подпаскамъ сало и яйца, изъ которыхъ они приготовляютъ тутъ же, въ полѣ, яичницу. Когда яичница бываетъ готова, пастухъ назначаетъ, кому изъ его подпасковъ быть зайцемъ, кому—слѣпымъ, кому—хромымъ, кому—замкомъ и кому—колодой; разставляетъ ихъ всѣхъ кругомъ стада; послѣ этого беретъ приготовленную яичницу и идетъ съ нею, прежде спрашивая у зайца: „Заяцъ, заяцъ, горька ли осина?"

Заяцъ отвѣчаетъ: „Горька!"

— Дай Богъ, чтобы и наша скотинка для звѣря была горька.

Потомъ спрашиваетъ у слѣпого:

— „Слѣпой, слѣпой, видишь ли?"

Слѣпой отвѣчаетъ: „Не вижу".

— Дай Богъ, чтобъ и нашу скотинку не видала звѣринка.

Дальше спрашиваетъ у хромого:

— „Хромой, хромой, дойдешь ли?"

Хромой отвѣчаетъ:

— Не дойду.

— „Дай Богъ, чтобы и звѣринка не дошла до нашей скотинки".

Дальше спрашиваетъ у замка:

— „Замокъ, замокъ, разомкнешься ли?"

Замокъ отвѣчаетъ:

— Не разомкнусь.

— „Дай Богъ, чтобы и у звѣря не разомкнулись зубы для нашей скотинки".

И наконецъ спрашиваетъ у колоды:

— „Колода, колода, повернешься ли?"

Колода отвѣчаетъ:—Не повернусь!—

— „Дай Богъ, чтобы и звѣрь не повернулся къ нашей скотинкѣ".

Такимъ порядкомъ пастухъ обходитъ стадо три раза. Послѣ этого всѣ дѣйствующія лица содятся и съѣдаютъ яичницу, а затѣмъ, немного погодя, еще задолго до вечера, пастухъ гонитъ скотъ обратно въ деревню, гдѣ уже на улицѣ начинается пляска, какъ на Радоницѣ.

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ, при выгонѣ скота въ первый разъ въ поле, въ день св. Егорья, хозяинъ и хозяйка обходятъ въ хлѣвѣ скотъ съ иконою; потомъ въ ворота хлѣва кладутъ поясъ, сковороду, топоръ, замокъ и косу—и тогда, непремѣнно сами, выгоняютъ скотъ въ поле. При этомъ поясъ означаетъ, что скотина не будетъ отходить отъ дома, какъ поясъ не отходитъ

отъ тѣла хозяина; желѣзныя вещи означаютъ, что какъ желѣзо нельзя ѣсть, такъ и скотъ не можетъ съѣсть никакой звѣрь.

Прогнавши въ поле скотъ, каждая женщина бросаетъ на то мѣсто, докуда прогнала скотъ, свои прутья, которыми гнала скотъ и начинаетъ черезъ нихъ прыгать (не менѣе трехъ, пяти разъ) и старается прыгнуть какъ можно выше. Обычай прыгать черезъ прутья крестьяне объясняютъ двояко: одни говорятъ, что это дѣлается для того, чтобы скотина всегда такъ прыгала, т. е. была всегда здорова и весела, а другіе говорятъ — для того, чтобы ленъ уродился лучше.

На Юрьевъ день женщины пьютъ водку на полѣ; одна у другой срываютъ платки съ головы, дергаютъ одна другую за волосы, приговаривая: „чтобъ у хозяина жито было рослое и густое, какъ волны“.

Скотину выгоняютъ на зарѣ въ ржаное поле непремѣнно вербой, съ которой были въ церкви у заутрени Вербнаго воскресенья; но скотину не оставляютъ въ полѣ, а только перегоняютъ черезъ поле и гонятъ обратно домой.

Этимъ раннимъ выгономъ скотина поручается покровительству св. Георгія, который будто бы рано утромъ объѣзжаетъ поля — и ту скотину, которую застанетъ и увидитъ въ полѣ, бережетъ все лѣто отъ болѣзней и звѣрей. Послѣ обѣдни служатъ молебны на ржаномъ полѣ. При выгонѣ въ первый разъ пастухами скота, пастуховъ одѣляютъ выносами печеныхъ лепешекъ, яицъ, сала. Пастухъ выгоняетъ скотъ за околицу; обходя стадо кругомъ, молится на всѣ четыре стороны, кладетъ подъ межу край хлѣба и самъ постится весь день.

Въ Краснинскомъ уѣздѣ, въ полночь подъ Юрьевъ день, 23-го апрѣля, каждый конюшекъ, отправляющійся съ лошадьми на ночлегъ, беретъ съ собой кусокъ хлѣба и яйца и кладетъ всё это подъ межу, для того, чтобы лошади были сыты, полны, гладки тѣломъ и цѣлы отъ воровъ.

При выгонѣ въ первый разъ стада пастухами у крестьянъ деревни Линевки, Сычевской волости, Ельнинскаго уѣзда, соблюдается слѣдующій обычай: каждый хозяинъ дома предварительно выгоняетъ весь свой скотъ на дворъ, потомъ идетъ въ избу, зажигаетъ передъ иконою страстную свѣчу и съ своей семьей молится Богу. Послѣ этого снимаетъ икону и съ ней на дворѣ обходитъ три раза свой скотъ; затѣмъ икону вноситъ въ избу и ставитъ на прежнее мѣсто, и, наконецъ, хозяинъ съ хозяйкою гонятъ скотъ въ поле.

Когда выгонятъ изъ своей деревни скотъ въ поле, то всѣ

хозяева, хозяйки и пастухи собираются вмѣстѣ и передъ иконой, которую беретъ съ собою кто-либо изъ хозяевъ, молятся Богу. Потомъ пастухи становятся вокругъ стада, а всѣ остальные, т. е. хозяева и хозяйки, съ иконой обходятъ кругомъ всё стадо, при чемъ останавливаются четыре раза и, при каждой остановкѣ, стрѣлокъ, стоящій поодаль, стрѣляетъ изъ ружья. По окончаніи обхода, всѣ, кромѣ пастуховъ, возвращаются домой, а когда стадо возвратится домой, домохозяинъ кропитъ свой скотъ святой крещенской водой. Весь этотъ день проводятъ праздно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ельнинскаго уѣзда на Егорьевъ день хозяйки гонятъ свой скотъ на выгонъ, а одна изъ нихъ несетъ хлѣбъ-соль и образъ святого Георгія. Скотъ устанавливаютъ вокругъ и не даютъ ему расходиться въ разныя стороны. Каждая баба держитъ въ рукахъ вербу, освященную на Вербное воскресенье, и вѣничекъ, которымъ окропляетъ священникъ святой водой ихъ избы, служа у нихъ молебенъ на святой недѣлѣ.

Когда соберется весь скотъ, всѣ начинаютъ усердно молиться, прося святого Георгія взять ихъ скотъ подъ свое покровительство; потомъ пастухъ, въ сопровожденіи мальчика, обходитъ скотъ съ образомъ и солью три раза. Помолившись еще разъ, пастухъ гонитъ свое стадо, а бабы идутъ каждая на свою ниву и втыкаютъ вербу и вѣничекъ въ зелень, чтобы рожь была густая и высокая.

23 апрѣля, день св. Георгія Побѣдоносца, имѣетъ особенное значеніе также и въ распредѣленіи хозяйственныхъ работъ. Если овцы не бываютъ стрижены до этого дня, то ихъ стригутъ уже послѣ Николина дня (9 мая); прежде 23-го апрѣля не станутъ городить изгородей въ поляхъ. Крестьяне говорятъ, что до Егорья „скоту въ полѣ три воли“, т. е. когда и что захочетъ, и въ любомъ мѣстѣ; и еще: „Егорьева роса выкормитъ скотину лучше всякаго овса“, а потому въ этотъ день непремѣнно выгоняютъ скотъ въ поле, хотя бы не было еще травы, и прежде всего въ поле, засѣянное озимымъ хлѣбомъ.

Въ этотъ же день, избирая время между утреней и обѣдней, сѣютъ разсаду, увѣренные, что посѣянная въ это время разсада непремѣнно будетъ хорошая. Егорій весенній, празднуемый 23 апрѣля, считается старше осенняго, бывающаго 26-го ноября.

Народъ считаетъ св. Георгія повелителемъ волковъ, и если въ суровыя зимы волки размножаются, то значитъ „св. Егорій ихъ распустилъ“.

Въ молитвахъ и заговорахъ объ выздоровленіи и возвращеніи скота обыкновенно обращаются къ святому Георгію, къ Честному Лѣса, а также и къ „царю бѣлому (или сѣрому) волку.“

Въ одномъ заговорѣ говорится: „Святой Георгій Побѣдоносецъ и святой Константинъ, на бѣлыхъ коняхъ, имущи въ рукахъ огненные щиты, объѣзжаютъ около нашего скота, милаго живота; бьютъ они, побиваютъ всѣхъ колдуновъ и колдуницъ, еретиковъ и еретицъ, воровъ и ворицъ, звѣрей и звѣрицъ, волковъ и волчицъ, змѣевъ и змѣйцъ“.

А вотъ заговоръ, обращенный въ „Царю-Сѣрому волку:“ — „Есть на свѣтѣ три царя: первый царь—ясный мѣсяцъ въ небѣ, другой царь—черный ракъ въ морѣ, третій царь—сѣрый волкъ въ лѣсѣ. Какъ этимъ тремъ царямъ вмѣстѣ не сходиться, за однимъ столомъ вмѣстѣ не садиться — такъ чтобъ у скотины, такой-то шерсти, такой-то масти, чемери не было.“

Какъ волкъ, такъ и змѣя имѣютъ въ глазахъ знахарей и приверженцевъ старины особое священное, такъ сказать, значеніе.

Если при встрѣчѣ съ волками совѣтуютъ не стрѣлять въ нихъ, а поздороваться съ ними, то такая же вѣжливость рекомендуется и въ обхожденіи со змѣей. А уничтожать ихъ нужно заговоромъ.

Припоминаю то, что мнѣ разсказывала Авдотья Маркова, крестьянка изъ села Данькова. „Наслушавшись отъ матери разныхъ заговоровъ, отправилась я въ лѣсъ, гдѣ водилось много змѣй, изловила тамъ змѣю и спрятала ее за пазуху. Она у меня, прибавляетъ разсказчица, тамъ и издохла!“

Одна знахарка хвалилась: „я какъ гляну на змѣю, такъ она и околѣетъ; отъ этого я не вижу ихъ—яны бягуть отъ мяне!“

Особеннымъ почетомъ пользуется у знахарей змѣя дворовая,—значеніе ея такое же, какъ и царя бѣлаго волка въ лѣсу и хозяина домового въ домѣ. „Дворъ безъ дворовой змѣи не можетъ существовать!“ Невольно припоминаются изображенія древнихъ римскихъ домашнихъ боговъ, ларовъ и пенатовъ,— въ видѣ змѣи.

В. Добровольскій.

Малорусская сказка объ убіеніи стариковъ и миөъ о происхожденіи свиньи у туземцевъ Гервеевыхъ острововъ.

Всякій, занимающійся народной поэзіей чувствуетъ, что методъ школы заимствованія, созданной Бенфеемъ и Веселовскимъ, далеко не всегда можетъ дать удовлетворительные отвѣты относительно многаго, весьма существеннаго. Эта неудовлетворительность создаетъ почву для гипотезы „самостоятельнаго зарожденія", которая опять таки врядъ ли можетъ всегда оказаться умѣстной. Наряду съ ней антропологи, напр. Эренрейхъ, авторъ интересной работы о фольклорѣ туземцевъ Америки, обращаются къ праисторическому обмѣну и получаютъ на этой почвѣ важные выводы о точкахъ соприкосновенія фольклора Сѣверной Америки и Азіи, Южной Америки и Океаніи, и наоборотъ о довольно значительномъ различіи между фольклоромъ Сѣверной и Южной Америки.

Такая группировка фольклорнаго матеріала по крупнымъ территоріальнымъ областямъ явно указываетъ на важную въ развитіи фольклора роль праисторическаго международнаго обмѣна, который можетъ быть придется считать факторомъ болѣе важнымъ, чѣмъ возможныя въ отдѣльныхъ случаяхъ факты заимствованія изъ литературнаго источника и самостоятельнаго зарожденія.

Праисторическій обмѣнъ, къ гипотезѣ о которомъ близко подходилъ въ нѣкоторыхъ трудахъ и покойный А. Н. Веселовскій, хотя пристрастіе къ книжному источнику мѣшало ему использовать эту плодотворную мысль, объясняетъ многое, иначе совершенно непонятное. Народамъ нѣтъ надобности соприкасаться непосредственно, чтобы получить одну и ту же легенду изъ какого нибудь одного источника.

Такія соціальныя явленія какъ экзогамія являются естественными проводниками легендъ отъ одного народа къ другому, и въ теченіе вѣковъ легенда постепенно просачивается въ противоположные края міра. Сравнительно съ этимъ всегда дѣйствующимъ, вѣковымъ устнымъ обмѣномъ, вліяніе книги, которому можетъ подвергаться лишь ничтожное меньшинство, должно быть незначительно.

Вѣроятнымъ образчикомъ такого праисторическаго обмѣна намъ кажется очень близкое сходство приводимаго Лангомъ миѳа о происхожденіи свиньи принадлежащаго жителямъ островъ Hervey на Тихомъ Океанѣ, съ записаннымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нами въ Волынскомъ Полѣсьѣ сказаніемъ объ убіеніи стариковъ.

„Maaru, разсказываютъ жители острововъ Гервей, былъ слѣпой старикъ и жилъ со своимъ сыномъ Kationgia. Въ голодный годъ Kationgia испытывалъ большія трудности въ пріисканіи пищи отцу и себѣ. Онъ давалъ отцу рыбу и пирожки изъ банановыхъ корней, между тѣмъ какъ самъ питался, какъ это дѣлаютъ туземцы Огненной Земли, голотуріями и слизняками. Тѣмъ не менѣе старикъ Maaru подозрѣвалъ, что сынъ даетъ ему худшую часть пищи, оставляя для себя лучшую, но, тронувъ тѣло сына, онъ убѣдился, что послѣдній дошелъ до послѣдней степени худобы: это былъ живой скелетъ. Они заплакали и Maaru заставилъ своего сына проглотить нѣсколько орѣховъ и кусковъ плода хлѣбнаго дерева, которые онъ сохранилъ, какъ послѣдній запасъ. Когда это было съѣдено, онъ сказалъ, что съѣлъ свой послѣдній запасъ и приходится умирать. Онъ велѣлъ сыну покрыть его листами и травой, и придти черезъ четыре дня; если онъ увидитъ подъ листьями червяковъ, онъ долженъ снова покрыть травой и вернуться снова черезъ четыре дня. Kationgia сдѣлалъ то, что̀ ему было приказано и, придя во второй разъ, онъ нашелъ всѣ листья въ движеніи: стадо поросятъ черныхъ, бѣлыхъ и пестрыхъ вышло изъ земли. Голодъ кончился, и Kationgia сдѣлался на островѣ большимъ начальникомъ“ [1]).

Приведемъ малорусскій разсказъ, который можно назвать варіантомъ только что приведеннаго. Онъ записанъ нами десять лѣтъ тому назадъ въ с. Бѣловѣжѣ, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи и принадлежитъ къ числу разсказовъ объ убіеніи стариковъ носящихъ загадочное названіе разсказовъ „за лопани́ну“.

[1]) Lang, „Mythes, Cultes et Rel“, 134, (Франц. пер.).

„Буў коліс маскаль. Служиў вун цару 25 лет, прийшоў домоў дай не вподобалосо ему. „Пойду, каэ, послужу щэ богу. Прийшоў ун на нэбо тай стаў келя ворут на варте. Аж іде смэрть до Бога петатисо, кого брать. А вун каэ „постуй, я сам пойду“. Ог пошоў он до Бога, тай каэ „так і так аж смэрть прийшла питать, кого ее можна брать. А Бог каэ „нэхай бэрэ старих людэй“. Москаль пошоў тай каэ „гризи старие дуби“. Смэрть гризла, гризла дуби тай знэдужала; идэ до Бога зноў, а москаль зноў каэ „пожди, я сам пойду“. Бог каэ „нэхай бэрэ сэрэдніх людэй“, а москаль прийшоў тай каэ „гризи сэрэднії дуби“. От смэрть гризла, гризла тай ще горшэе стало. Приходить вона зноў до Бога, москаль пошоў питати, а Бог каэ „нэхай бэрэ молодих людей, шоб одвілаcа“. Прийшоў москаль до смэрті тай кажэ „гризи молодие дуби“. Смэрть гризла, гризла тай вжэ стала пропадать. Приходить вона зноў до Бога. Аж москаль стоить. От вона й кажэ, що вжэ так зми зэрніла, шо у табакерку влізэ. А москаль каэ „а ну но, лезь“. От вона влезла, а москаль зашкнуў табакерку тай закинуў у дупло. От і перестали люди вмирати; і така сила іх росплодилосо, шо нэ було дэ жить, тогді стали люди своіх батькоў забивать и називалосо гэто „лопанйна“.

„Аж було у одному сэле три брати и нэ хтели вони батька вбить, викопали глибоки лёх тай сховали ёго и давали ёму есть и піть. А як стало на земле таке глупство, шо людэ батькоў забивали, то Бог розсэрдиўсо, тай нэ стала земля родить, и вжэ нэ було нігди а ні зэрна жита. От ти брати і пошли до батька радитца, а ун каэ „возьмет стару стреху с тэе хати, шо я ставиў, та вимолотет і посейтэ, то будэ жито“. От вони так і зробили і виросло жито дужэ добрэ. Як дознались людэ и начальство, то начали тих братуў позивати: „Ви, кажуть, халастэрники, дэ ви жита взяли? ні ў кого нэма“. Вони й кауть, так і так: „ми свого батька нэ забили, то ун нас і порадиў“. То тогді і кончилося лопанйна, а москаль як почуў, шо ун наробиў, шо стали людэ батькуў вбивать, то випустиў смерть, и вона зноў стала людэ брать“.

Основная схема малорусскаго и тихоокеанскаго разсказа одна и таже. Во время голода любящій сынъ вопреки окружающимъ бережетъ своего отца. Отецъ въ награду за это даетъ указаніе какъ избавиться отъ голода, и его совѣтъ является источникомъ плодородія (обильная жатва, появленіе свиней).

При объясненіи этого сходства мысль о литературномъ вліяніи должна быть устранена въ виду отсутствія возможнаго

общаго источника. Остается либо предположеніе о самостоятельномъ зарожденіи, либо предположеніе о существованіи очень древняго общаго источника. И то и другое предположеніе имѣютъ извѣстные шансы за себя. Первое напрашивается въ виду кажущейся невозможности какого либо другого, но само по себѣ оно мало преемлемо, такъ какъ не видно основанія для одинаковаго хода мысли, какое мы можемъ найти хотя бы въ природныхъ миѳахъ разныхъ очень отдаленныхъ одинъ отъ другого народовъ. Наоборотъ, второе, на первый взглядъ совершенно невѣроятное продолженіе, пріобрѣтаетъ значительную долю вѣроятности, если преположить большую длительность времени кочеванія мотива. При такомъ предположеніи, мы не можемъ видѣть ничего невѣроятнаго въ томъ, что мотивъ возникшій, предположимъ гдѣ нибудь въ Восточной Азіи, къ концу 19-го вѣка докочевалъ съ одной стороны до Малороссіи, съ другой—съ Гервеевыхъ островов.

Изученіе самаго характера сюжета, а равно какъ, его распространенія и версій у различныхъ народовъ міра можетъ современемъ провести насъ и по выясненію его источника, но для этого нужно произвести много предварительной работы въ сопоставленіи родственныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ. Многимъ, особенно воспитаннымъ на филологическихъ пріемахъ изслѣдованія и привычкѣ искать источникъ въ рукописи, такая работа сопоставленія отдѣльныхъ народныхъ сказаній далекихъ народовъ можетъ показаться нанизываніемъ на нитку случайныхъ матеріаловъ, но она представляетъ собой единственный возможный путь индуктивнаго изслѣдованія, и какъ крошечный камешекъ для зданія такого изслѣдованія, мы считаемъ не лишнимъ наше сопоставленіе малорусскаго и Тихоокеанскаго сказанія.

Н. Коробка.

Къ вопросу объ общинѣ у зырянъ.

(По поводу статьи г. М. А. Большакова).

Въ выпускахъ I, II, III и IV „Живой Старины“ за 1906 г. была помѣщена статья г. М. А. Большакова подъ названіемъ „Община у зырянъ“. Я, въ силу нѣкоторыхъ личныхъ обстоятельствъ, имѣлъ возможность познакомиться съ этой статьей только въ самое послѣднее время. Между тѣмъ оказывается, что почтеннымъ авторомъ сдѣлана мнѣ въ ней, что̀ называется, большая честь: г. Большаковъ, использовавъ въ своей статьѣ нѣкоторыя мои работы, касавшіяся интересующаго его предмета, отдаетъ мнѣ „дань уваженія, какъ знатоку края и піонеру въ дѣлѣ изслѣдованія существующихъ земельно-правовыхъ нормъ у зырянъ“ [1]). Это — разъ. А потомъ, по надлежащемъ, какъ говорится, разсмотрѣніи, г. Большаковъ находитъ, что авторъ (т. е. я), во-первыхъ, — „имѣетъ не достаточно отчетливое и ясное представленіе объ общинѣ“; во-вторыхъ, — „совершенно не отличаетъ общества отъ общины“; а въ-третьихъ, — „едва ли знаетъ“, что нужно разумѣть подъ терминами „хозяйственная“ и „земельно - хозяйственная“ община [2]). Таковъ приговоръ sine ira et studio г. Большакова надо мною.

Хотя я, съ своей стороны, затрудняюсь понимать, — какъ можно быть „знатокомъ края“ и изслѣдователемъ земельно-

---

[1]) Цитировать г. Большакова мы вездѣ въ этой замѣткѣ будемъ по имѣющейся въ нашемъ распоряженіи брошюрѣ его „*Община у зырянъ*“, — отпечатанной въ типографіи Мин. Пут. Сообщ. (Т-ва И. Н. Кушнерева и К°) въ СПБ. Брошюра эта, какъ видно изъ приписки въ концѣ ея, представляетъ отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ упомянутыхъ сейчасъ выпускахъ „Живой Старины“, и любезно предоставлена въ наше распоряженіе авторомъ.

[2]) Сейчасъ указанная брошюра, стр. 71 и 73.

правовыхъ нормъ“, не умѣя отличать общества отъ общины и не зная, чтò нужно разумѣть подъ терминомъ земельно-хозяйственная община,—но вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу завѣрить, что *не одна* только эта „честь“, оказанная мнѣ г. Большаковымъ, заставила меня взяться за перо. Затронутая г. Большаковымъ тема мнѣ знакома, и хотя я *спеціально* по вопросу о зырянской земельной общинѣ не писалъ, но въ печатныхъ работахъ, относящихся вообще къ зырянскому краю, мнѣ не разъ приходилось касаться, конечно, и этой кардинальной черты экономической жизни зырянъ. Поэтому г. Большаковъ въ своей статьѣ неоднократно имѣлъ возможность какъ ссылаться на мои работы, такъ и цитировать ихъ; и, такимъ образомъ, его взгляды на зырянскую общину въ обсуждаемой здѣсь статьѣ оказались какъ бы въ связи съ моими, сопоставленными одни съ другими (хотя, какъ мы видѣли и увидимъ дальше, г. Большаковъ меня не жалуетъ).

И вотъ, чтобы, съ одной стороны, отстоять по возможности то, чтò было мною когда либо высказано по вопросу о зырянской общинѣ и использовано такъ или иначе г. Большаковымъ, а съ другой,—чтобы взглянуть и на то, чтò даетъ по этому предмету самъ г. Большаковъ,—я и счелъ не безполезнымъ заняться настоящей замѣткой [1]).

Выражаясь словами самого же г. Большакова, я „отдаю ему дань уваженія“ за его посильную попытку освѣтить обсуждаемый предметъ,—попытку, явно свидѣтельствующую о трудолюбіи почтеннаго автора,—но, вмѣстѣ съ этимъ, „вынужденъ допустить“, что онъ плохо понялъ и не знаетъ сущности *зырянской* общины; что онъ недостаточно разобрался въ земельно-хозяйственныхъ распорядкахъ даже и той *весьма ограниченной* части зырянскаго края, которая была доступна *непродолжительному* наблюденію его, какъ агента министерства земледѣлія,

---

[1]) Кстати, я могъ бы еще указать г. Большакову—если это его интересуетъ—на слѣдующія свои работы, очевидно, оставшіяся ему неизвѣстными, въ которыхъ тоже, конечно, приходилось касаться вопроса о зырянской земельной общинѣ: *Взаимопомощь и коллективный трудъ въ земельномъ быту зырянъ Устьсысольскаго уѣзда* („*Народное Хозяйство*“ сентябрь, октябрь, 1903 г.) и *Земельно-хозяйственное описаніе Деревянской вол*., *Устьсысольск. уѣзда*, т. I, изд. Устьсысольскаго уѣздн. земства.

командированнаго туда въ составѣ партіи по устройству переселенческихъ участковъ [1]).

Чтобы скорѣе и ближе подойти къ дѣлу, мнѣ придется сдѣлать нѣсколько значительныхъ выписокъ изъ статьи г. Большакова.

„Генеральное межеваніе (пишетъ г. Б—въ), образовавъ крестьянскія дачи, объявило входящія въ нихъ земли находящимися въ общемъ владѣніи всѣхъ замежованныхъ въ дачу селеній. Съ юридической точки зрѣнія эти селенія составляютъ одну поземельную составную общину. *На дѣлѣ, однако, этого нѣтъ.* (Курсивъ мой. В. П.). Мы видимъ, что отдѣльныя селенія или представляютъ самостоятельныя общины, или сливаются съ другими близлежащими селеніями, образуя болѣе или менѣе значительныя составныя общины; нѣкоторыя селенія совсѣмъ не уравниваются угодьями. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда генеральная дача обнимаетъ землепользованіе „жила“, т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной. *Но такое совпаденіе далеко не общее правило*“ [2]). (Курсив. мой. В. П.).

Я здѣсь попрошу пока замѣтить подчеркнутыя мною мѣста и пойду дальше по пути цитированія г. Большакова.

„Земельно-хозяйственное дѣленіе уѣзда, пишетъ г. Поповъ (т. е. я; здѣсь цитата изъ моей работы. В. П.), ...значительно разнится отъ административнаго, обусловливаясь тѣми теченіями общественно-хозяйственной жизни, которыя имѣли мѣсто совершенно внѣ вліянія административныхъ соображеній и интересовъ и создали эту иную картину распредѣленія уѣзда на хозяйственныя единицы (общины). При этомъ надо замѣтить, что далеко не всѣ общества уѣзда успѣли выработать вполнѣ оформившуюся и сложившуюся хозяйственную общину; нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ на этомъ пути не сдѣлали ни одного шага и продолжаютъ выражать собою одну земельную общину...;

---

[1]) Я даже готовъ допустить, что именно эта „непродолжительность наблюденія“ и „ограниченность“ района его и не дали возможности г. Б—ву понять и истолковать зырянскую общину какъ слѣдуетъ. Но, казалось бы, такія обстоятельства именно и должны диктовать—какъ болѣе внимательное отношеніе къ мнѣніямъ „знатоковъ края“, такъ и нѣсколько болѣе осторожное—къ своимъ. Однако, г. Б—въ съ легкимъ сердцемъ рѣшается весьма категорически говорить о зырянской общинѣ *вообще* и нигдѣ не считаетъ нужнымъ указывать—насколько значительный районъ зырянской территоріи подлежалъ его наблюденію. А это было бы, по моему мнѣнію, не лишне...

[2]) Ibid., стр. 70.

другія общества предоставили зародившимся общинамъ право распоряженія только пахотными угодьями и не рѣшаются сдѣлать того же по отношенію къ луговымъ землямъ... право распорядковъ надъ которыми сельскія общества стараются удержать за собой. Въ этихъ послѣднихъ обществахъ хозяйственная община начинаетъ только слагаться, формируясь примѣнительно къ удобствамъ существующаго расположенія земельныхъ угодій и распорядковъ пользованія ими". (Здѣсь кончается цитата изъ моей работы. В. П.).

„Прежде всего (продолжаетъ г. Большаковъ) спѣшимъ увѣрить г. Попова, что сельское общество, *какъ таковое*, (курсивъ мой. В. П.) въ Устьсисольскомъ уѣздѣ никогда не присваиваетъ себѣ права распорядковъ надъ сѣнокосными и вообще надъ какими бы то ни было угодьями. Если это иногда и бываетъ, то общество дѣйствуетъ здѣсь не какъ общество, а какъ составная община, лишь случайно съ нимъ совпавшая. Анализируя причины и ходъ образованія составныхъ общинъ, мы видѣли, что онѣ формируются, говоря словами самого же г. Попова, „совершенно внѣ вліянія административныхъ интересовъ и соображеній". Иногда онѣ менѣе общества, иногда болѣе... *Въ Пожегодскую составную сѣнокосную общину входятъ не только селенія Пожегодскаго сельскаго общества, но и дд. Скородумская и Кырнышъ, входящія въ составъ другого общества*". (Курсивъ мой. В. П.).

„*Такихъ примѣровъ можно, при желаніи, привести не одинъ*". (Курсивъ мой. В. П.). „Нельзя и вообще говорить о какой бы то ни было роли сельскихъ обществъ, этихъ административныхъ органовъ, въ выработкѣ... хозяйственныхъ общинъ, какую роль навязываетъ (?) имъ г. Поповъ. Далѣе авторъ (т. е. я, В. П.) говоритъ о земельной общинѣ. Что онъ разумѣетъ подъ нею—опредѣленно сказать трудно... Повидимому... общество, какъ юридическую единицу. И здѣсь проглядываетъ полное незнакомство автора съ фактическимъ положеніемъ дѣла. *Сельское общество у зырянъ не есть юридическая община.* (Курсивъ мой. В. П.). Достаточно привести для иллюстраціи одинъ примѣръ. Въ составъ Кочергинскаго и Верхолузскаго обществъ входятъ селенія: а) замежеванныя въ генеральныя дачи; б) образованныя на основаніи закона 9 ноября 1870 г.; в) получившія владѣнныя записи по закону 1866 г. и г) селенія самовольнаго типа. О какой юридической общинѣ можно говорить, имѣя налицо такую пеструю картину юридическихъ правъ на землю? *А между тѣмъ почти всѣ общества*

щують если не подобную, то развѣ немного меньшую спутанность правъ. (Курсивъ мой. В. П.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи у г. Попова общество изъ юридической или,по его терминологіи, земельной общины превращается (?) въ хозяйственную, а потомъ и въ земельно-хозяйственную".

(Здѣсь опять слѣдуетъ небольшая цитата изъ моей работы. В. П.). „Также Шкловское и Уркинское общества, передѣлившія земли по наличнымъ членамъ мужского пола, выражаютъ цѣликомъ и хозяйственныя единицы-общины. Затѣмъ сельскія общества: Богоявленское, Слободское, Кочергинское, Верхолузское... представляютъ одну земельно-хозяйственную общину". (Здѣсь цитата кончается. В. П.).

„Г. Поповъ не объясняетъ намъ (продолжаетъ г. Большаковъ), что нужно разумѣть подъ терминами хозяйственная и земельно-хозяйственная община... Какой, напр., смыслъ можно вложить въ понятіе земельно-хозяйственной общины, когда этимъ терминомъ г. Поповъ называетъ Верхолузское общество?.. *Или какая хозяйственная связь до 1900 года существовала между селеніями Шиловскаго общества, когда эти селенія прямо писали въ приговоръ: землю изъ деревни въ деревню не переводить?..* (Курсивъ мой. В. П). На протяженіи всей статьи г. Попова термины и понятія... спутываются... Причина этой путаницы ясна. Авторъ (т. е. я, В. П.) не могъ не замѣтить того поразительно огромнаго распространенія., какое получили у зырянъ составныя общины... и видѣлъ, что въ однихъ случаяхъ составныя общины совпадаютъ съ обществомъ..., въ другихъ—съ генеральной дачей... Не попытавшись объяснить себѣ сущность составной общины, г. Поповъ просто *отождествилъ ее съ обществомъ, а это послѣднее съ генеральной дачей*", (Курсивъ мой. В. П.). „Составныя общины составляютъ характерную особенность зырянскаго края... Мы не знаемъ *ни одного случая распаденія составной общины; наоборотъ, соединеніе простыхъ общинъ въ одну составную — заурядное явленіе*" [1]). (Курсивъ мой В. П.).

На этомъ пока закончу цитаты изъ статьи г. Большакова. Я сознательно долженъ былъ привести ихъ въ такомъ обильномъ видѣ, чтобы по возможности выяснить сущность воззрѣній автора на спорный предметъ и чтобы видѣть, какими фактами дѣйствительности онъ иллюстрируетъ свои взгляды,—почему наиболѣе важныя мѣста подчеркнулъ.

---

[1]) Та же брошюра. Стр. 71, 72, 73 и 74. Нѣкоторыя цитаты приводятся съ небольшими сокращеніями, на чтò указываютъ поставленныя мною многоточія.

Внимательный читатель можетъ быть уже понялъ, въ чемъ заключается основное разногласіе во взглядахъ на зырянскую общину между мною и г. Большаковымъ,—не смотря на нѣсколько своеобразную аргументацію послѣдняго. „Отождествленіе составной общины съ административнымъ обществомъ, съ одной стороны, и съ генеральной дачей, съ другой",—таковъ мой основной грѣхъ въ глазахъ г. Большакова, признающаго лишь „рѣдкія" и „случайныя" совпаденія содержаній этихъ терминовъ я не знающаго „ни одного случая распаденія составной общины".

Посмотримъ внимательнѣе на доводы и соображенія г. Большакова, пользуясь своей привиллегіей „знатока края"...

Сначала я долженъ указать, что та моя работа, которая подверглась наибольшей критикѣ и использованію со стороны г. Большакова и изъ которой сейчасъ приводились цитаты, написана была по порученію Устьсысольскаго уѣзднаго земства въ 1894 году и въ то время, по „независящимъ обстоятельствамъ", не могла появиться въ свѣтъ въ печатномъ видѣ. Затѣмъ она, безъ моего вѣдома и съ рукописи, *не бывшей* въ моемъ разсмотрѣніи, спустя 9 лѣтъ послѣ написанія т. е. въ 1903 г., была напечатана съ *значительными сокращеніями* въ книгѣ— „*Итоги эконом. изслѣдов. крестьян. хозяйства Устьсысол. уѣзда Вологод. губ.*"—появившейся подъ редакціей производителя работъ Партіи по устройству переселенческихъ участковъ въ Пермской и Вологодской губ., г. Румы, какъ результатъ совмѣстнаго Партіи и Устьсысольскаго земства обслѣдованія, произведеннаго лѣтомъ 1902 г. Объ этомъ упоминаетъ, впрочемъ, и г. Большаковъ (въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 70 своей брошюры), но упоминаетъ кратко и безъ сообщенія вышеуказанныхъ обстоятельствъ появленія въ свѣтъ моей работы, хотя эти обстоятельства ему должны быть извѣстны, какъ члену сказанной Партіи. Я же сочелъ нужнымъ указать здѣсь на нихъ потому, во-первыхъ, что мнѣ придется въ дальнѣйшемъ изложеніи оперировать съ нѣкоторыми данными, относящимися къ 1894 году, а во-вторыхъ,—если бы въ 1903 году я имѣлъ возможность просмотрѣть ту рукопись, съ которой была отпечатана моя работа, то, можетъ быть, внесъ бы въ нее нѣкоторыя исправленія редакціоннаго характера, и она не такъ бы смутила г. Большакова, пользовавшагося ею исключительно въ томъ „сокращенномъ" изложеніи, какъ она нашла себѣ мѣсто въ „Итогахъ"... Но объ этихъ „исправленіяхъ" буду еще говорить ниже.

Какъ мы видѣли изъ вышеприведенной (первой) цитаты и какъ это можно видѣть вообще изъ статьи г. Большакова, [1]) онъ за актомъ генеральнаго межеванія въ дѣлѣ образованія зырянской земельной общины не признаетъ сколько нибудь замѣтной, самостоятельной роли, а къ настоящему времени г. Большаковъ не видитъ даже и никакихъ слѣдовъ вліянія этого акта въ общинной жизни зырянъ. Онъ говоритъ, что генеральное межеваніе земли, входящія въ составъ образованныхъ имъ крестьянскихъ дачъ, могло лишь *„формально“* объявить общимъ владѣніемъ замежеванныхъ въ дачи селеній, что генеральное межеваніе „ни мало не отразилось на сознаніи зырянъ“, не могло „переработать правосознанія“ ихъ и „нисколько не измѣнило фактической стороны землевладѣнія“.

Далѣе г. Большаковъ находитъ, что селенія, замежеванныя въ одну генеральную дачу „только съ *юридической* точки зрѣнія составляютъ одну поземельную составную общину“, и что *„на дѣлѣ* этого нѣтъ“. Затѣмъ,—что „только въ тѣхъ случаяхъ, когда дача генеральнаго межеванія обнимаетъ землепользованіе „*жила*“, т. е. группы близлежащихъ селеній, она иногда совпадаетъ съ составной общиной“, но что совпаданіе это „далеко не общее правило“.

Вотъ здѣсь именно заключается самый крупный промахъ г. Большакова, промахъ, сводящій на нѣтъ всѣ попытки его „анализа причинъ и хода образованія составныхъ общинъ“.

Не рѣшаясь здѣсь пускаться въ разсмотрѣніе довольно запутанныхъ дебрей „анализа“ г. Большакова, я беру на себя смѣлость категорически его завѣрить: во первыхъ,—что *всѣ* нынѣ наблюдаемыя „составныя“ земельныя общины у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда именно и образовались подъ вліяніемъ акта или, точнѣе, границъ генеральнаго межеванія; во вторыхъ,—что „на дѣлѣ“ группы селеній, входящія въ одну генеральную дачу, и дали начало этимъ составнымъ общинамъ, и, въ третьихъ,—что совпаденіе такихъ группъ (или, по терминологіи г. Большакова, „*жила*“) съ составной общиной по сіе время будетъ именно „общимъ правиломъ“, исключеніемъ изъ котораго явятся тѣ „составныя“ общины, разграниченныя межами генеральнаго межеванія, которыя, въ силу наличныхъ условій землепользованія, успѣли въ позднѣйшее время раздѣлиться на болѣе мелкія—иногда тоже односеленныя—общины.

---

[1]) См., наприм., стр. 50 и слѣд. работы г. Б—а.

Эти мои заключенія будутъ весьма понятны изъ слѣдующихъ данныхъ.

Первое,—генеральное межеваніе у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда *всегда* старалось замежевать въ одну данную дачу именно „группу селеній", которыя въ то же время были бы связаны и *административно*, составляя или одну „волость", или одно „общество", на имя которыхъ и были выданы межевые планы и книги (которые мы и рекомендуемъ г. Большакову просмотрѣть).

Второе,—генеральное межеваніе своимъ фактомъ *установленія границъ владѣнія* этихъ административно (а можетъ быть и хозяйственно) уже связанныхъ группъ селеній, очевидно, произвело на психику этой народности глубочайшее впечатлѣніе, такъ что и въ настоящее время каждый зырянинъ-землеробъ способенъ указать и знаетъ эти границы, хотя бы отъ нихъ и не осталось ни малѣйшихъ физическихъ признаковъ, исключая можетъ быть нѣкоторыхъ межевыхъ ямъ.

Третье,—дачи генеральнаго межеванія по сіе время, не смотря на исключительное по своему выраженію господство трудоваго принципа въ земельной жизни зырянъ, безусловно охраняется отъ „чужаго" вторженія. Никто, *не входящій* въ число „владѣльцевъ" дачи, не имѣетъ права заемки въ ней земель для тѣхъ или иныхъ цѣлей, хотя въ то же время „свой" человѣкъ (т. е. совладѣлецъ дачи) можетъ дѣлать такія заемки въ кругу дачи — гдѣ и сколько ему угодно. Это основное земельно-правовое воззрѣніе зырянъ Устьсысольскаго уѣзда, *опирающееся на юридическій актъ генеральнаго межеванія*, воззрѣніе, нигдѣ и ни на іоту пока непоколебленное въ правосознаніи народа.

Говорить при такихъ условіяхъ лишь о „формальномъ" значеніи акта генеральнаго межеванія—какъ это дѣлаетъ г. Большаковъ,—невозможно.

Пойдемъ дальше. Въ 1894 году (когда составлялась упоминавшаяся выше, использованная г. Большаковымъ, моя работа) въ Устьсысольскомъ уѣздѣ было 48 сельскихъ общества, во владѣніи которыхъ числилось,—если не ошибаюсь на единицу, другую—36 крупныхъ (групповыхъ) дачъ генеральнаго межеванія [1]).

---

[1]) Я говорю „крупныхъ" потому, что тремъ при-Печерскимъ обществамъ уѣзда, въ которыхъ земельное хозяйство или совершенно отсутствуетъ (Щугорское общество), или играетъ третьестепенную роль, были нарѣзаны дачи каждому почти селенію отдѣльно, какъ въ виду чрезвычайной удаленности ихъ другъ отъ друга, такъ и по незначительности самихъ селеній.

Въ той же работѣ, давая характеристику тогдашней текущей земельно-хозяйственной жизни уѣзда, я высказалъ, что она по своему развитію представляетъ три ступени. Во-первыхъ, *общества*, въ которыхъ съ X ревизіи не было ни измѣреній, ни какихъ бы то ни было переводовъ земли, и гдѣ по сіе время продолжаетъ держаться землераспредѣленіе по ревизскимъ душамъ въ чистомъ видѣ. Во-вторыхъ, *общества*, въ которыхъ хотя коренныхъ передѣловъ земли на болѣе новыхъ основаніяхъ (по ѣдокамъ) не было, но распредѣленіе ея отчасти примѣнилось уже къ наличному составу семей путемъ дробленія ревизской души, какъ показателя извѣстнаго количества обмѣренной земли, и разверстки этихъ дробныхъ частей между отдѣльными семьями. Въ третьихъ, *общины*, передѣлившія землю, по точномъ измѣреніи и распредѣленіи ея по сортамъ, на наличныхъ членовъ, т. е. на ѣдоковъ [1]).

Далѣе установлялось, что почти всѣ тѣ общества, которыя продолжаютъ владѣть землей по ревизскимъ душамъ, независимо отъ того—были-ли въ нихъ перемѣрки и переверстки таковой,—представляютъ каждое изъ себя одну „земельную единицу", хотя бы эта послѣдняя состояла изъ настолько удаленныхъ другъ отъ друга и разбросанныхъ селеній, что земельно-хозяйственныя (общинныя) функціи ея были сильно затруднены [2]).

Такъ что, въ частности, картина земельно-хозяйственной жизни у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда въ 1894 году представляла изъ себя слѣдующее:

а) обществъ, совершенно не трогавшихъ землю съ X ревизіи и продолжавшихъ владѣть ею по душамъ этой ревизіи, было 3;

б) обществъ съ дробной ревизской душой, т. е. такъ или иначе трогавшихъ и распредѣлявшихъ землевладѣніе послѣ ревизіи, было 23;

в) наконецъ, обществъ, въ которыхъ наблюдалась та или другая степень развитія общинной жизни съ землераспредѣленіемъ по ѣдокамъ, оказывалось 16 [3]).

---

[1]) Въ сейчасъ приведенномъ перечисленіи, я сознательно въ первыхъ двухъ случаяхъ говорю объ „обществахъ", а въ третьемъ—объ „общинахъ", что и подчеркиваю. Какое значеніе придается этому обстоятельству—будетъ видно сейчасъ, изъ дальнѣйшаго изложенія.

[2]) См. вышеупомянутую работу „Итоги...", стр. 25 и 26.

[3]) Здѣсь общая сумма обществъ (3+23+16=42) на одну единицу меньше указанной выше. потому что Щугорское общество, гдѣ земледѣлія не существуетъ, въ счетъ не принято.

Изъ 26-ти первыхъ двухъ, приведенныхъ сейчасъ разрядовъ обществъ, 21 общество имѣютъ по одной общей (групповой) дачѣ, включающей въ себя всѣ существующія селенія въ нихъ, за исключеніемъ немногихъ починковъ, выдѣлившихся на казенныя земли. Здѣсь *сельское общество, генеральная дача и „земельно-хозяйственная единица“ совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ.* Потомъ, 3 общества имѣютъ одну общую генеральную дачу и 2 (при-Печерскихъ) владѣютъ мелкими, вырѣзанными большею частью на отдѣльныя селенія, дачами (о которыхъ я уже упоминалъ), при чемъ первыя три общества вполнѣ соотвѣтствуютъ тремъ хозяйственнымъ единицамъ, ибо отдѣльно и независимо другъ отъ друга распоряжаются землей.

Спрашивается—какъ назвать эти „хозяйственныя единицы“ (хотя бы кромѣ трехъ, не трогавшихъ землю съ X ревизіи)?

Да какъ ихъ ни зови, а придется признать, что это *земельно*-хозяйственныя единицы (а не административныя только общества), ибо имъ въ той или иной мѣрѣ не чужды уже уравнительныя функціи землераспредѣленія. Онѣ такъ или иначе дѣлали уже попытки разверстать землю на болѣе справедливыхъ, чѣмъ владѣнія по ревизскимъ душамъ, основаніяхъ. И, конечно, легко видѣть, что эти „хозяйственныя единицы“ есть ни что иное, какъ составныя общины, ближайшимъ этапомъ которыхъ является уравнительное землераспредѣленіе по наличному населенію.

Дальше. Изъ 16-ти остальныхъ обществъ, въ которыхъ наблюдалось землераспредѣленіе по ѣдокамъ, вполнѣ сложившіяся общины,—владѣющія *всѣми* земельно-хозяйственными функціями и *не связанныя* ни съ дачей генеральнаго межеванія, ни съ административной единицей-обществомъ,—наблюдались лишь въ 8 обществахъ [1]). Въ остальныхъ, затѣмъ, 8-ми же обществахъ общины не успѣли еще сложиться вполнѣ въ сформировавшіяся отдѣльныя хозяйственныя единицы, со всѣми присущими имъ функціями. Здѣсь чаще всего наблюдается такое положеніе, что „составная сѣнокосная община“ (терминъ принадлежитъ г. Большакову) включаетъ въ себя нѣсколько отдѣльныхъ, какъ бы самостоятельныхъ, пахотныхъ общинъ, и въ то же время она *совпадаетъ съ генеральной дачей.* Въ другихъ случаяхъ эта сѣнокосная община *совпадаетъ съ сельскимъ обществомъ.*

---

[1]) Необходимо здѣсь отмѣтить, что и въ этихъ обществахъ есть вполнѣ сложившіяся „общины“, совпадающія съ дачами спеціальныхъ межеваній.

Итакъ, мы видимъ, что изъ 42 сельскихъ обществъ у зырянъ Устьсысольскаго уѣзда 21 вполнѣ совпадало и съ генеральной дачей, и съ „земельно-хозяйственной единицей". Въ 8-ми обществахъ „составная община" совпадала или съ дачей генеральнаго межеванія, или съ сельскимъ обществомъ. Въ 3-хъ обществахъ „земельно-хозяйственная единица" обнимала цѣликомъ эти общества, не совпадая съ дачей генеральнаго межеванія. Наконецъ, въ 8-ми остальныхъ обществахъ съ вполнѣ сложившимися общинами, рядомъ съ этими послѣдними, наблюдаются общины, совпадающія съ дачами спеціальныхъ межеваній [1]).

Теперь позволительно спросить — вправѣ ли я былъ „отождествлять составную общину съ обществомъ, а это послѣднее — съ генеральной дачей"? — что ставитъ мнѣ въ смертный грѣхъ г. Большаковъ. Съ другой стороны — правъ ли былъ г. Большаковъ, съ непонятнымъ для меня апломбомъ увѣрявшій: что „на дѣлѣ однако нѣтъ", чтобы селенія, замежеванныя въ данную дачу генеральнаго межеванія, составляли одну поземельную общину? Что совпаденіе составныхъ общинъ и генеральныхъ дачъ „далеко не общее правило"? Что сельское общество „лишь случайно" можетъ совпасть съ хозяйственной общиной и дѣйствовать въ качествѣ таковой? Что „сельское общество у зырянъ не есть юридическая община"? и т. д.

Отвѣты на эти вопросы, я думаю, ясны... И, увы, отвѣты эти какъ разъ противоположны самоувѣреннымъ тезисамъ г. Большакова.

В. Ф. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Я здѣсь не привожу названій всѣхъ тѣхъ обществъ и общинъ, о которыхъ говорю, ибо, конечно, названія эти никому не интересны. Спеціально для г. Б-ва я ниже буду имѣть дѣло съ общинами и обществами, о которыхъ онъ самъ упоминалъ, неправильно толкуя хозяйственное положеніе въ нихъ.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

Николай Ивановичъ Любимовъ, имѣвшій нѣкогда значительное вліяніе на политическую дѣятельность Россіи на Востокѣ, мало кому извѣстенъ. Онъ не оставилъ никакихъ печатныхъ трудовъ, хотя имѣлъ большой запасъ интересныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ путемъ личныхъ наблюденій въ странахъ восточной и средней Азіи и полученныхъ отъ оріенталистовъ, съ которыми находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Никто не потрудился написать его біографію и указать его заслуги передъ государствомъ. Казалось, полное забвеніе должно быть удѣломъ Н. И. Любимова, и это навѣрное и случилось бы, если бы М. Б. Аничковой, вдовѣ извѣстнаго нашего посланника въ Персіи Н. А. Аничкова, находившагося въ дружбѣ съ Н. И., не удалось съ большой энергіей и настойчивостью отыскать на чердакѣ дома, гдѣ передъ смертію жилъ Н. И., его домашній архивъ. Въ этомъ архивѣ сохранились многочисленныя записки, различные отчеты и проекты, когда либо написанные Н. И. за время его довольно продолжительной службы, всѣ его записныя книжки и дневники путешествій въ черновомъ видѣ. Большинство этихъ бумагъ теперь утратило практическое значеніе; но въ историческомъ отношеніи онѣ не лишены научнаго интереса. Для будущей исторіи нашей дипломатіи на Востокѣ записки Н. И. обяснятъ очень много такого, что обыкновенно не заносится въ оффиціальные документы; онѣ раскроютъ намъ тѣ идеи и планы, которыя въ свое время зарождались во время канцелярской работы и потомъ проводились въ области реальной политики и приносили на международной аренѣ тѣ или другіе результаты. Дневники и замѣтки Н. И. могли бы освѣтить, какъ внѣшнюю жизнь этого человѣка, такъ его умственную работу и его міровоззрѣніе; но они, вслѣдствіе сокращеній и неясныхъ намековъ, понятныхъ лишь самому писавшему, и, по неразборчивости, представляютъ

Николай Ивановичъ Любимовъ.

матеріалъ безнадежный. Ознакомившись съ архивомъ Н. И., я нашелъ возможнымъ обнародовать одинъ эпизодъ изъ его службы по министерству иностранныхъ дѣлъ. Но скажемъ сперва о самомъ Н. И.

Н. И. происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1808 г. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, откуда выпущенъ кондукторомъ въ 1828 г. и тогда же поступилъ на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служебная карьера Н. И. пошла довольно быстро: въ началѣ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, а въ октябрѣ того же года получилъ чинъ титулярнаго совѣтника; въ 1830 назначенъ начальникомъ 1-го стола 2-го отдѣленія. Въ томъ же году былъ по высочайшему повелѣнію откомандированъ къ ген.-маіору графу Толстому, назначенному для присутствованія въ слѣдственной коммиссіи въ г. Севастополѣ и оставался тамъ по февраль 1831 г. Въ апрѣлѣ 1832 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й ст., въ январѣ 1833 произведенъ въ коллежскіе ассесоры, въ 1835 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.

Всѣ эти награды, дававшіяся Н. И. почти ежегодно, надо объяснять не протекціею, которой у него не было, а его замѣчательною работоспособностью, очень цѣнимою начальствомъ. Сверхъ занятій по Азіатскому департаменту Н. И. состоялъ еще правителемъ дѣлъ высочайше учрежденнаго въ 1833 г. Комитета объ изысканіи новыхъ источниковъ дохода и сокращеніи расходовъ столицы, и оставался въ этой должности до закрытія Комитета въ 1838 г.

Въ 1836 г. Н. И. былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія Азіатскаго департамента.

Въ апрѣлѣ 1840 г. Н. И., по избранію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, утвержденъ приставомъ для сопровожденія Російской духовной миссіи въ Пекинѣ. Во время пути и въ Китаѣ Н. И. велъ подробный дневникъ и при всякой возможности посылалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ подробныя донесенія о своей дѣятельности, какъ пристава, и своихъ наблюденіяхъ о китайцахъ. Въ особенности онъ обращалъ вниманіе на торговлю нашу съ Китаемъ и изучилъ этотъ вопросъ основательно[1]). Нося чисто дѣловой характеръ, донесенія Н. И.

[1]) По возвращеніи въ Петербургъ Н. И. подалъ въ августѣ 1842 г. въ министерство иностр. дѣлъ подробное донесеніе о Кяхтинской торговлѣ, которое было представлено Государю, написавшему на немъ: „Весьма любопытно; сообщить М. Ф., съ тѣмъ чтобы представилъ свое заключеніе“.

теперь показались бы скучными; но тогда они несомнѣнно принесли большую пользу.

Чтобы оцѣнить, какъ этотъ практическій оріенталистъ скоро освоился съ востокомъ, достаточно прочитать его записку о рѣкѣ Амурѣ, тамъ онъ предсказалъ тотъ путь, какимъ можно было присоединить эту рѣку къ Россіи и что впослѣдствіи было осуществлено гр. Муравьевымъ-Амурскимъ.

Изъ Китая Н. И. вернулся въ Петербургъ въ февралѣ 1842 г. съ предыдущей духовной миссіей. За исполненіе этого порученія онъ получилъ пожизненную пенсію въ 600 р. независимо отъ жалованья по службѣ и чинъ статскаго совѣтника. Въ апрѣлѣ 1843 г. Н. И. былъ назначенъ вице-директоромъ Азіатскаго департамента.

Тогда же возникъ вопросъ, сперва въ литературѣ, поднятый Е. П. Ковалевскимъ, „странствователемъ по сушѣ и морямъ", а потомъ въ министерствѣ финансовъ—объ урегулированіи и оживленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ западными провинціями Китая черезъ Чугучакъ и Кульджу. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда перешелъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе и заключеніе, свѣдѣній, сколько нибудь обстоятельныхъ, по данному предмету не оказалось; а между тѣмъ министерство это очень чутко относилось къ торговымъ предпріятіямъ нашего купечества, всѣми способами старалось поддержать его стремленіе къ завоеванію новыхъ рынковъ, и не могло остаться безучастнымъ въ данномъ случаѣ. Но, чтобы выступить по возникшему дѣлу съ достаточнымъ авторитетомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило изучить торговыя условія на мѣстѣ при посредствѣ опытнаго лица. Роль секретнаго агента была возложена на Н. И., который подъ именемъ фридрихсгамскаго 2-й гильдіи купца Николая Иванова Хорошева совершилъ въ 1845 г. поѣздку въ Чугучакъ и Кульджу въ азіатскомъ костюмѣ, какъ это тогда было неизбѣжно. Лучшаго выбора министерство сдѣлать и не могло. Н. И., проѣхавшій вдоль всей Азіи съ запада на востокъ, основательно изучившій состояніе русской торговли въ Кяхтѣ и Пекинѣ, да и вообще человѣкъ наблюдательный, могъ дать и дѣйствительно далъ обстоятельныя свѣдѣнія о торговлѣ въ интересовавшемъ насъ районѣ. На содержаніе во время командировки Н. И. выдано единовременно 1500 р., назначено по 10 р. с. въ сутки столовыхъ и отпущены прогоны по положенію. За успѣшное исполненіе этого „особаго порученія" и за труды, понесенные при семъ случаѣ, Н. И. былъ награжденъ чиномъ дѣйст. ст. совѣтника и орде-

номъ св. Владиміра 3-й ст. (2 марта 1846). Въ ноябрѣ 1848 г. онъ получилъ орденъ Станислава 1-й ст., а въ 1850 г. единовременное награжденіе въ 1000 червонцевъ. Слѣдствіемъ этой поѣздки было учрежденіе по договору съ Китаемъ въ 1851 г. русской факторіи и консульства какъ въ Чугучакѣ такъ и въ Кульджѣ. Въ Чугучакъ былъ назначенъ консуломъ докторъ Татариновъ, а въ Кульджу И. И. Захаровъ, оба вышедшіе изъ той миссіи, которую сопровождалъ Н. И. Первое изъ этихъ консульствъ просуществовало недолго, оно упразднилось, когда Чугучакская факторія была сожжена китайскою чернью въ 1855 году, за что правительство уплатило вознагражденіе потерпѣвшимъ 200.000 р.

Въ февралѣ 1852 г. Н. И. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, въ томъ же году получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., въ 1855 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст. и въ 1856 г. чинъ тайнаго совѣтника.

Послѣдствія Крымской войны отозвались на личномъ составѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. 20 сентября 1856 г. Н. И. былъ назначенъ сенаторомъ въ 5-й департаментъ, а мѣсто директора Азіатскаго департамента занялъ Е. П. Ковалевскій, тоже сопровождавшій въ качествѣ пристава духовную миссію въ Пекинъ. Съ 1858 г. Н. И. сталъ присутствовать въ первомъ департаментѣ сената. Въ 1860 г. награжденъ орденомъ бѣлаго орла. Въ 1867 г. пожалованъ арендой въ 2500 руб. Послѣдняя награда—орденъ св. Александра Невскаго.

Скончался Н. И. 19 августа 1875 г. въ Гаисѣ (въ Швейцаріи) отъ разрыва сердца.

Оставивъ дипломатическую службу, Н. И. не переставалъ интересоваться политикой и по поводу нѣкоторыхъ событій высказывалъ на нихъ свой взглядъ и здраво судилъ о нихъ, но никогда не выступалъ печатно, а обмѣнивался своими впечатлѣніями съ близкими людьми письменно. Нѣсколько такихъ писемъ было опубликовано Н. П. Барсуковымъ въ XX томѣ сочиненія „Жизнь и труды М. П. Погодина“ (Спб. 1906).

Н. Веселовскій.

Извлеченіе изъ журнала бывшаго въ 1843 г. Комитета о Кяхтинской торговлѣ.

О торговлѣ съ Западною границею Китая.

Говоря вообще о нашей торговлѣ съ Китаемъ, сосредоточенной теперь въ Кяхтѣ,—пунктѣ, назначенномъ по трактату для торговыхъ сношеній обоихъ народовъ,—Комитетъ не могъ не обратить своего вниманія на другую часть нашей границы съ Китаемъ, а именно: на Семипалатинскъ, какъ пунктъ, чрезъ который также производятся торговыя сношенія съ Западною частью Китая, съ западными городами его Чугучакомъ и Гульджею,—хотя сношенія сіи, не бывъ установлены никакимъ трактатомъ, дѣлаются теперь тайно, безъ вѣдома Китайскаго правительства. Торговля семипалатинская, производимая нашими купцами Западной Сибири, которые отправляются туда подъ видомъ азіатцевъ и степныхъ жителей, скрывая, что они русскіе подданные,—съ нѣкотораго времени—стала болѣе и болѣе обращать на себя общее вниманіе. *По мнѣнію многихъ людей*, сей торговый путь, по большему удобству его и краткости, могъ бы сдѣлаться весьма важнымъ для нашихъ торговыхъ видовъ въ отношеніи къ Китаю, и распространить, вообще, торговые обороты съ симъ государствомъ, безъ вреда притомъ кяхтинской торговлѣ, такъ какъ торгъ съ Чугучакомъ и Гульджею производится на другой оконечности Китайскихъ владѣній; но что для успѣха сего торга нужно, чтобы оный былъ дозволенъ Китайскимъ правительствомъ и производился открыто.

Комитетъ, не имѣя надлежащихъ данныхъ и свѣдѣній, дабы судить о сей торговлѣ съ Западною границею Китая и о видахъ, которые она можетъ представлять въ будущемъ, при правильномъ ея установленіи,—долгомъ считаетъ только изъяснить свое мнѣніе на счетъ пользы собранія подобныхъ свѣдѣній, которыя могли бы поставить Правительство въ возможность обсудить сей важный вопросъ и рѣшить: слѣдуетъ-ли что-либо предпринять для учрежденія сей торговли на правильныхъ основаніяхъ,—что̀, конечно, не можетъ сдѣлаться безъ сношеній и переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ. Бо̀льшая краткость и удобство пути отъ Семипалатинска до Нижняго и Москвы, нежели отъ Кяхты до сихъ мѣстъ, не требуютъ никакого доказательства. Извѣстно также, что и путь чрезъ Киргизскія

степи до Чугучака и до самой Гульджи не представляетъ особенныхъ затрудненій; но къ рѣшенію въ этомъ дѣлѣ предлежать другіе важные вопросы, и именно: 1) До какой степени труденъ или удобенъ путь отъ Чугучака и Гульджи до самаго Китая,—до провинцій онаго, отъ коихъ западныя владѣнія сего государства отдѣлены степью и пустыней? 2) Какіе предметы могутъ представлять для нашей торговли сіи собственно Китайскія провинціи, которыя, находясь ближе къ означенной Западной границѣ, могли бы войти въ торговые съ нами обороты чрезъ помянутые пункты, въ случаѣ устройства тамъ правильной торговли? 3) Какіе виды представляетъ для сей торговли самая Западная граница сія, т. е. Илійская область (гдѣ находятся Гульджа и Чугучакъ), а также прилегающая къ сей области съ юга Малая Бухарія, или Восточный Туркестанъ, съ городами Аксу, Кашгаромъ и Яркентомъ? 4) Такъ какъ Чугучакъ и Гульджа суть ничто иное, какъ военныя колоніи Китайцевъ, то въ случаѣ даже учрежденія тамъ правильной торговли, не будетъ ли китайское купечество чуждаться сихъ мѣстъ, какъ теперь оно ихъ чуждается (хотя, можетъ быть, теперь это происходитъ отъ другихъ причинъ, которыя съ открытіемъ законной торговли миновались бы)? 5) Полезно также сообразить: на какихъ, именно, основаніяхъ должна быть установлена сія торговля съ Западомъ Китая, дабы оная не могла вредить кяхтинской.

Безъ разъясненія сихъ и подобныхъ вопросовъ ничего положительно нельзя сказать о сей торговлѣ и будущихъ ея выгодахъ; слѣдственно и входить въ какія-либо объ оной сношенія съ Китайскимъ правительствомъ было бы мѣрою преждевременною и могущею, въ случаѣ неосуществленія нашихъ надеждъ, повести только къ напраснымъ переговорамъ съ Китайцами (успѣшное окончаніе каковыхъ переговоровъ во всякомъ случаѣ будетъ не безъ затрудненія).

По симъ уваженіямъ Комитетъ находилъ бы весьма полезнымъ: до приступленія къ какимъ-либо особымъ дѣйствіямъ— отправить довѣренное лицо въ Семипалатинскъ съ тѣмъ, чтобы проникнуть далѣе въ Чугучакъ и Гульджу, и собрать тамъ на мѣстѣ необходимыя для насъ свѣдѣнія.

Учрежденіе правильной торговли съ Китаемъ на другомъ еще пунктѣ, кромѣ Кяхты, есть, безъ сомнѣнія, дѣло важное для нашей промышленности, для коей, быть можетъ, открылись бы чрезъ то новые истоки,—и обстоятельство это особенное заслуживаетъ вниманіе при нынѣшнемъ положеніи нашихъ тор-

говыхъ сношеній съ Китаемъ и вслѣдствіе недавнихъ политическихъ событій въ семъ государствѣ; по каковымъ уваженіямъ Комитетъ и полагаетъ, что весьма бы полезно было, не теряя времени, приступить къ собранію нужныхъ для насъ свѣдѣній и къ тѣмъ предварительнымъ дѣйствіямъ, по вышеизложенному предмету, которыя оказываются необходимыми въ видахъ поддержанія и развитія нашей съ Китаемъ торговли, съ успѣхами коей тѣсно связаны успѣхи отечественной промышленности.

Въ заключеніе Комитетъ положилъ: представить сей окончательный журналъ своихъ засѣданій на дальнѣйшее усмотрѣніе г-на вице-канцлера.

Донесеніе Н. И. Любимова о поѣздкѣ въ Чугучакъ и Кульджу.

Его сіятельству господину государственному канцлеру статскаго совѣтника Любимова

ДОНЕСЕНІЕ.

По докладу вашего сіятельства состоялось въ минувшемъ году Высочайшее повелѣніе объ отправленіи меня въ западные китайскіе города, Чугучакъ и Кульджу, для собранія нужныхъ свѣдѣній о тамошней торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ. Главная цѣль сей посылки состояла въ томъ, чтобы на самыхъ мѣстахъ изслѣдовать сію торговлю и вникнуть въ вопросъ: можетъ ли она распространиться съ западными областями Китая и какія могли бы быть употреблены вѣрнѣйшія къ нему средства?

Такъ какъ успѣхъ сего порученія зависѣлъ наиболѣе отъ того, чтобы тайна посылки лица для собранія всѣхъ сихъ свѣдѣній не могла быть проникнута не только азіатцами, но даже нашимъ купечествомъ,—то предположено было: 1) отправить меня подъ видомъ купца, намѣревающагося сдѣлать опытъ торговыхъ сношеній съ помянутыми китайскими городами; 2) придать мнѣ переводчика, знающаго татарскій языкъ и который былъ бы при мнѣ въ качествѣ приказчика; 3) снабдить меня небольшою партіею товаровъ, дабы такимъ образомъ отвратить лишніе толки и подозрѣнія со стороны торгующихъ; 4) самую поѣздку изъ Семипалатинска произвести чрезъ посредство тамошняго купца Самсонова, на котораго г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири указалъ, какъ на человѣка, вполнѣ благонадежнаго.

Все учинено было согласно съ вышеозначенными предначертаніями.

Я пріѣхалъ въ Семипалатинскъ 19 мая прошлаго г., уже подъ видомъ *купца Хдрошева*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ, названнымъ въ паспортѣ *Фейзуллою Ибрагимовымъ*; по прибытіи немедленно вошелъ въ сношенія съ купцомъ Самсоновымъ на счетъ дальнѣйшей поѣздки; принялъ въ свое вѣдѣніе бывшіе уже въ Семипалатинскѣ товары; отправился затѣмъ, вмѣстѣ съ Костромитиновымъ (оба переодѣтые въ азіатское платье) въ Чугучакъ, потомъ въ Кульджу, откуда возвратился по новому пути, чрезъ Большую Орду,—и теперь долгомъ поставляю, съ разрѣшенія вашего сіятельства, представить предварительно токмо краткій очеркъ сдѣланнаго мною путешествія. Что же касается до отвѣтовъ на вопросы, изъясненные въ данной мнѣ инструкціи, и до всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ по торговой части, то оные составятъ предметъ особаго отчета, который буду имѣть честь представить немедленно по приведеніи въ порядокъ моихъ записокъ.

Караванъ, съ которымъ я отправился изъ Семипалатинска 5-го іюня, слѣдовалъ прямо въ Кульджу, а потому, чтобы заѣхать въ Чугучакъ, мнѣ надобно было въ степи отъ онаго отдѣлиться и слѣдовать уже особо, малымъ караванцемъ, состоявшимъ изъ 13 верблюдовъ. Мы сначала шли чрезъ кочевья подвластныхъ Россіи киргизовъ Средней Орды (семизнаймановъ, мурунцевъ и сувановъ); потомъ, переправясь чрезъ Тарбагатай, вышли уже на китайскую сторону и продолжали слѣдовать по кочевьямъ киргизовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ байджигитовъ, которые хотя и считаются въ китайскомъ подданствѣ, но подданство это болѣе мнимое, нежели дѣйствительное. Киргизы эти по временамъ производятъ въ степи шалости и даже причиняютъ обиды купцамъ, слѣдующимъ чрезъ ихъ мѣста незначительными караванами. Намъ, однако же, удалось пройти всѣ ихъ кочевья безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, хотя и встрѣчали тамъ и сямъ воровскія партіи сихъ киргизовъ, отправлявшихся на баранту противъ своихъ сосѣдей. Караванъ нашъ достигъ Чугучака 5 іюля, бывъ съ послѣдняго китайскаго караула провожаемъ (какъ обыкновенно водится) китайскими караульными чиновниками, которые, сдѣлавъ опись нашимъ товарамъ, заявили обо всемъ китайскому таможенному начальству.

Въ Чугучакѣ нашли мы множество всякаго торговаго народа: бо́льшая часть были ташкенцы, живущіе въ степи и въ

Семипалатинскѣ, и затѣмъ наши татары (многіе изъ нихъ— бѣглые, проживающіе также въ степи, подъ названіемъ чалаказаковъ); изъ русскихъ же всего было 3 человѣка (прикащики двухъ купцовъ изъ Устькаменногорска). Должно при семъ замѣтить, что по близости отъ нашей границы Чугучака (отстоящаго отъ Семипалатинска въ 450 верстахъ), туда отправляются частые караваны, начиная съ мая и до глубокой осени (между тѣмъ какъ въ Кульджу караванъ отходитъ изъ Семипалатинска только разъ въ годъ, въ лѣтнее время). Путь, по которому они, обыкновенно, слѣдуютъ въ Чугучакъ, лежитъ чрезъ Кокбетинскій округъ и Тарбагатай, который они проходятъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу; рѣдкіе слѣдуютъ чрезъ Аягузскій округъ, ибо дорога на Аягузъ, хотя также довольно удобная, нѣсколько длиннѣе и болѣе представляетъ опасности со стороны кочующихъ за Тарбагатаемъ байджигитовъ. Въ Чугучакѣ, вообще, лѣтомъ безпрестанное движеніе,—приливъ и отливъ купечества; но всѣ эти купцы ничто иное, какъ мелочники, привозящіе, вообще, посредственный товаръ. Самымъ значительнымъ купцомъ считается живущій въ Семипалатинскѣ ташкенецъ Ибрагимъ Амировъ, отправляющій ежегодно въ Чугучакъ товаровъ тысячъ на 15 рублей серебромъ.

Всѣ торговцы, по прибытіи въ Чугучакъ, размѣщаются на небольшомъ дворѣ, обнесенномъ глиняною стѣною и совершенно открытомъ (дворъ этотъ именуется *кураномъ*); товары же складываются въ китайскую таможню, въ находящіяся тамъ особыя кладовыя. Днемъ торговцы пользуются нѣкоторою свободою, т.-е. могутъ выходить на степную сторону, имѣть сношенія съ приходящими къ нимъ китайскими купцами и покупать отъ китайскихъ мелочниковъ съѣстные припасы и т. п.; но въ китайскій городъ и къ самимъ китайскимъ купцамъ, съ которыми производятъ мѣновую торговлю, не могутъ ходить иначе, какъ съ разрѣшенія начальства и въ сопровожденіи таможеннаго служителя. Вечеромъ всѣхъ запираютъ въ вышеозначенномъ дворѣ, гдѣ, кромѣ людей, помѣщается также и весь караванный скотъ: цѣлыя сотни верблюдовъ, лошадей, барановъ и т. п. Насъ, по прибытіи, помѣстили въ этомъ же дворѣ.

Я не буду входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности о торговлѣ нашей съ Чугучакомъ и вообще съ западными областями Китая, такъ какъ всѣ эти подробности должны составить предметъ особаго донесенія вашему сіятельству; но, въ дополненіе къ вышеизложенному, не излишнимъ считаю присовокупить: что, какъ мнѣ кажется, торговля съ Западомъ Китая могла

бы скоро развиться и сдѣлаться немаловажною для нашей промышленности, *если бы оная производилась на иныхъ основаніяхъ*— на основаніяхъ правильныхъ и *была китайскимъ правительствомъ дозволена*. При теперешнемъ положеніи, все зависитъ отъ снисхожденія китайскихъ мѣстныхъ властей,—отъ произвола ихъ; ничего нѣтъ опредѣленнаго и законнаго: таможенный китайскій чиновникъ, который сегодня принимаетъ купца съ благосклонностію и ласкою, завтра же, по личнымъ какимъ-нибудь видамъ, безъ всякихъ законныхъ причинъ, можетъ заковать его въ колодки и даже высѣчь плетьми, чему и бывали примѣры; самое помѣщеніе для пріѣзжающаго купечества есть своего рода пытка. Разумѣется, что при такомъ порядкѣ, капитальныхъ людей въ этой торговлѣ съ нашей стороны нѣтъ и быть не можетъ, а производятъ ее, какъ выше сказано, мелочники и всякіе азіатцы. Между тѣмъ, потребность на наши произведенія, мануфактурныя и другія, *тамъ существуетъ въ высшей степени*, что и доказываетъ возможность развитія нашей торговли, которая даже при теперешнемъ стѣсненномъ ея положеніи, при всемъ томъ, что производится, такъ сказать, *торгашами*, — съ годами растетъ, (но растетъ медленно). Китайскихъ товаровъ, преимущественно чая, можетъ привозиться сколько угодно, если только нашихъ товаровъ будетъ итти туда болѣе, особенно, если оние будутъ добротнѣе. Купцы китайскіе, видя у меня товары лучшаго качества, нежели какіе доселѣ туда привозились, отъ души этому радовались, убѣдительно прося меня продолжать и на будущее время начатую съ ними торговлю.

Во время пребыванія моего въ Чугучакѣ я удостоился быть приглашеннымъ къ таможенному амбаню (начальнику всей Чугучакской области). Амбань, узнавъ, что прибылъ русскій купецъ изъ столицы, пригласилъ меня къ себѣ вмѣстѣ съ моими приказчиками. Пріемъ былъ весьма благосклонный и я воспользовался онымъ, чтобы спросить, между прочимъ, у амбаня: могутъ ли на будущее время русскіе торговцы пріѣзжать въ Чугучакъ не переряженные въ азіатское платье, а въ русской своей одеждѣ? Амбань отвѣчалъ: „что торговля въ Чугучакѣ дозволена, со стороны ихъ правительства, только *анъджанамъ*, т.-е. ташкентцамъ и кокандцамъ, а потому русскіе должны пріѣзжать туда въ азіатскомъ нарядѣ“; отвѣтъ весьма странный въ устахъ китайскаго начальника и доказывающій, до какой степени сами китайскіе чиновники желаютъ поддерживать эту съ нами торговлю при всей ея *незаконности* (поддерживать, разумѣется, въ теперешнемъ ея видѣ, получая значительныя

отъ нея выгоды); большая часть товаровъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ начальствомъ въ пошлину, идетъ, какъ мнѣ сказывали сами китайскіе купцы, въ карманъ амбаня и таможенныхъ чиновниковъ.

Товары, взятые мною въ Чугучакъ, промѣнены тамъ большею частью на чай, который съ нѣкотораго времени уже началъ составлять и въ этихъ мѣстахъ главную статью китайской торговли, до того, что, кромѣ байховаго чая, другихъ китайскихъ товаровъ вымѣнивать нашимъ купцамъ становится годъ отъ году труднѣе. Обстоятельство это также заслуживаетъ особеннаго вниманія, и въ отчетѣ, который я буду имѣть честь представить по торговой части, донесу объ этомъ подробнѣе.

Изъ Чугучака выѣхали мы 18-го іюля. Слѣдовать малымъ нашимъ караванцемъ до Кульджи было невозможно по разнымъ причинамъ и по опасности пути, ибо далѣе за байджигитами кочуютъ кызайцы, народъ еще болѣе дикій и необузданный, и потому, что еще неизвѣстно было, какъ китайскія власти примутъ русскаго торговца въ Кульджѣ, гдѣ торгуютъ одни наши ташкентцы, въ Семипалатинскѣ проживающіе (за исключеніемъ лишь одного приказчика купца Самсонова, отправляющагося туда тоже подъ видомъ азіатца). По симъ уваженіямъ, дошедъ до озера Ала-куля, мы рѣшились въ кочевьяхъ тѣхъ же байджигитовъ ожидать прибытія кульджинскаго каравана, съ которымъ напередъ было условлено, гдѣ и когда съ онымъ соединиться, дабы потомъ уже вмѣстѣ слѣдовать до самой Кульджи. Караванъ этотъ, вмѣсто того, чтобы притти къ Ала-кулю 25-го іюля, какъ предполагалось, пришелъ почти мѣсяцемъ позже. Все это время мы жили въ аулахъ одного киргизскаго старшины, съ которымъ и перекочевывали съ мѣста на мѣсто. въ ожиданіи каравана. Киргизъ этотъ, у котораго мы имѣли пристанище, былъ человѣкъ пользующійся большимъ вѣсомъ между своими единоплеменниками — и это избавило насъ отъ разныхъ непріятностей. Наконецъ, кульджинскій караванъ прибылъ 19-го августа. По соединеніи съ нимъ мы продолжали слѣдовать въ Кульджу, сначала вдоль восточнаго берега озера Ала-куля, а потомъ чрезъ кочевья кызайцевъ и бегимбетовъ и чрезъ разные хребты горъ (Тохту, Канджигу и Талку). Съ Тохтинскаго хребта начинаются китайскіе караулы, по цѣпи которыхъ мы и слѣдовали до самой Кульджи. Караванъ нашъ состоялъ изъ 400 верблюдовъ; купцовъ съ работниками, вожаками и приставшими къ намъ киргизами было до сотни. При караванѣ, кромѣ товаровъ, было 8 т. барановъ, вымѣненныхъ

въ степи, по мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался къ Кульджѣ. На каждомъ китайскомъ караулѣ насъ пересчитывали, записывая верблюдовъ, барановъ и самое число тюковъ и сдавая все по счету слѣдующимъ караульнымъ начальникамъ.

Въ Кульджу вступили 9-го сентября. Насъ расположили на обычномъ мѣстѣ, въ $1^1/_2$ версты отъ города, возлѣ самой рѣки Или; товары же, какіе находились при караванѣ, на другой день потребованы были въ таможню и тамъ размѣщены въ особыхъ кладовыхъ.—Эпоха, въ которую мы прибыли въ Кульджу, была для торговли совершенно новая и весьма любопытная: доселѣ торговля въ Кульджѣ производилась на иныхъ основаніяхъ нежели въ Чугучакѣ: въ послѣднемъ изъ сихъ мѣстъ пріѣзжающіе съ товарами торговцы имѣютъ дѣло собственно съ китайскими купцами; въ казну же китайскую ничего не продаютъ, внося только положенную пошлину,—по 1-й штукѣ съ 10-ти каждаго товара, *за половинную цѣну* (т. е. $5^0/_0$),—каковая половинная цѣна опредѣляется особымъ тарифомъ. Въ Кульджѣ напротивъ того купцы доселѣ всегда торговали съ китайскою казною, которая за извѣстную цѣну покупала у нихъ часть товаровъ и за тѣмъ уже остальную позволяла потомъ продавать на волю желающимъ, т. е. китайскимъ купцамъ. Въ истекшемъ же 1845 году кульджинское купечество, съ разрѣшенія высшаго своего правительства, измѣнило этотъ порядокъ и приняло тотъ, который существуетъ въ Чугучакѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ торговлю *вольною* и взимая въ казну извѣстную часть товаровъ въ видѣ пошлины. Новый этотъ порядокъ безъ сомнѣнія во всѣхъ отношеніяхъ лучше прежняго и болѣе можетъ способствовать развитію торговли; но ташкентцы наши, привозящіе въ Кульджу преимущественно всякій плохой товаръ и опасавшіеся, что имъ трудно будетъ сбыть оный китайскимъ купцамъ, были недовольны измѣненіемъ прежнихъ правилъ и стали сначала просить о возстановленіи прежняго образа производства торговли. При этомъ случаѣ я позволилъ себѣ сдѣлать имъ нѣкоторыя внушенія и склонилъ ихъ оставить вышевъясненное домогательство, а ограничиться только просьбою объ отмѣнѣ, или уменьшеніи самой пошлины, которая положена была съ нашихъ товаровъ вдвойнѣ, будучи взимаема и при предъявленіи въ таможню (съ пріѣзжающихъ купцовъ) и съ самихъ китайцевъ, при вымѣнѣ сихъ товаровъ отъ нашего каравана. Переговоры объ отмѣнѣ, или уменьшеніи пошлины продолжались цѣлый мѣсяцъ. Во весь этотъ мѣсяцъ не только воспрещены были китайскимъ купцамъ всякія сообщенія съ

нашимъ караваномъ, но даже (чтобы заставить насъ на все безусловно согласиться) держали караванъ нѣсколько дней какъ бы въ осадномъ положеніи: не пропускали къ намъ ни хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, ни сѣна для нашего скота. Наконецъ дѣло кончилось болѣе или менѣе по желанію купечества: кульджинское начальство въ пошлинѣ сдѣлало значительную сбавку противъ Чугучака, и хотя, также какъ тамъ, взимаетъ одну десятую съ русскихъ товаровъ, за полцѣны, но эта полуцѣна въ Кульджѣ по многимъ статьямъ равняется полной цѣнѣ, такъ что для купечества пошлина эта нисколько не отяготительна. Обстоятельство эта, и въ особенности то, что торговля въ Кульджѣ будетъ отнынѣ производиться съ китайскимъ купечествомъ, а не съ казною, благопріятствуетъ нашимъ сношеніямъ съ сею китайскою областію и можетъ послужить до нѣкоторой степени къ ихъ развитію.

Кульджа, находясь въ бо́льшемъ отдаленіи отъ нашей границы нежели Чугучакъ (въ разстояніи 900 верстъ), въ этомъ отношеніи представляетъ какъ бы менѣе удобствъ нежели сей послѣдній пунктъ; но взамѣнъ того она населеннѣе, болѣе въ ней купечества, и самые товары въ ней разнообразнѣе: кромѣ чая въ Кульджѣ вымѣниваются разныя шелковыя матеріи (канфы, фанзы, крѣпи и т. п.). Сверхъ того она ближе къ Кашкаріи. Но тѣ же препятствія, какія существуютъ для чугучагской торговли, встрѣчаются и здѣсь—и онѣ таковы, что безъ устраненія сихъ препятствій, безъ установленія *правильной съ китайцами торговли*, оная не можетъ развиваться въ желаемой степени. Нельзя при этомъ еще не указать на одно обстоятельство довольно важное: часть нашихъ мануфактурныхъ товаровъ, промѣниваемыхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, а именно: нанка, коленкоръ, миткаль, ситецъ, бумажные платки, и т. п., идутъ чрезъ городъ Урумджи [1]) преимущественно въ Кашкарію и требованіе на подобнаго рода издѣлія тамъ столь значительно, что наши товары не удовлетворяютъ и десятой доли тамошнихъ потребителей, и можетъ быть отъ этого съ нѣкотораго времени началъ усиливаться привозъ въ Кашкарію англійскихъ товаровъ. Замѣчательно еще то, что большая часть этихъ англійскихъ бумажныхъ издѣлій проникаетъ туда не изъ

[1]) Урумджи находится за великою китайскою стѣною, на пути изъ Китая въ Джунгарію и Кашкарію; въ этомъ городѣ находятся главныя конторы китайскихъ купцовъ, торгующихъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ городахъ Кашкаріи.

Индіи чрезъ Тибетъ (не смотря на то, что это ближайшій туда путь), а изъ самаго Китая, проходя изъ китайскихъ портовъ, чрезъ всѣ внутреннія китайскія провинціи, за великую стѣну, въ Урумджи, а оттуда уже въ Кашкарію. Обо всемъ этомъ мнѣ говорили и китайскіе купцы и нѣкоторые изъ ташкентцевъ, которые были въ Кашкарѣ, Яркентѣ и Аксу,—такъ что обстоятельство это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По большей несравненно для насъ краткости пути въ Кашкарію, по могущей отъ сего быть большей дешевизнѣ тамъ нашихъ товаровъ, казалось бы, они могли вытѣснить оттуда англійскіе, особенно если бы привозились лучшаго качества. Прежде съ нашей стороны были дѣланы опыты *непосредственныхъ сношеній съ Кашкаріею*: послѣдній караванъ ходилъ туда изъ Семипалатинска въ 1824 году (онъ принадлежалъ семипалатинскому купцу Попову); но съ тѣхъ поръ усилившіеся безпорядки въ Большой Ордѣ и между Дикокаменными киргизами, чрезъ кочевья коихъ лежитъ караванный путь въ Кашкарію, служили постояннымъ препятствіемъ къ возобновленію подобныхъ опытовъ, и такимъ образомъ Кашкарія начала уже подчиняться торговому вліянію Англіи. Теперь обстоятельства въ Большой Ордѣ и въ странѣ Дикокаменныхъ киргизовъ измѣнились къ лучшему и, при нѣкоторыхъ съ нашей стороны мѣрахъ, могли бы значительно содѣйствовать всякимъ торговымъ видамъ нашего правительства въ отношеніи къ Кашкаріи.

Во время всего пребыванія моего въ Кульджѣ я не скрывалъ, что я русскій, какъ не скрывалъ и въ Чугучакѣ и это не подвергло меня никакимъ непріятностямъ, не смотря на то, что въ Кульджу, какъ выше замѣчено, ѣздятъ почти исключительно одни наши Ташкентцы. Главное, чего должно было опасаться, это чтобы китайцы не проникли, что въ караванѣ находится русскій чиновникъ, посланный отъ правительства. Но по особенно счастливому стеченію обстоятельствъ и по мѣрамъ, принятымъ съ самаго начала министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайна эта не была китайцами проникнута.

Засимъ, долгомъ считаю донести, что въ бытность мою въ Кульджѣ мнѣ удалось, при пособіи моихъ спутниковъ, склонить китайцевъ на позволеніе каравану возвратиться по другому пути, гораздо удобнѣйшему, именно: чрезъ Большую Орду и такъ называемыя *Семь-рѣкъ*. Караваны наши обыкновенно слѣдуютъ въ Кульджу, какъ выше замѣчено, чрезъ Тарбагатай, мимо озера Алакуля (по восточной его сторонѣ); потомъ чрезъ разные хребты горъ, преодолѣвая множество всякаго рода труд-

ностей и препятствій, самою природою воздвигаемыхъ. Вотъ уже лѣтъ 40 какъ они ходятъ по этому пути, а чрезъ Семь-рѣкъ, или Большую Орду не пускаются изъ боязни кочующихъ тамъ киргизовъ. Ѣдучи въ Кульджу и въ самой Кульджѣ отъ разныхъ людей я узналъ, что путь этотъ не такъ страшенъ, какъ мнѣ объ немъ разсказывали въ Семипалатинскѣ; къ тому же въ послѣднее время въ Большой Ордѣ совершились новыя благопріятныя для насъ обстоятельства. Киргизы этой Орды, которые прежде считали себя въ китайскомъ подданствѣ, стали проситься, и весьма усильно, въ русское подданство. Сообразивши все это, я рѣшился просить у китайскаго начальства дозволенія возвратиться чрезъ Семь-рѣкъ (иначе, безъ сего позволенія, насъ не пропустили бы чрезъ ихъ караулы). Китайцы долго упорствовали намъ въ отказѣ; но наконецъ, по разнымъ убѣдительнымъ нашимъ доводамъ, которые были подкрѣплены нѣкоторыми подарками, склонились на наше домогательство. Въ слѣдствіе этого я отправился изъ Кульджи *по новому пути*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ и ташкентцемъ Рахимджаномъ Беделевымъ, оказавшимъ во всемъ этомъ дѣлѣ особенныя услуги; прочіе же купцы и вообще весь караванъ, за исключеніемъ нашего, возвратились по прежней дорогѣ.

Новый путь оказался удобнымъ свыше нашего ожиданія: горъ никакихъ нѣтъ кромѣ легкаго переѣзда чрезъ Югантасъ (отрасль хребта Алатау); вездѣ рѣки (не затрудняющія нисколько хода каравановъ); вездѣ отличные кормы для скота (даже въ зимнее время) и ни малѣйшаго недостатка въ топливѣ; между тѣмъ какъ по прежнему пути во всемъ этомъ недостатокъ, особенно въ зимнее время. Киргизы же не только не дѣлали намъ никакихъ обидъ и притѣсненій, но принимали вездѣ съ особеннымъ изъявленіемъ дружества; главный батырь ихъ (наѣздникъ), къ которому мы обратились, далъ намъ даже двухъ сыновей своихъ въ провожатые. Путь нашъ лежалъ чрезъ помянутую отрасль хребта Алатау и чрезъ рѣки: Кукъ-су, Караталъ, Акъ-су, Лепъ-су и Аягузъ, впадающія въ озеро Балкашъ. Китайцы нѣкогда изъявляли притязанія на сіи мѣста, начиная съ Каратала и далѣе къ югу; но вліяніе ихъ тамъ давно кончилось и съ тѣхъ поръ земли эти были, если не въ полномъ владѣніи, то подъ вліяніемъ хокандцевъ.

Обо всемъ этомъ также будетъ въ подробности изъяснено въ своемъ мѣстѣ. Проѣздъ чрезъ Большую Орду поставилъ меня въ возможность собрать довольно подробныя свѣдѣнія о киргизахъ сей Орды и о Дикокаменныхъ киргизахъ, которые при

теперешнемъ положенiи нашей торговли, повидимому, заслуживаютъ особенное вниманiе.

Мы выѣхали изъ Кульджи 14-го ноября, и 10-го декабря были уже въ Семипалатинскѣ. По времени года можно было ожидать сильныхъ морозовъ и бурановъ; но путешествiе наше и въ этомъ отношенiи совершилось весьма счастливо безъ малѣйшихъ непрiятныхъ послѣдствiй. По прибытiи въ Семипалатинскъ я сдалъ въ таможню всѣ вымѣненные въ Кульджѣ и Чугучакѣ китайскiе товары, большею частью чаи и разныя шелковые матерiи, нѣкоторые же въ видѣ образцовъ отправилъ въ С.-Петербургъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находятся предметы, которые, повидимому, могли бы составить новыя статьи торговли.

Въ заключенiе обязанностiю считаю засвидѣтельствовать предъ вашимъ сiятельствомъ объ отличномъ усердiи бывшаго при мнѣ переводчика Костромитинова, который въ продолженiе всего путешествiя былъ мнѣ весьма полезенъ, какъ по знанiю татарскаго языка, такъ и по дѣятельности и распорядительности своей.

С.-Петербургъ,
11-го февраля 1846 г.

Докладная записка г. генералъ-губернатору Западной Сибири.

Вашему сiятельству угодно было, чтобы я представилъ свѣдѣнiя, какiя собралъ въ проѣздъ чрезъ Большую Орду о султанахъ и прочихъ лицахъ, пользующихся влiянiемъ между киргизами сей орды, извѣстными подъ общимъ наименованiемъ юсунцевъ [1]).

Во исполненiе сего требованiя честь имѣю донести: что власть султановъ въ послѣднее время вообще упала, и теперь между юсунцами существуетъ почти совершенное безначалье: многiе батыри пользуются гораздо большимъ вѣсомъ, нежели самые султаны ихъ. Изъ сего слѣдуетъ однако-же исключить султановъ Галiя Адилева и племянника его султана Хакима,

[1]) Юсунцы раздѣляются на нѣсколько родовъ, но главные изъ нихъ суть дулаты. Къ нимъ принадлежатъ султаны: Хакимъ, Галiй и Батырь Тойчубекъ, о которомъ ниже въ подробности упоминается.

сына покойнаго султана Кулана [1]). Первый изъ нихъ кочуетъ около устья Кукъ-су; а второй ближе къ китайскимъ карауламъ.

Что же касается до султана Иргали, иначе называемаго Кучюкомъ (брата Галія), имѣющаго отъ нашего правительства нѣкоторые знаки отличія, то онъ не имѣетъ никакого особеннаго вѣса [2]).

То же самое можно сказать о престарѣломъ Сюкѣ Аблай-хановѣ, кочующемъ на Караталѣ, который заслуживаетъ только вниманіе по своей постоянной и испытанной преданности русскому правительству.

Затѣмъ изъ киргизскихъ батырей, кромѣ Тойчубека (съ которымъ я имѣлъ личныя сношенія) наиболѣе вліятельные суть: Куренкей, родственникъ Тойчубека, Декабмай и Байсерке. (Вѣроятно, есть и другіе). Батырей этихъ также весьма полезно бы было приласкать и стараться держать въ добромъ къ намъ расположеніи.

О Тойчубекѣ обязываюсь еще доложить, что онъ при всемъ томъ, что въ душѣ не очень любитъ русскихъ, оказалъ все возможное вниманіе къ нашему небольшому каравану—первому русскому каравану, который прошелъ чрезъ ихъ мѣста, на возвратномъ пути изъ Кульджи [3]). Султанъ Хакимъ вмѣстѣ съ нимъ кочующій, не взирая на то, что мы обратились не къ нему, а

---

[1]) У хана Аблая было два сына: Адиль и Сюкъ (Сюкъ Аблай-хановъ находящійся еще въ живыхъ и кочующій на Караталѣ).

Отъ Адиля (давно умершаго) произошла большая часть нынѣшнихъ юсунскихъ султановъ. Его дѣти были: Куланъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между киргизами (онъ померъ тому лѣтъ 15), Галій, Иргали и другіе, отъ которыхъ произошло еще множество султановъ.

Галій и Иргали живы и первый изъ нихъ (Галій) всегда считался между киргизскими султанами разумнѣйшимъ. Теперь онъ и по лѣтамъ своимъ и по уму имѣетъ особенное вліяніе на юсунцевъ; затѣмъ помянутый султанъ Хакимъ, какъ старшій сынъ покойнаго Кулана.

Въ прошломъ году, когда у юсунцевъ рѣшался вопросъ: проситься ли имъ въ русское подданство или нѣтъ, то съѣздъ для рѣшенія сего дѣла былъ у султана Галія и потомъ также былъ въ числѣ главныхъ султанъ Хакимъ.

[2]) Если онъ и заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе, то только потому, что братъ Галія и вмѣстѣ съ нимъ кочуетъ. По слухамъ въ Большой Ордѣ прошедшей осенью онъ собирался ѣхать въ Омскъ въ качествѣ депутата отъ юсунцевъ, но пріѣздъ къ юсунцамъ нашего Бикходжи заставилъ его отмѣнить это намѣреніе.

[3]) Племянникъ его Исенбекъ и сынъ его же, Тойчубека, Джанъ ходжи были употребляемы дулатами по дѣлу объ удовлетвореніи нашихъ Найманомъ. Они много тутъ содѣйствовали и, казалось, было бы не безполезно при случаѣ чѣмъ-нибудь ихъ отличить.

къ Тойчубеку, лицу второстепенному, также не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ пропускѣ каравана и обошелся съ нами весьма привѣтливо.

Явить имъ за это нѣкоторые знаки вниманія со стороны вашего сіятельства не только не будетъ лишнимъ и тѣмъ болѣе, что они кочуютъ на самомъ караванномъ пути, но, смѣю думать, и впредь можетъ побудить ихъ къ оказанію проходящимъ чрезъ ихъ кочевья русскимъ караванамъ всякаго пособія и покровительства, что̀ для торговыхъ видовъ тѣмъ важнѣе, что путь чрезъ Семь-рѣкъ (чрезъ кочевья юсунцевъ) несравненно удобнѣе того, по которому обыкновенно ходятъ въ Кульджу наши караваны. Купцы наши, имѣющіе дѣла съ Кульджею, намѣрены будущимъ же лѣтомъ отправить караванъ по сему новому пути, если только обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, т.-е. если юсунцы сохранятъ къ намъ тѣ же отношенія и чувствованія въ какихъ теперь находятся, благодаря распоряженіямъ вашего сіятельства у пограничнаго начальства.

Отношеніе къ Директору Азіатскаго Департамента.

Я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о возвращеніи моемъ и состоящаго при мнѣ губернскаго секретаря Костромитинова въ Семипалатинскъ.

Нынѣ долгомъ поставляю увѣдомить: что вывезенные мною изъ Чугучака и Кульджи товары, на основаніи данныхъ мнѣ предписаній, сданы въ Семипалатинскую таможню; нѣкоторые же изъ нихъ взяты для представленія начальству. Что̀ именно взято и что̀ оставлено, изволите усмотрѣть изъ прилагаемыхъ при семъ списковъ съ отношенія моего къ г. управляющему таможнею и съ слѣдующихъ къ сему отношенію двухъ приложеній.

Взятыя изъ таможни вещи, по надлежащей укупоркѣ, сданы 27 декабря находящемуся въ Семипалатинскѣ повѣренному московскаго купца Шевелкина, Дмитрію Иванову Антипину, который подрядился ихъ доставить въ Москву за плату по восьми рублей ассигнаціями съ пуда. Всей тяжести оказалось 6 ящиковъ, составившихъ 15 пудовъ 14 фунтовъ, за которые причлось Антипину 122 руб. 80 коп. ассигнаціями; сумма сія выдана ему въ Семипалатинскѣ. По доставленіи означенныхъ ящиковъ въ Москву, оные будутъ тамъ сданы купцу Михайлѣ Дмитріеву Гусеву, къ коему я на сей конецъ выслалъ и накладную съ роспискою на оной Антипина, въ полученіи какъ ящиковъ, такъ и вышеозначенной суммы (копія съ сей наклад-

ной у сего же представляется). Дальнѣйшее всего отправленіе изъ Москвы будетъ устроено по пріѣздѣ моемъ туда. Я надѣюсь быть тамъ ранѣе прихода помянутыхъ тяжестей.

За симъ, обязываюсь доложить, что по полученіи нужныхъ свѣдѣній отъ г. управляющаго семипалатинскою таможнею, я 28 декабря, вмѣстѣ съ губернскимъ секретаремъ Костромитиновымъ отправился въ Омскъ, куда и прибылъ 31 декабря, а на другой день имѣлъ честь представиться къ г. генералъ-губернатору Западной Сибири. По распоряженію его сіятельства, получилъ я здѣсь прогоны и подорожную отъ Омска до Оренбурга. Прогонныхъ денегъ выдано мнѣ по положенію на 6 лошадей 137 руб. $92^1/_2$ коп. серебромъ (по расчету $1532^1/_2$ версты), а Костромитинову на 2 лошади 45 руб. $97^1/_2$ коп., а всего сто восемьдесятъ три рубля девяносто копѣекъ серебромъ.

Обо всемъ этомъ доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, честь имѣю присовокупить, что сего 4-го января я отправляюсь съ г. Костромитиновымъ въ дальнѣйшій путь по указанію начальства.

Маршруты.

I. Изъ Семипалатинска въ Чугучакъ.

	Привалы.	Версты
1.	Бишъ-чуку (колодезь).	30
2.	Кара-мола (на р. Чарѣ)	25
3.	Аякъ-караулъ (на р. Чарѣ)	25
4.	Урта-караулъ (на р. Чарѣ)	20
5.	Джанъ-аму (при рѣч. Джангалъ)	25
6.	Айдарлы-кызылъ (сопка)	25
7.	Дубай (сопка)	20
8.	Пикетъ Караджалъ	20
9	Конбектинскій приказъ	30
10.	Кара-уткуль (рѣчка)	20
11.	Юзъ-агачь (рѣчка и лѣсъ)	20
12.	Бугасъ (рѣчка)	35
13.	Карабуга-базаръ (рѣчка)	20
14.	Дебнека (рѣчка)	25
15.	Кульденекъ-су (въ Тарбагатаѣ)	30
16.	Кара-мула	30
17.	Катынъ-су	15
18.	Китайскій караулъ Джигарма	35
19.	Чугучакъ	20
	Итого	470

Караваны совершаютъ этотъ путь въ 12 дней.

II. Отъ Семипалатинска до Чугучака чрезъ Аягузъ.

	Привалы.	Версты
1.	Пикетъ Улугузъ, при колодцѣ	25
2.	Колодезь Кургамбай	25
3.	Колодцы Кызларъ Казганъ	14

Привалы.	Версты
4. Пикетъ Джарташъ, на ключѣ	30
5. Пикетъ Косумбетъ, колодцы	26
6. Пикетъ Аркатъ, на ключѣ	26
7. Пикетъ Альчи Надыръ, колодцы	24
8. Пикетъ Узунбулакъ, ключъ	24
9. Пикетъ Горькій или Аще-су, колодцы . .	26
10. Кой-Тасъ,гора и ключъ, влѣво отъ дороги . .	20
11. Рѣка Аягузъ, выше Новаго приказа 15 в.	25
12. Р. Большой Нарымъ (уроч. Чинъ-ходжа) .	21
13. Ключъ Джалпага-су .	30
14. Р. Караколъ	20
15. Ключъ Кобелега-су у горъ Кызылъ Беледу .	25
16. Р. Урджаръ	22
17. Ключъ Пшукъ Акджаръ	18
18. Рѣчка Сарымсакты .	22
19. Рѣчка Коктерекъ . .	25
20. Уйрянъ-Копа, ключъ и камыши	16
21. Ключъ Кай-чи . . .	14
22. Кит. караулъ Коктума, при ключѣ	18
23. Чугучакъ	16
Итого . .	512

Караванъ приходитъ въ Чугучакъ по этому пути въ 15 дней.

III. Отъ Семипалатинска до Кульджи.

Привалы.	Версты
Караваны слѣдуютъ вышеозначеннымъ трактомъ (II) до 16-го привала на р. Урджаръ	383
17. Уроч. Буркъ-агачъ на р. Урджаръ	30
18. Р. Катынъ-су . . .	35
19. Р. Эмиль при уроч. Джангызъ-агачъ . .	16
20. Ключъ Вали-булакъ на вост. сторонѣ озера Алакуля	22
21. Ключъ Уали-булакъ .	21
22. Ключъ Узунъ-булакъ	25
23. Ключъ Кабакъ-булакъ	16
24. Ключъ Кызылъ-Каинъ	20
25. Колодцы Уланъ-Куль	25
26. Ключъ Кара-Даванъ .	16
27. Кит. караулъ Каптагай, ключъ	11
28. Ключъ Уте-булакъ .	12
29. Кит. караулъ Боротара или Уланъ-Бура . .	27
30. Кит. караулъ Канджага	28
31. Ключъ Кульденекъ-су	11
Проходятъ мимо озера и караула Сайрама.	
32. Гора Талка, ключи .	37
33. Кит. караулъ Талка .	17
34. Караулъ и деревня Сарбулакъ	25
35. Городъ Кульджа, на р. Или	25
Итого . .	802

(Окончаніе слѣдуетъ).

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ*).

(*Продолженіе* **).

2. Начала пастурели.

Въ литературѣ, посвященной вопросу о происхожденіи пастурели, отношеній ея къ классической идилліи никто почти не касался (см., однако, этюдъ Pillet). Объясняется это, конечно, общимъ воззрѣніемъ на вліяніе классическаго преданія въ средніе вѣка, которому отводилось въ общемъ незначительное мѣсто. Между тѣмъ, это едва ли справедливо. Несомнѣнно, что многія черты куртуазнаго идеала нашли себѣ откликъ и поддержку въ классическихъ воспоминаніяхъ и чтеніяхъ, и отчасти даже коренятся въ нихъ. Кое-что проходило въ рыцарскую среду непосредственно, изъ различныхъ передѣлокъ и пересказовъ древнихъ мотивовъ. Но многое проникало и путемъ церкви, школы. Ихъ роль въ литературномъ развитіи Западной Европы еще не достаточно изучена и латинская литература, поскольку она не замыкалась въ стѣнахъ школы, пока еще мало привлекала къ себѣ интересы изслѣдователей. Представители школы и церкви являлись настоящей средне-вѣковой интеллигенціей, въ полномъ смыслѣ этого слова, съ опредѣленной исторической традиціей, самосознаніемъ. Ихъ литература была литературой par excellence; то, что распространяли всякіе бродячіе пѣвцы, — пустымъ времяпрепровожденіемъ досужихъ людей или легкой забавой. Она станетъ настоящей литературой послѣ того, какъ попытаетъ свои силы въ вопросахъ, которые до той поры не подлежали ея вѣдѣнію. Если школьная литература относительно рѣдко служила матерьяломъ для подражанія, заимствованія, то гораздо чаще она являлася образцомъ работы. Вотъ почему необходимо считаться съ нею при анализѣ средне-вѣковой литературы и тщательно отмѣчать, гдѣ

*) См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, № 12, часть CCCXXXVIII, отд. 2, стр. 250 и слѣд.: Припѣвъ и аналитическій параллелизмъ.

**) См. „Жив. Стар.", вып. II, 1907 г.

возможно, несомнѣнныя точки соприкосновенія между той и другой (Эбертъ,[2] I, p. X сл.; ср. работы Шёнбаха).

Для пастурели, какъ уже было сказано, этого не дѣлалось. Она представлялась настолько національнымъ поэтическимъ продуктомъ, что о заимствованіи и рѣчи быть не могло. Какъ то случайно Fauriel коснулся вопроса объ отношеніи провансальской пастурели къ античной, но мимоходомъ, не аргументируя своего предположенія, и тутъ же наполовину его затушевывая: „Ce genre est donc encore un des fils par lesquels il est probable que la poésie chevaleresque tient aux traditions de l'antiquité classique. Du reste, il y a peu de choses à dire de la poésie pastorale des troubadours, quelle qu'en soit l'origine, sinon que c'est peut-être une des abstractions poétiques les plus étranges dont l'histoire de la littérature fasse mention" [12]). Интересенъ самый фактъ появленія у двухъ различныхъ національностей одной и той же формы идилліи. Впрочемъ, можно ли французскую пастурель назвать идилліею въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ пьесы Өеокрита? Насколько пастурель явилась, въ самомъ дѣлѣ, попыткой удовлетворить потребности сознательнаго противупоставленія простой, деревенской или пастушеской обстановки куртуазному искусственному рыцарству? Исторія древнѣйшихъ формъ скорѣе противъ такого толкованія явленія. Позже пастурель была осмыслена въ этомъ направленіи, но это стало возможнымъ лишь въ пору расцвѣта куртуазныхъ началъ, при условіяхъ, подсказывавшихъ антитезу тамъ, гдѣ прежде былъ простой традиціонный мотивъ.

Другое дѣло—классическая идиллія. Она отвѣтила запросамъ сентиментализма александрійской эпохи, какъ историческія симпатіи современниковъ Ричардсона являлись выраженіемъ мечтаній о добромъ старомъ времени (непремѣнно, конечно, добромъ), *своей*, національной порѣ, далекой отъ уродливостей галлизированной современности. Впрочемъ, различная оцѣнка однихъ и тѣхъ же данныхъ не устраняетъ возможности заимствованія.

Посмотримъ, что же даетъ классическая идиллія или эклога для пониманія французской пастурели.

Излюбленной темой Өеокрита является мотивъ мусическаго состязанія: онъ заставляетъ своего Өирсида пропѣть намъ по приглашенію товарища—пастуха о смерти Дафниса, за что Өирсидъ награжденъ красивымъ сосудомъ и правомъ подоить одну изъ козъ (I); описываетъ пѣніе взапуски двухъ пастуховъ, обмѣни-

---

12) Hist. de la poésie prov., P. 1846, т. II стр. 91.

вающихся шутками (V, сл. VII, VIII, IX), мимирующихъ діалогъ Дафниса и Полифема, влюбленнаго въ Галатею (VI), или, наконецъ, рисуетъ намъ нѣчто вродѣ débat двухъ крестьянъ, которые жнутъ въ полѣ: одинъ поетъ о своей любви къ прекрасной Полиботѣ, на что товарищъ его, Милонъ, отвѣчаетъ смѣшкомъ и пѣснью жнеца,—любовныя мысли не дѣло рабочаго человѣка (X). Пѣніе взапуски и débats, отчасти разновидность первыхъ, одинъ изъ любимыхъ народныхъ пріемовъ, съ которымъ мы встрѣчаемся всюду, отъ Америки до Сибири и отъ Норвегіи до Австраліи. Въ Сициліи онъ также популяренъ теперь, какъ былъ популяренъ и въ эпоху Θеокрита, когда по извѣстнымъ праздникамъ пастухи являлись въ города и устраивали такія состязанія.

Идиллія IV вводитъ насъ въ кругъ пѣсенъ, которыя можно было бы назвать любовными сценками. Пастухи Баттъ и Коридонъ бесѣдуютъ о любви. Коридонъ утѣшаетъ товарища, лишившагося недавно своей возлюбленной Амариллиды. Тѣмъ временемъ стадо ихъ забирается въ оливковую рощу и начинаетъ уничтожать молодые побѣги. Пастухи прерываютъ разговоръ и бросаются за нимъ въ погоню, во время которой Баттъ занозилъ себѣ ногу. Сценка заканчивается разговоромъ пріятелей объ одномъ навязчивомъ влюбленномъ старикѣ (γερόντιον). Идиллія XXIII, изображающая трагическій конецъ одного влюбленнаго, повѣсившагося на дворѣ у юноши, предмета его страсти, убитаго потомъ въ наказаніе за его недоступность упавшею на него статуей Эрота, и извѣстный 'Οαριστύς (XXVII) принадлежатъ къ числу псевдо-θеокритовыхъ пьесъ.—Гораздо многочисленнѣе классъ любовныхъ монологовъ,—идиллій, вродѣ Φαρμακεύτριαι (II), III, въ которой пастухъ поетъ свою скорбную пѣсню передъ гротомъ недоступной красавицы Амариллиды, или ламентацій Киклопа (XI), страдающаго отъ любви своей къ Галатеѣ—рядъ красивыхъ психологическихъ мотивовъ, полныхъ тонкой наблюдательности, изящества и настроенія. Къ нимъ примыкаетъ еще нѣсколько пьесъ, въ которыхъ поэтъ знакомитъ насъ съ душевнымъ состояніемъ женщины, ожидающей своего возлюбленнаго (XII), или даетъ монологъ безнадежно влюбленнаго (XXIX и XXX). Если присоединить къ этому перечню типовъ идилліи извѣстныхъ Сиракузянокъ (XV), то основныя, важнѣйшія категоріи ея будутъ исчерпаны. Я миновалъ политическія идилліи Θеокрита; они переносятъ насъ къ эклогамъ Виргилія и другихъ римскихъ поэтовъ, для которыхъ эта форма гораздо характернѣе. Изъ трехъ политическихъ пьесъ Θеокрита только

одна (XIV) можетъ быть названа идилліей; она облечена въ форму діалога между Эсхиномъ и Ѳіонихомъ. Эсхинъ жалуется товарищу на свою возлюбленную Киниску, которая оскорбила его недавно на пиру тѣмъ, что слишкомъ явно выразила свою симпатію другому. Чтобы развѣять свое горе онъ собирается уйти куда-нибудь и поступить въ солдаты. Услышавъ эти слова Эсхина, Ѳіонихъ совѣтуетъ ему отправиться къ Птолемею, гдѣ ему будетъ навѣрное достаточно покоя. Птолемей всегда съумѣетъ оцѣнить предачнаго ему человѣка и вознаградитъ его за услуги. Похвала занимаетъ всего нѣсколько стиховъ и очень искусно вплетена въ общую канву разсказа. XVI и XVII, наоборотъ, представляютъ собой обычныя хвалебныя пѣсни: первая—въ честь Гіерона II Сиракузскаго, расположенія и покровительства котораго добивался поэтъ, вторая—въ честь Птолемея II.

Политической эклогой открывается составленный, вѣроятно, самимъ поэтомъ сборникъ буколикъ Виргилія. Она посвящена восхваленію Августа; по формѣ это діалогъ Титира и Мелибея (I). Въ послѣдней изъ пьесъ, заканчивающей собой рядъ амебейныхъ эклогъ, поэтъ знакомитъ насъ съ положеніемъ вопроса о конфискаціи земель, ради которой ему самому пришлось перенести немало тревогъ и безпокойства: Ликидъ и Меридъ бесѣдуютъ о судьбѣ хозяина Мерида, пѣвцѣ Меналкѣ: нѣкогда ему помогли въ бѣдѣ его стихи, отрывки которыхъ пріятели припоминаютъ во время своего разговора; но теперь времена наступили иныя — и стихи перестаютъ приносить пользу (IX). Къ тому же вопросу примыкаетъ и популярная въ средніе вѣка: Sicilides musae, paulo maiora canamus (IV), связь которой съ эклогой ограничивается только этой captatio benevolentiae. Между этими политическими эклогами и пастушескими стихотвореніями стоятъ VI и VIII, посвященныя Вару и Азинію Полліону: VI—эпическая пѣснь о мірозданіи, вложенная поэтомъ въ уста Силена, который поетъ ее по требованію лишившихъ его свободы, въ то время когда онъ, подвыпивъ, спалъ, Эгле, Хромида и Мнасилла. VIII—комбинація мотивовъ ѳеокритовой Ворожеи (II) и жалобы Киклопа (XII), перенесенной въ уста любовника, тоскующаго по своей возлюбленной въ день ея свадьбы. Большинство остальныхъ эклогъ рисуютъ намъ столь любимыя Ѳеокритомъ поэтическія состязанія, alternis dicetis: amant alterna camenae (III v. 5); передъ нами Меналкъ и Дамета, обмѣнивающіеся въ присутствіи приглашеннаго ими въ качествѣ судьи Палемона двустишіями: одинъ

ставитъ извѣстныя положенія, товарищъ его старается съострить по поводу ихъ или противупоставить имъ другія, аналогичныя, въ свою пользу. Пѣніе кончается загадками, предлагаемыми и той и другой стороной и приговоромъ Палемона, признающаго обоихъ пастуховъ достойными награды (III). Или Меналкъ и Мопсъ, поочередно поющіе о гибели и славѣ Дафниса, вознесеннаго на Олимпъ и чествуемаго торжественно на ежегодныхъ празднествахъ (V). Иногда тотъ же мотивъ мусическаго состязанія вставленъ въ эпическія рамки разсказа о немъ, какъ напр., въ эклогѣ, въ которой Мелибей описываетъ подобный поэтическій турниръ Коридона и Тирсита въ присутствіи Дафниса (VII). Рядомъ съ ними монологи любовнаго содержанія крайне немногочисленны. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ изображаетъ страданія пастуха, влюбленнаго въ красавца Алексида (II), въ другомъ любовную тоску Галла, оставленнаго Ликоридой, котораго стараются утѣшить Панъ, Сильванъ и даже самъ Аполлонъ и который, наконецъ, смиряется передъ всепокоряющей силой любви: omnia vincit amor, et nos cedamus amori (X).

За Виргиліемъ въ области буколики слѣдуютъ Кальпурній (T. Calpurnius Siculus) и Немезіанъ (M. Aurelius Olympius Nemesianus). Первый принадлежитъ эпохѣ Нерона. Три изъ его эклогъ, (I, IV, VII) представляющія собой политическія идилліи, съ аллюзіями на современность, написаны несомнѣнно въ надеждѣ, что пѣсня дойдетъ до того, кому она написана: Forsitan augustas feret haec Meliboeus ad aures (I v. 94). Они восхваляютъ цезаря (IV, VII) и предвѣщаютъ ему наступленіе золотого вѣка (I). Другія, подобно буколикамъ творца Энеиды, изображаютъ поэтическія состязанія 2-хъ пастуховъ (VI) или преніе пастуха и садовника на тему о томъ, чье ремесло имѣетъ больше значенія (II). V пьеса нѣчто вродѣ Breviarium pastoris: старый пастухъ Миконъ, хочетъ отдохнуть и поручаетъ стадо своему молодому товарищу, причемъ даетъ ему соотвѣтствующія указанія. III идиллія единственная въ сборникѣ буколика Кальпурнія, въ которой любовный мотивъ занимаетъ главное мѣсто, хотя онъ и сопоставленъ здѣсь съ другой темой (также отчасти II: восхваленіе Crocale): Jollas приходитъ къ Ликиду узнать, не видѣлъ ли онъ его бѣжавшей коровы. Но напрасно спрашивать Ликида: онъ всецѣло поглощенъ мыслью о своей Филлидѣ, которая бросила его и отдалась Мопсу. По этому поводу вмѣсто свѣдѣній о пропавшей коровѣ Ликидъ сообщаетъ товарищу пѣсню, которою онъ думаетъ вернуть къ себѣ невѣрную красавицу. Строго говоря обѣ послѣднія пьесы, III и V,

опять таки могутъ быть подведены подъ категорію состязаній, или, обобщая нѣсколько терминъ, подъ категорію идиллій, изображающихъ исполненіе пѣсни. Вступленіе является лишь поводомъ къ пѣснѣ, къ наставленію.

Къ той же Нероновой эпохѣ относятся и двѣ найденныя Haupt'омъ и изданныя имъ же буколики, сохранившіяся въ рукописи Einsiedeln'а. Одна изъ нихъ примыкаетъ къ I эклогѣ Кальпурнія и говоритъ о возвращеніи золотого вѣка при Неронѣ; въ другой описывается обычай состязанія, имѣющій въ данномъ случаѣ цѣль прославить Нерона какъ музыканта.

Обыкновенно рядомъ съ эклогами Кальпурнія ставятъ четыре идилліи, приписанныя ему же, но на самомъ дѣлѣ принадлежащія, вѣроятно, перу автора Cynegetica, кареагенянину Немезіану (III в.). Всѣ они примыкаютъ къ группѣ амебейныхъ пѣсенъ: пастухи поютъ славу умершаго Мелибея (I), поютъ о заключенной ея родителемъ Donace (II): или жалуются взапуски на своихъ возлюбленныхъ. III эклога ближайшимъ образомъ напоминаетъ VI эклогу Виргилія, только тема ея ўже: пробужденный тремя мальчиками пастухами, которые овладѣли во время его сна его флейтой и не могутъ съ ней справиться, Панъ беретъ у нихъ свой инструментъ и поетъ славу Вакха.

Наиболѣе распространеннымъ мотивомъ античныхъ эклогъ и идиллій является, какъ мы видѣли, мусическое состязаніе или изображеніе исполненія пѣсни (Ѳеокритъ, Виргилій); къ амебейнымъ пьесамъ Виргилія придется еще присоединить VI и VIII, которыя строго говоря, представляютъ собой аналогичныя сценки: введеніе VI есть только поводъ послушать пѣніе Силена, и обѣ пѣсни VIII могутъ быть связаны психологически. Мотивъ варьировался, такъ какъ былъ любимымъ мотивомъ поэтовъ. Эта черта классической идилліи, при знакомствѣ съ послѣдней, должна была остановить на себѣ вниманіе средневѣковыхъ поэтовъ, такъ какъ амебейныя пѣсни и пѣніе взапуски были хорошо знакомы и средне-вѣковому западу; между тѣмъ ни французскія, ни провансальскія пастурели не даютъ въ этомъ смыслѣ ничего. Никакого слѣда не оставила послѣ себя и политическая эклога, популярная въ римской литературѣ, и давшая тамъ цѣлый рядъ разновидностей болѣе или менѣе маскирующихъ основной мотивъ. Въ литературѣ Франціи, знавшей сирвентесъ, какъ политическую и дидактическую пѣсню, эта форма могла встрѣтить сочувствіе и найти подражателей. Но единственный образчикъ политической пастурели, L'autrier

m'anav' ab cor pensiu—Paulet de Marselha, проще и прежде всего нужно объяснить, какъ разновидность классическаго типа пастушеской пѣсни, сложившуюся подъ вліяніемъ сирвентесовъ: она была простымъ продолженіемъ дидактическихъ композицій вродѣ L'autrier al issida d'abriu Marcabrun'a, оригиналовъ которыхъ мы напрасно бы искали въ античной литературѣ. Единственно возможное сопоставленіе, если оно уже такъ необходимо, было бы сопоставленіе ихъ съ I и V Кальпурнія и II идилліей Haupt'a. Но характеръ образовъ, отсутствіе, напр., пастушки здѣсь, какъ и въ другихъ античныхъ пьесахъ, исключаетъ гипотезу заимствованія или осязательнаго вліянія, дальше котораго итти, конечно, трудно.

Въ группѣ идиллій съ мотивами любви нужно различать двѣ категоріи: въ одной мотивъ этотъ является основнымъ, центральнымъ, въ другой—онъ вводная, побочная тема. Къ первой категоріи относится цѣлый рядъ пьесъ Ѳеокрита и Виргилія, особенно перваго; они представляютъ собой или монологъ — ламентацію любящихъ (В. II, перв. часть VIII, X; сл. Ѳ. III, XXIX) или рисуютъ намъ эпическую картину, сюжетомъ которой является любовь, ея печальные моменты (Ѳ. XI, XIII, XXVI). Единственная пьеса этого типа, гдѣ описываемое приписывается женщинѣ—Ѳ. XII; во всѣхъ остальныхъ она за сценой. Единственная французская пастурель, которая можетъ быть сопоставлена съ указанными—III, 38, но монологъ здѣсь вложенъ въ уста дѣвушки, она не сохранилась въ древнихъ спискахъ и, наконецъ, можетъ представлять собой лишь фрагментъ болѣе полнаго текста. Но даже забывая о двухъ послѣднихъ условіяхъ, мы ничего не выиграемъ отъ сличенія III, 38 съ ближайшимъ къ ней по содержанію В. II, VIII и Ѳ. III, XXIX. Центральное положеніе занимаетъ мотивъ любви и въ нѣкоторыхъ діалогическихъ по формѣ идилліяхъ (Немез. II, IV, Ѳ. VI и *XXVII). Аналогію съ пастурелью представляетъ, однако, одинъ только oaristys, но и здѣсь сходство ограничивается лишь общимъ положеніемъ, которое настолько элементарно, что можетъ встрѣчаться всюду.

Пьесы, гдѣ тема любви играетъ роль вводнаго элемента (Кальп. (II) III; В. (V); Ѳ. (I) IV, X, XIV, XX), опять таки связаны съ такими деталями, которыя дѣлаютъ невозможнымъ перенесеніе мотива.—Какія же у насъ точки опоры для сужденія о заимствованіи пастушеской идилліи отъ писателей древности или даже просто объ общей зависимости пастурели отъ ея классическихъ параллелей, о вліяніи идиллій въ общемъ,

какъ жанра, на средне-вѣковыхъ поэтовъ, которые, познакомившись съ нею или зная только о ея существованіи, хотя бы изъ вторыхъ рукъ, создали свой собственный оригинальный pendant къ ней? Примѣръ Нитгарда не рѣшаетъ вопроса (если объяснять его дѣятельность отчасти вліяніемъ французской „деревенской поэзіи"). Мы имѣемъ дѣло съ представителями начинающейся эпохи, за которыми едва ли можно было бы признать такую самостоятельность творчества, изощренность вкуса и сложность (относительную, конечно), настроенія. Исторія провансальской пастурели указываетъ скорѣе на непопулярность жанра, который спасала только традиція, ибо организующаяся куртуазная среда пока не была еще въ состояніи осмыслить его какъ идиллію, а тѣмъ болѣе взаться за ея созданіе изъ національнаго матерьяла по образцу античныхъ оригиналовъ. Если она и знала кое-что объ этихъ послѣднихъ, то не удѣляла имъ никакого вниманія, такъ какъ они не отвѣчали ея запросамъ. Если же предположить, что она могла заинтересоваться классической идилліей какъ новымъ мотивомъ, какъ фабулой, то пришлось бы предположить вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстный параллелизмъ въ этомъ отношеніи между буколикой и пастурелью, тѣмъ болѣе что усвоеніе наиболѣе характерныхъ типовъ первой было вполнѣ возможно ввиду аналогичныхъ мѣстныхъ данныхъ. Одинъ пасторальный элементъ самъ по себѣ (хотя бы рядомъ съ обстановкой нѣмецкой Dorfpoesie) слишкомъ незначительная точка опоры для построенія, тѣмъ болѣе что его можно объяснить,—въ согласіи съ исторіей французскаго лиризма вообще, изъ данныхъ иного порядка.—Впрочемъ, можетъ быть, всѣ эти соображенія несправедливы ввиду того, что между античной традиціей и позднѣйшимъ литературнымъ развитіемъ могла стоять школа, переработавшая перешедшую къ ней по наслѣдству эклогу *по-своему*: мы ошиблись бы, такимъ образомъ, въ исходной точкѣ. Посмотримъ, что̀ даетъ намъ школьная литература. Но предварительно, нѣсколько словъ о ранней средне-вѣковой буколической поэзіи, съ которою необходимо считаться и для пониманія дальнѣйшаго.

Въ литературномъ кружкѣ, сгруппировавшемся при дворѣ Карла Великаго и [каковы бы ни были цѣли его вдохновителя (ср. итальянскую и нѣмецкую критику)] обновившемъ въ извѣстной мѣрѣ культъ классической поэзіи съ точки зрѣнія свѣтской, Виргилій являлся однимъ изъ наиболѣе любимыхъ писателей древности. Въ одномъ изъ своихъ посланій Іоркской братіи, бывшимъ своимъ ученикамъ, Алкуинъ обращается къ

нимъ съ увѣщаніемъ заниматься поэзіей и, взявъ плектръ Марона, порадовать своего учителя добрыми пѣснями. Читались и изучались не только Энеида и другіе болѣе значительныя по объему его произведенія, но и скромныя сицилійскія пѣсни. На знакомство съ ними указываетъ пріуроченіе пастушескихъ именъ Виргилія къ нѣкоторымъ изъ представителей общественной дѣятельности и литературы того времени: Damoetas было прозвищемъ діакона Рикульфа, котораго Карлъ Великій посылалъ въ 781 г. къ Тассилону баварскому, и который позже былъ сдѣланъ архіепископомъ Майнца (787—813 гг.); Corydon'омъ называлъ Алкуинъ одного изъ своихъ учениковъ, вѣроятно Naso-Moadwinus, къ которому написана одна изъ его элегій въ буколическомъ родѣ, полная упрековъ въ дурномъ образѣ жизни и въ забвеніи своего призванія—поэзіи:

v. 19. Viscera tota tibi cecinerunt atque capilli,
Nunc tua lingua tacet...
v. 23. Dormit et ipse meus Corydon, scholasticus olim,
Sopitus Bacho.

Въ одномъ посланіи Алкуина къ „сладчайшему Давиду“ — Карлу упоминается Thyrsis, прозвище присвоенное одному изъ камерлинговъ Карла — camerarius regis. Въ другомъ своемъ стихотвореніи, De cuculo, Алкуинъ приглашаетъ одного изъ своихъ учениковъ, Дафниса, и добраго знакомаго своего, любителя поэзіи Меналка, regiae mensae praepositus,—оплакать гибель кукушки, подъ которой разумѣется, вѣроятно Додо, бывшій въ теченіе нѣкотораго времени также ученикомъ Алкуина; онъ пропадалъ теперь благодаря чрезмѣрному поклоненію Вакху:

Plangamus cuculum, Daphin dulcissime, nostrum,
Quem subito rapuit saeva noverca suis—
Incipe tu senior, quaeso, Menalca, prior.

Это небольшая буколическая элегія, вѣроятно, сопровождавшаяся первоначально прозаическимъ письмомъ (догадка Эберта, II, p. 31, прим. 1). Conflictus (certamen) Veris et Hiemis, если не написанное самимъ Алкуиномъ, то вышедшее изъ его литературнаго кружка, напоминаетъ нѣсколько сценарій III эклоги Виргилія. Съ окрестныхъ горъ подъ тѣнь деревъ собираются пастухи, между ними Дафнисъ и Палемонъ, чтобы пропѣть хвалебную пѣснь кукушкѣ, какъ провозвѣстницѣ весны. Появляющіеся украшенный цвѣтами Ver и косматый Hiems нарушаютъ

ихъ намѣренія. Вмѣсто пѣнія организуется certamen подъ председательствомъ Палемона, какъ старшаго: мотивы спора между временами года — хвала и порицаніе кукушки, какъ символа весны, чередуются въ репликахъ состязующихся, энергично отстаивающихъ каждый свое превосходство передъ противникомъ. Споръ заканчивается приговоромъ Палемона и всѣхъ присутствующихъ, стоящихъ всецѣло на сторонѣ весны и радостно признающихъ ее побѣдительницей: salve, dulce decus, cuculus, per saecula salve! (v. 55). Пьеса эта любопытный и единственный образчикъ комбинаціи національныхъ и классическихъ мотивовъ: споръ Зимы и Весны вставленъ въ рамки эклоги; онѣ состязуются, какъ пастухи Виргилія, Өеокрита или Клеодамъ и Мирсонъ у Моска, спорящіе объ относительномъ превосходствѣ временъ года. Подобной національизаціи античной формы, или по крайней мѣрѣ, ея центральнаго эпизода — амебейнаго состязанія, мы вправѣ были бы ожидать и отъ средне-вѣковыхъ пѣвцовъ: она была имъ вполнѣ по силамъ и не требовала даже близкаго знакомства съ оригиналомъ. Но пастурели не даютъ намъ ничего подобнаго. Впрочемъ такое же изолированное положеніе занимаетъ Conflictus и среди латинскихъ эклогъ этого времени; въ нихъ трудно открыть слѣдъ вліянія національныхъ формъ и образовъ, такъ какъ обобщеніе идилліи въ простой діалогъ между двумя лицами (и больше) могло произойти безъ всякаго воздѣйствія со стороны какихъ-нибудь débats, тенсонъ, какъ бы популярны они ни были. Отголоски же классическихъ мотивовъ все еще сквозятъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ, въ упоминаніи пастушескаго имени, въ обращеніи къ своей флейтѣ и, наконецъ, что̀ особенно существено, въ оцѣнкѣ эклогъ какъ панегирика, политической пѣсни или стихотворенія по поводу. Чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ исторію идилліи карловингской эпохи, тѣмъ чаще будутъ останавливать на себѣ наше вниманіе черты разложенія античной буколики; эклога вытѣсняетъ идиллію, т.-е. послѣдняя все рѣже и рѣже служитъ цѣлямъ поэзіи. Въ кружкѣ Карла Великаго (и въ слѣдующіе годы, до смерти Карла Лысаго) она не привилась; но не только потому, чтобы личность Давида, новаго Августа, и все связанное съ нею были единственнымъ источникомъ вдохновенія, исключавшимъ всякій другой; — Виргилій, Кальпурній и Немезіанъ дали намъ и ту, и другую. Идиллія была недоступна имъ своимъ экзотическимъ реализмомъ — вотъ почему они свели очень скоро до минимума ея пасторальные аттрибуты, сохранивъ почтительно, со свой-

ственнымъ имъ педантизмомъ школьниковъ, названіе самой поэтической формы, ибо она была заповѣдана риторикой. Conflictus Veris et Hiemis—единственная идиллія эпохи, если только мы не слишкомъ много вкладываемъ въ нее своего, и если передъ нами не просто остроумное построеніе, безъ всякой опредѣленной мысли и цѣли, заинтересовавшее самого его автора, какъ риторически красивая комбинація.—Эклога Ангильберта ad Carolum Regem—панегирикъ Карлу Великому, связанный съ буколикой только примѣненіемъ рефрена (сл. В. VIII) и упоминаніемъ пастушьей флейты: въ видѣ припѣва чередуются три стиха: surge, meo domno dulces fac, fistula versus (v. 1), David amat vates, vatorum est gloria David (v. 3) и ниже: David amat Christum, Christus est gloria David (v. 31). За панегирикомъ Давиду слѣдуетъ восхваленіе „cari"—„дорогихъ" Карла, Гизелы, Ротруды, Берты и нѣсколькихъ друзей (Primicerius Aaron (Hildebald), Thyrsis и Menalkas). Стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ cartula—письму, которое поэтъ проситъ направиться во дворецъ, чтобы передать привѣтъ его друзьямъ и побродить по чудеснымъ садамъ, гдѣ онъ живалъ въ прежніе годы. — Эклога Назона сохраняетъ по крайней мѣрѣ мотивъ амебейнаго состязанія. Молодой бѣдный поэтъ, ученикъ Алкуина, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Ангильберту, Назонъ пишетъ свое произведеніе съ цѣлью получить поддержку и снискать расположеніе Карла. Панегирикъ распредѣленъ между двумя книгами, изъ которыхъ первая представляетъ собой введеніе во вторую. Молодой пастухъ, puer—самъ поэтъ, вызываетъ на пѣсню стараго Микона (вліяніе Кальп. V): онъ надѣется путемъ прославленія Палемона (В. III) пріобрѣсти его покровительство;—по этому поводу вскользь нѣсколько хвалебныхъ стиховъ обновителю древняго золотого Рима. На тему о такомъ значеніи поэзіи подымается далѣе разговоръ, причемъ старикъ ссылается на примѣръ Овидія, совопросникъ его цитируетъ имена Виргилія, Лукана, Эннія—и цѣлый рядъ современныхъ ему поэтовъ (sic iterum haec etiam nostro nunc tempare cerne, I v. 48) — Гомера (Ангильберта), Флакка (Алкуина), Теодульфа и Nardus (Эйнгарда). Вторая книга эклоги примыкаетъ къ I Кальпурнія (отчасти В. IV), и являегся важнѣйшей частью произведенія, которое рисуетъ современность въ краскахъ золотого вѣка и аллюдируетъ на еще болѣе свѣтлое и славное будущее. Неизмѣримо выше въ поэтическомъ отношеніи стоитъ только панегирическимъ тономъ содержанія своего начальнаго діалога напоминающее эклогу сти-

хотвореніе Валафрида Strabus или Strabo: De imagine Tetrici (Versus in Aquisgrani palatio editi anno Hludowici Imperatoris XVI). Поэтъ стоитъ на площади передъ ахенскимъ дворцомъ, противъ котораго поставлена захваченная Карломъ Великимъ въ 801 г. въ Равеннѣ конная статуя Теодориха, и бесѣдуетъ со своимъ поэтическимъ геніемъ (Scintilla) о своемъ настроеніи, о вдохновеніи, объ одиночествѣ, которое необходимо поэту; разговоръ переходитъ постепенно къ Дитриху и его памятнику. Устами Scintilla Валафридъ даетъ читателю яркую характеристику Теодориха Великаго съ точки зрѣнія клерикальной, изображая его какъ представителя тиранніи, порока, скупости и гордости. Введеніе это нужно лишь какъ база дальнѣйшаго. Людовикъ изображается какъ полная противоположность Теодориха, какъ современный Моисей, освобождающій народы отъ мрака невѣрія и раздающій всѣмъ дары Христа. Въ эту патетическую минуту, когда воображеніе напряжено, поэтъ искусно прерываетъ свой разсказъ; онъ слышитъ сладкіе звуки органа и видитъ передъ собой торжественную процессію выходящую изъ дворца, во главѣ которой находится самъ Моисей. Онъ весь обращается въ зрѣніе, пораженный картиной, напряженно всматриваясь въ участниковъ шествія, изъ которыхъ многіе ему знакомы. Когда самъ императоръ обращается къ нему съ вопросомъ, то онъ не сразу можетъ собрать свои мысли, и придя въ себя отвѣчаетъ хвалой Людовику, становящейся все болѣе и болѣе торжественной и смѣлой по мѣрѣ того, какъ онъ отдѣлывается отъ охватившаго его смущенія. Конецъ къ сожалѣнію портитъ впечатлѣніе памятника: прощаніе со статуей глупаго короля, которое должно служить captatio benevolentiae поэту—слишкомъ искусственный и неловкій пріемъ и лишняя вставка:

v. 258. Tetrice stulte, vale; quia te suadente canebam,
Non mirum est vitiis nostram sordere camenam...

Пусть поэтическое достоинство памятника послужитъ извиненіемъ нашему, быть можетъ, излишне длинному пересказу, тѣмъ болѣе что остающееся дастъ намъ въ этомъ смыслѣ очень мало. Элегія Ermoldus Nigellus—изображающая посольство Таліи къ королю Пипину и примыкающая къ аналогическому посланію Теодульфа къ Модоину и I элегіи Овидіевыхъ Tristia, напоминаетъ эклогу, можетъ быть, лишь благодаря эпизоду состязанія Вогёзовъ и Рейна (Wasacus—Rhenus) передъ судящими ихъ королемъ и Таліей, въ жалобу которой вставлена эта сценка

(2-ую пьесу Эрмольда нужно совсѣмъ устранить). Гораздо ближе къ настоящей эклогѣ стоитъ Ecloga duarum sanctimonalium, примыкающая въ одной ркп. X в. (Corbie) къ извѣстной Vita Adalahardi Radbert'a Paschasius'я († 865). Пасторальный элементъ отсутствуетъ, и только упоминаемый senior Menalcas (=Adalhard) наводитъ на мысль о вліяніи эклоги; болѣе пристальный анализъ дѣйствительно вскрываетъ связь этого стихотворенія съ V эклогой Виргилія (о вліяніи стихотворенія Фортуната, посвященнаго Хильпериху и Фредегундѣ, Ebert, I p. 502): какъ тамъ одна за другой слѣдуютъ пѣсни Меналка и Мопса, посвященныя гибели и апоѳеозу Дафниса, такъ въ эклогѣ оплакивается смерть Адальгарда и прославляется непреходящая сторона его дѣятельности, насаженіе истинно-христіанскаго просвѣщенія. Эта амебейная ламентація, написанная по поводу смерти Адальгарда, явилась, вѣроятно нѣсколько позже вызвавшаго ее событія: какъ видно изъ текста, Corbeia младшая, т.-е. Corvey, представляется достигшей уже извѣстной ступени общественнаго значенія. Эта послѣдняя носитъ въ стихотвореніи имя Галатеи и является дочерью Corbie—Филиды. Галатея говоритъ о необходимости прославленія и почтенія памяти скончавшагося, Филида жалѣетъ, что такой человѣкъ долженъ стать добычей смерти и разрушенія. Въ отвѣтъ на просьбу дочери, которая вспоминаетъ при этомъ объ основаніи новой Корбейи, просьбу положить усопшаго въ своихъ стѣнахъ—мать отвѣчаетъ ей восхваленіемъ ея дѣятельности, юнаго еще монастыря, но уже заявившаго себя столь блестящимъ образомъ. Эклога кончается высказываемымъ обѣими желаніемъ соединиться за предѣлами жизни съ престарѣлымъ Меналкомъ.—Въ своемъ изданіи лат. ср.-в. поэтовъ Dümmler слишкомъ расширяетъ иногда понятіе эклоги, перенося этотъ терминъ на стихотворенія различнаго содержанія, написанныя въ діалогической формѣ. Разумѣется это натяжка: діалогическая форма могла развиться различнымъ путемъ и могла быть подсказана какъ народнымъ, такъ и школьнымъ литературнымъ пріемомъ. Мы допускали ее, какъ результатъ обобщенія пріема эклоги, но лишь тамъ, гдѣ форму поддерживала аналогія въ содержаніи, его мотивахъ или общемъ характерѣ. Объясненіе это, однако конечно, не исключаетъ возможности вліянія и упомянутыхъ факторовъ иного порядка: я отмѣчаю имъ лишь вѣроятный исходный пунктъ формальнаго развитія, которое могло быть поддержано новыми аналогіями.

Наблюденія надъ классической идилліей и эклогой возвращаютъ насъ къ вопросу о школьныхъ источникахъ французской пастурели, который былъ поставленъ выше. На очереди матерьялъ Carmina Burana и нѣсколько пьесъ, изданныхъ Edelstand du Méril. Немногочисленность ихъ значительно усложняетъ задачу. Это заставило искать ея рѣшенія помимо частнаго анализа школьно-латинской пастурели въ общихъ воззрѣніяхъ на характеръ и составъ поэзіи странствующей школьной братіи.

На этой точкѣ зрѣнія стоятъ и Ronca[13]), и Pillet[14]). Обсуждая вопросъ объ источникѣ латинской пастурели, Ронка отрицаетъ возможность литературнаго общенія между представителями школы и рыцарства, предполагая, что искусственная латинская поэзія должна была быть всегда чуждой и непонятной свѣтскому обществу. Pillet исходитъ изъ хронологическихъ соображеній: до половины XII в. можно насчитать очень немного представителей латинской лирики; она развивается особенно сильно только со второй половины этого столѣтія.

Вопросъ въ сущности гораздо болѣе сложенъ.

Насколько это выясняется изъ посвященныхъ ему работъ, латинская поэзія, становящаяся серьезной общественной силой со второй половины XII в., и прежде всего на юго-западѣ Франціи, развивается параллельно съ поэзіей вульгарной, хронологически и географически (région intermédiaire G. Paris'a), что̀ и дало поводъ Грёберу настаивать категорически на вліяніи французской латинской школы на поэзію трубадуровъ[15]). Слабое развитіе школьной лирики въ XII в. не аргументъ противъ ея самостоятельности, такъ какъ много ли *вульгарныхъ* памятниковъ можно привести въ доказательство этого послѣдняго предположенія. Наоборотъ, ея форма, детали содержанія, характеръ нѣкоторыхъ литературныхъ пріемовъ, давали поводъ изслѣдователямъ ихъ ставить средне-вѣковой латинскій лиризмъ не только выше вульгарнаго[16]), но и видѣть въ первомъ источникъ послѣдняго. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ напр. E. Martin[17]) и такой глубокій знатокъ средневѣковой латинской поэзіи какъ W. Meyer, вслѣдъ за Мартиномъ попытавшійся (см. его Fragmenta Burana, Берлинъ 1901) заново обосновать теорію происхожденія вульгарной лирики изъ латин-

[13]) La cultura medievale e la poesia latina... I, p. 167.
[14]) Цитир. работа, стр. 18 и слѣд.
[15]) Grundriss, II, 1 p. 323.
[16]) Hubatsch, p. 22 и сл.; ср. Ronca, I p. 157 сл.
[17]) ZsfdA, xx 46—69, особ. 59.

ской. Построеніе на которое онъ опирается необыкновенно широко; онъ доказываетъ свою гипотезу всей формальной исторіей латинской поэзіи; но тѣмъ чувствительнѣе переходъ къ конечному выводу, тѣмъ яснѣе натяжка въ заключеніи: оно переросло посылки, такъ какъ работа незамѣтно увлекла автора и красивыя построенія на почвѣ теоріи формъ подсказали обобщеніе. Оно не можетъ быть принято, ибо не обнимаетъ всего матерьяла, на что указалъ Мейеру уже Schönbach [18]). Работа и въ этой, какъ впрочемъ и въ спеціально ритмической части своей, посвященной анализу вліянія семитическаго силлабизма въ стихѣ и античнаго ритмическаго окончанія въ цвѣтущей прозѣ (cursus въ различныхъ artes dictaminis), значительно выиграла бы отъ расширенія поля сравненія. Изоляція латинскаго матерьяла привела только къ тому, что вопросъ оказался снова отложеннымъ.—Во всякомъ случаѣ послѣ существующихъ о немъ изслѣдованій и высказанныхъ по поводу него соображеній о генезисѣ вульгарной поэзіи и отдѣльныхъ ея формъ, необходимо считаться съ возможностью вліянія поэзіи вагантовъ и школъ (эти оба термина точнѣе опредѣляютъ то, что обыкновенно характеризуется однимъ только первымъ); принципіальныя соображенія Ронка и Pillet'а должны [19]) быть оставлены; анализъ долженъ опираться на данныя иного рода.

Свѣтская латинская лирика школы складывается изъ двухъ большихъ категорій пьесъ: одна состоитъ изъ произведеній сатирическаго и бытового содержанія, другая примыкаетъ къ вульгарной любовной лирикѣ. За предѣлами секвенцій, гимновъ, historiae—риемованныхъ officia къ честь Христа, Дѣвы Маріи и святыхъ, внѣцерковныхъ религіозныхъ пѣснопѣній созерцательнаго или учительнаго характера, стоитъ цѣлый рядъ стихотвореній, вызванныхъ обстоятельствами времени, насущными вопросами политической или церковной жизни, ихъ нестроеніями, или пьесъ, написанныхъ во славу scolaris curia, полныхъ насмѣшекъ по адресу bruti laici, грубыхъ, необразованныхъ, несмыслящихъ ничего ни въ поэзіи, ни въ любви [20]), насмѣшекъ, освященныхъ на concilium Romaricimontis [21]), во славу Вакха и его спутницы Венеры:

---

[18]) Deutsche Litteraturzeitung, 1902, 467 и сл.

[19]) Joh. Ilberg, Die Vagantendichtung въ Preuss Jahrb., т. 64 1889 г. р. 553—554, принимаетъ для лирики вагантовъ троякій источникъ: духовную поэзію, лирику романскую и средне-верхне-нѣмецкую.

[20]) Laici non sapiunt/ea quae sunt vatis, C. B. CXCIV p. 74 и CXCVII; Non amant recte milites C. B. p. 148 № 55.

[21]) ZsfdA, VII 160, XXI 65; Langlois, Origines et sources du Roman de la Rose, 1891 p. 6.

Bachus ad amorem
instigat juniorem
mente rigidiorem,..
Cum ergo salutamus
vinum, tunc cantamus
„Te deum laudamus [22])“...

Короткій риѳмованный стихъ, строфа гимна или секвенціи—обычная форма, въ которую облечены пьесы послѣдняго типа. Античный ритмъ забытъ, и только одиноко стоящія имена Флоры, Венеры или Юпитера да кое-какіе образы и сравненія напоминаютъ о традиціяхъ и поэтическихъ привычкахъ той среды, которая создала эти своеобразныя формы.

Если сатирическія и бытовыя пьесы отзываются на болѣе спеціальные вопросы, отражаютъ въ себѣ тѣ черты жизни ихъ авторовъ, которыя опредѣляли ихъ общественную физіономію, то amatoria переносятъ насъ въ сферу общечеловѣческихъ отношеній. Отсюда нѣкоторые поэтическіе пріемы. Тамъ сама жизнь и обстановка подсказывала пародію на готовыя формы посланія, церковнаго отлученія и монашескаго правила; здѣсь—рядъ точекъ соприкосновенія съ вульгарной любовной пѣсней. Воспѣваніе весны, лѣтней радости, gaudium aestivale, чередующееся или переплетающееся съ воспѣваніемъ любви, прославленіе мая, посвященнаго Венерѣ и Вакху, переноситъ насъ къ le gais temps de pascor, къ весеннимъ запѣвамъ французской любовной пѣсни или идиллическимъ пьесамъ Нитгардта:

C. B. № 100. juvenes et flores
accipiant, et se per odores
reficiant,
virgines assumant
alacriter,
et eant in prata
floribus ornata
communiter [23]).

Припомнимъ извѣстное стихотвореніе Guilh. de Peitieus—Pus vezem de novelh florir...—та же весенняя обстановка въ Jam dulcis amica venito тѣ же цвѣты, зелень и пѣсни молодежи въ Дистихахъ иврейскихъ, Jnvitatio amicae и въ массѣ другихъ пьесъ, въ которыя весенній запѣвъ вошелъ какъ постоянный мотивъ, подготовляющій дальнѣйшее. Эта постоянная

[22]) C. B. № 182 p. 243.
[23]) Сл. C. B. № 108.

связь не случайное обобщеніе образа, который самъ собой напрашивался на сопоставленіе: любовь и весна. У классиковъ, у которыхъ онъ не игралъ никогда роли такой постоянной декораціи, необходимой обстановки, заимствовать этого пріема было нельзя; личный починъ въ дѣлѣ обобщенія пріема исключаетъ болѣе вѣроятное сопоставленіе его съ постоянными запѣвами вульгарной пѣсни, въ которыхъ G. Paris видѣлъ слѣды связи любовной пѣсни съ весенней обрядностью. Тамъ запѣвъ этотъ былъ нуженъ, ибо онъ существовалъ искони; незначительный по объему—коротенькая формула, обломокъ древняго параллелизма—онъ былъ осмысленъ въ художественный пріемъ, насколько то позволяло слабо развитое чувство природы; въ этихъ предѣлахъ его разработали въ небольшой пейзажъ, подчеркивавшій основное настроеніе пьесы. Поэтамъ школы оставалось только воспользоваться этой красивой деталью вульгарной пѣсни и оживить картину традиціонными Кипридой, Флорой, Зефиромъ, Купидономъ, Фавномъ, ввести въ эту обстановку дріадъ, ореадъ, плеядъ, Орфея, Нарцисса и т. п. Болѣе тонкое чувство природы, или хотя бы вычитанный у классиковъ пріемъ, помогли въ композиціи пейзажа, и мы до сихъ поръ можемъ еще любоваться превосходной картиной вечера или весны, до какихъ никогда не подымались слагатели вульгарныхъ пѣсенъ.—Рядомъ съ указанными образами, намъ кажется, нужно поставить и интересующія насъ пастурели. Подобно нѣкоторымъ другимъ „объективнымъ“ мотивамъ [24]) ихъ нельзя было скомпановать, ибо въ основѣ ихъ лежитъ несомнѣнно готовый *цѣльный* мотивъ. Если бы возможно было искусственное сложеніе ихъ школьными поэтами, то при наличности идиллическаго настроенія они обратились бы къ эклогѣ классиковъ, которую знали несомнѣнно, или къ эклогѣ средневѣковыхъ поклонниковъ Виргилія и Кальпурнія; если же предположить въ нихъ желаніе изобразить пикантное приключеніе, то мы вправѣ были бы ждать менѣе выдуманной, болѣе простой реальной сцены: простую встрѣчу съ дѣвушкой или же фантастическую авантюру въ стилѣ С. В. № 94. Можно допустить искусственную комбинацію народнаго oaristys съ пасторальными элементами идилліи; но, во-первыхъ, къ чему она, во-вторыхъ непонятна совершенно роль античнаго образца, который, въ этомъ случаѣ, нормировалъ традиціонный мотивъ. Противъ заимствованія мотива пастурели отъ поэтовъ школьныхъ говоритъ не столько объективный его характеръ, какъ полагаетъ Ронка [25]),

[24]) С. В. 145, 146.

[25]) o. c., p. 167.

не столько плохое качество латинскихъ пастурелей или отсутствіе слѣдовъ клериковъ въ ихъ французскихъ параллеляхъ (кромѣ II 59) какъ думаетъ Pillet [26]), сколько малочисленность извѣстныхъ намъ латинскихъ пастушескихъ пьесъ сравнительно съ пьесами другихъ категорій [27]): если этотъ мотивъ латинской лирики не обращалъ на себя вниманія самъ, то трудно было ожидать, чтобы пѣвцы, не знакомые въ той мѣрѣ съ лирикой школы, какъ сами ея представители, обратили свое вниманіе на эти малоизвѣстныя и малопопулярныя латинскія пьесы. Предположить, что почти всѣ нѣкогда существовавшія латинскія пастурели пропали, между тѣмъ какъ другія формы сохранились въ относительно большомъ количествѣ экземпляровъ, что такая бѣда постигла именно одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ, которая, стало быть, встрѣчалась въ значительномъ количествѣ списковъ—значило бы сводить дѣло къ случаю, да еще маловѣроятному. Малочисленность пастурелей особенно важна во французскихъ спискахъ (Du Méril). Carmina Burana только отчасти, какъ показалъ В. Мейеръ, восходятъ къ французскимъ сборникамъ лирическихъ стихотвореній, хотя, быть можетъ, роль этихъ послѣднихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагалъ Мейеръ; по крайней мѣрѣ латинскія пастурели С. В. позволяютъ сдѣлать поправку къ гипотезѣ Мейера, предположившаго въ концѣ концовъ, что не только всѣ почти комическія пьесы и potatoria, равно какъ и драматическіе отрывки, нѣмецкаго происхожденія, но и многія любовныя пьесы сложены въ Германіи. Если это и такъ, то относительно пастурелей позволительно сомнѣваться. Всѣ они повторяютъ основные мотивы пастурели французской, напоминаютъ ихъ даже своей формой, между тѣмъ какъ пастурель этого типа никогда не была знакома въ Германіи въ широкихъ кругахъ; дѣло сводилось, очевидно, къ знакомству съ мотивомъ, непосредственному или путемъ латинскихъ параллелей, чѣмъ и объясняется оригинальность поэзіи Нитгардта: французская или латинская пастушеская пѣсня, если трудно обойтись безъ признанія внѣшняго воздѣйствія въ объясненіи генезиса нѣмецкой Dorfpoesie, могла только повліять на выборъ темъ, на развитіе характерныхъ для баварскаго пѣвца поэтическихъ интересовъ. Не отсутствіе ли симпатіи къ этому своеобразному лирическому жанру повліяло на разборъ пастурелей въ Carmina Burana, если только допустить, что число ихъ во французскомъ или французскихъ оригиналахъ, которыя были въ рукахъ у нѣмецкаго компиля-

[26]) o. c., p. 21.

[27]) Сл. Pillet, p. 21.

тора, было гораздо больше? Можетъ быть упоминаніе швабовъ и брата Мартина въ С. В. № 52 и 120 указываетъ только на возможность пріуроченія мотива къ нѣмецкой обстановкѣ, но отнюдь еще не на его національзацію.

Если помимо всего сказаннаго допустить исконность пастурели и ея популярность въ средѣ латинской поэзіи, то получается и еще одно затрудненіе. При анализѣ ея строенія невольно бросается въ глаза относительно слабая примѣсь обычнаго классическаго элемента. Намъ могутъ возразить, что самое число памятниковъ настолько незначительно, что трудно дѣлать по этому поводу какія-либо заключенія. Но рядомъ съ пастурелями мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же сборникахъ С. В. и Du Méril'я интересныя параллели къ chansons à personnages, рисующія намъ обыкновенно встрѣчу поэта съ дѣвушкой, подъ липой [28]), въ саду [29]), подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ [30]) или на берегу рѣки [31]); яркими красками описываетъ поэтъ обворожившую его красавицу [32]); съ трудомъ сдерживая себя, онъ говоритъ о своемъ чувствѣ, проситъ, умоляетъ, волнуется по поводу отказа или нерѣшительности своей совопросницы,—пока, наконецъ, Венера не смиряетъ упрямицу. Въ общихъ чертахъ пьесы эти напоминаютъ довольно рѣдкіе во французской поэзіи типы I 52, 53[a] или 70. Въ двухъ другихъ пьесахъ авторъ разсказываетъ намъ о своемъ приключеніи съ богиней любви въ ея храмѣ [33]) или сообщаетъ подслушанный имъ разговоръ дѣвушекъ, дѣлавшихъ сравнительную оцѣнку цѣломудренной и не цѣломудренной [34]). Почти во всѣхъ этихъ, подобно пастурелямъ немногочисленныхъ, пьесахъ классическія реминисценціи играютъ довольно видную роль. Поэтъ не забываетъ ни Киприды, ни Юноны, ни Паллады или Калліопы [35]), Марса [36]), Венеры [37]), стоокаго Аргуса или Вулкана [38]), Діона [39]), Плутона [40]), Елены, рядомъ съ которой припоминаются и Blanziflor [41]) и Ливанскій

[28]) С. В. 57.
[29]) С. В. 50.
[30]) С. В. 43.
[31]) Dist. Ivr.
[32]) С. В. 50.
[33]) С. В. 49.
[34]) С. В. 34.
[35]) С. В. 34.
[36]) Dist. Ivr.
[37]) С. В. 34, 43, 45, 50, 57.
[38]) С. В. 43.
[39]) С. В. 45; 57.
[40]) С. В. 50.
[41]) С. В. 50.

кедръ [42]); онъ называетъ свою возлюбленную Өисбой [43]) или Филлидой [44]), или Гликериной [45]). Обычный аппаратъ античныхъ воспоминаній изукрасилъ эти средне-вѣковые мотивы, очевидно, подслушанные у свѣтскихъ пѣвцовъ. Пастурели гораздо скромнѣе и проще. Quaedam satis decora virguncula [46]), puella [47]), rustica puella [48]), virgo [49]), или pastorella [50])—обычная характеристика дѣвушки, дополняемая иногда коротенькимъ описаніемъ ея внѣшняго вида [51]). Описаніе ея наружности обыкновенно отсутствуетъ, если не считать короткаго и сухого перечня прелестей дѣвушки въ Du Méril p. 228 или сравненія ея съ нимфой въ С. В. № 120: Nympha non est forme tante. Этой нимфой, да упоминаніемъ Титана (=Солнца), Венеры въ предыдущей пьесѣ исчерпываются классическія черты латинскихъ пастурелей. Особнякомъ стоитъ С. В. № 52, гдѣ античныхъ подробностей, пожалуй, больше, чѣмъ во всѣхъ пастуреляхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но, какъ мы видѣли выше, пьеса эта могла быть сочинена какимъ-нибудь нѣмецкимъ клерикомъ, приспособившимъ къ нѣмецкой обстановкѣ французскій оригиналъ или попытавшійся написать подражаніе съ нѣмецкой точки зрѣнія. Если допустить это, то „литературность“ разсматриваемой пьесы станетъ вполнѣ понятной: діалогъ ея крайне незначителенъ по объему; половину пьесы занимаетъ вступленіе, чисто школьнаго характера, довольно любопытное въ этомъ отношеніи описаніе красивой мѣстности, въ которую судьба занесла случайно поэта, мѣстности, какая никогда не рисовалась воображенію даже „самого Платона“:

stylo non pinxisset Plato
loca gratiora.

Журчаніе ручья, пѣнье соловья и наядъ оживляетъ этотъ райскій пейзажъ. Утомленный лѣтнимъ зноемъ поэтъ останавливается подъ тѣнью оливы и видитъ невдалекѣ передъ собой пастушку, pulchrior quam Flora, очевидно, посланную ему самой Венерой. Короткимъ и рѣзкимъ отказомъ отвѣчаетъ она на

[42]) ibd.
[43]) С. В. 43.
[44]) С. В. 57.
[45]) Du Méril, II 226.
[46]) Du Méril, II, 228.
[47]) ibd.; С. В. 62, 119.
[48]) С. В. 63.
[49]) С. В. 119, 120.
[50]) С. В. 52.
[51]) С. В. 62.

предложеніе поэта, на чемъ и обрывается пьеса. Можетъ быть она не окончена или сохранилась не въ полномъ видѣ—рукопись не даетъ никакого основанія для рѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ композиція пьесы рѣзко выдѣляетъ ее изъ среды аналогичныхъ по содержанію.

Не указываетъ ли различіе въ способѣ обработки темъ chansons à personnages и пастурелей на различіе въ отношеніяхъ къ этимъ мотивамъ поэтовъ школы? Чѣмъ же опредѣлялось это различіе? И тотъ, и другой мотивъ давали интересную ситуацію, которую легко можно было разработать въ грубовато-откровенномъ и шутливомъ тонѣ, столь свойственномъ латинской лирикѣ среднихъ вѣковъ. Очевидно „объективныя" формы менѣе всего привлекали вниманіе поэтовъ школы, хотя бы они и давали возможность изобразить разсказываемое въ формѣ личнаго приключенія. Это подтверждается и общимъ характеромъ дошедшихъ до насъ памятниковъ латинскаго лиризма. Бо́льшая образованность поэтовъ школы по сравненію со свѣтскими пѣвцами требовала и бо́льшей свободы личнаго почина, обусловливало меньшее уваженіе къ традиціи, къ тѣмъ поэтическимъ формамъ, которыя были традиціонны по-преимуществу. Chansons de toile были не мыслимы въ этой средѣ, которая могла еще заинтересоваться *между прочимъ* ситуаціей пастурели или chansons à personnages, особенно послѣдней въ силу, вѣроятно, болѣе общаго характера ея мотива; она раньше обратила на себя вниманіе поэтовъ школы, чѣмъ и объясняется болѣе глубокое проникновеніе въ нее школьно-поэтическаго элемента, болѣе свободная разработка и большее разнообразіе формы: пастурель осталась сперва въ сторонѣ, а затѣмъ, когда обратились къ ней, ей было отведено скромное мѣсто болѣе или менѣе случайной попытки литературнаго эксперимента надъ вульгарной формой, и она сохранила свой прежній характеръ простой пѣсни, очень опредѣленно просвѣчивающій сквозь незатѣйливыя краски, наложенныя на нее небрежной рукой средневѣкового клерика.

В. Шишмаревъ.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ КОКШЕНЬГСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

(*Окончаніе*).

IV. Еретики.

Не смотря на то, что объ еретикахъ разсказывается, какъ о старинѣ, обыкновенно на ряду съ другими преданіями, предметъ этихъ разсказовъ, мнѣ кажется, можетъ быть отнесенъ и въ разрядъ народныхъ суевѣрій и, съ другой стороны, къ области легендарно-сказочной. Однако, при общераспространенности этихъ разсказовъ, такъ велика увѣренность мѣстнаго населенія въ реальномъ (когда-то) существованіи еретиковъ и такъ заманчиво-естественно это существованіе сливается съ бытовой обстановкой, что становится вполнѣ понятнымъ, почему „еретики" разсказываются на ряду съ преданіями о чуди, панахъ и проч.

Надобно при этомъ имѣть въ виду, что самое названіе „еретикъ", заимствованное изъ исторіи церковныхъ ученій, по всей вѣроятности, еще въ первыя времена ознакомленія съ христіанствомъ, въ настоящее время утратило совершенно свой первоначальный смыслъ и получило новое значеніе, въ которомъ съ трудомъ только можно подмѣтить нѣкоторое отношеніе къ прежнему. Съ понятіемъ еретикъ въ представленіи мѣстнаго населенія связываются и понятіе о безбожникѣ (само собой), и о колдунѣ, и оборотнѣ, и особаго рода нечистой силѣ въ образѣ человѣка, съ раскаленными желѣзными зубами и пламенемъ во рту. Разъ съ еретиками связано колдовство и знахарство, которыя и до нынѣ по сѣверу являются въ народной жизни часто еще неизбѣжными реальными фактами, то разсказы о нихъ естественно идутъ въ формѣ преданій, иногда подъ названіемъ бывальщинъ, былей. Самое слово еретикъ—въ постоянномъ употребленіи у народа, на ряду съ словами татаринъ, чудь, и имѣетъ значеніе ругательства для характеристики человѣка злого, тяжелаго, мрачнаго и скрытнаго, съ недобрымъ глазомъ. Ругательство часто выражаютъ въ формѣ: „у, еретикъ—золѣзны зубы", или: „еретикъ-тотаринъ".

Отъ М. Д. Третьякова я услышалъ объ еретикахъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, сказанныхъ немного вскользь, какъ бы въ завершеніе всего цикла его преданій:

„Еретики ходили по землѣ. Днемъ нигдѣ никого, а ночью лишь сонцё за лѣсъ сѣдётъ,—и пошли; какъ пѣтухъ споетъ, такъ онѣ и пропали. Вотъ и окна прежь въ избахъ были маленькія съ задвижками: боелись еретиковъ-то (тоже, что̀ говорилось о панахъ!). Днемъ еретики были, какъ чурки, лежали.

Тетка Катерина розсказывала, що при ней ещо играли дѣвки на трапезѣ у церквы, а покойника заставили разъ свитить огонь; покойникъ-отъ оттаялъ и упалъ—всѣ и побѣжали изъ церквы-то... Ещо на моей паметѣ обѣдали на трапезѣ Офонасьевской церквы со всей волости.

...Вотъ, когда у церквы-то играли, дакъ еретикамъ-то было приступно...

Еретиковъ не примала мать-сыра земля: народъ знатко̀й (т. е. вѣщій, колдуны). Подъ старой колоколиной не давно найденъ былъ покойникъ въ землѣ: закованъ въ золѣзо, гробу нѣтъ, а онъ нетлѣнёнъ.

Еретики не стали ходить,—когда Господь заклёу̂ (заклялъ)“.

По моей просьбѣ, крестьянинъ деревни Харитонихи, Спасской волости, Вл. М. Поповъ, записалъ мнѣ, преимущественно отъ своей матушки Екатерины Ивановны, чрезвычайно любознательной и памятливой старушки, здравствующей еще и понынѣ,— слѣдующіе разсказы о еретикахъ:

1.

„Досель была мода „играть“ на папертѣ. Нонь (нынѣ) и паперти-то, правда-що, вы не знаите: у старой Офонасьевской церквы была эдакая трапеза—большая, пребольшая; по всей проходные столы изъ долгихъ досокъ; вотъ на этихъ столахъ въ праздники и обѣдали. Въ трапезѣ сторожъ церковной спалъ. Тутъ и покойники къ ночамъ заносились.

Давно будто было, що на трапезы съѣзжались и сходились играть по ночамъ въ городки (водить хороводы) [1])—ну знамо дѣло,—о святкахъ.

Сошлись, говорятъ, одинъ разъ играть въ трапезу много дѣвокъ и молодежи (т. е. парней). А той ночи покойникъ начевалъ тутъ... Ну, молодежь покойника изъ гроба вытащили, поставили въ уголъ, а въ зубы лучину съ огнемъ воткнули —„свити“, говорятъ: „чѣмъ безъ дѣла лежать“. Говорятъ, по четыре покойника бывало, такъ и во всѣ углы по покойнику, да всѣ и свитятъ.

Вотъ это онѣ играютъ... А, извѣстное дѣло, нечистой силѣ приступно, какъ мало-мальски подшутить... Никто ничего въ городкѣ не зналъ; все, думаютъ, ладно: ходятъ да городки здуваютъ. А у одной дивицы привезена была съ собой племянница, годовъ пети-ли четырехъ-ли, маленькая. Эта маленькая дѣвушка посажена была на

[1]) См. мою ст. „Вечерованье, городки и пѣсни“. „Жив. Стар.“ 1905 г., вып. III и IV.

печь. Съ печи и видитъ она, що въ городкѣ не порядки: дивьё играютъ, думаютъ,—съ молодцами, а дѣвкѣ съ печи открыто, Богомъ ужъ стало-быть, що ходитъ въ городкахъ много съ золѣзными зубами да и въ ротáхъ-то какъ огонь бы пышетъ. И запросилась съ печи дѣвушка: „Божата[1]), пойдемъ домой! божата, пойдемъ домой!" Ну, и заревѣла... А нечистая-та сила не знаетъ ли, чтó у человѣка на умѣ? Дѣвицѣ-невѣстѣ[2]) дѣлать было нечего—дѣвка ревитъ, не унимается,—идти домой привелось. Вотъ зáкутала она шалью хрестницу да и понесла домой, а еретики-те іе за сарафанъ и забрали. Она зревитъ да и успѣла за двери да и сарафана черезъ косякъ дверей вырвали. А тамъ и поднялось—ревъ, стонъ... Скрозь землю и трапеза прошла; только печной столбикъ остался. А на столбикѣ-то, вишь, варежки ребенокъ-отъ оставилъ,—такъ и остался столбъ одинъ съ варежками.

2.

Тогда много нечисти (нечистой силы) велось, страсть и подумать; было много волшебства, всякихъ заговорщиковъ. Мужъ про жену не зналъ, а жена—про мужа (что не волшебникъ-ли)...

Вотъ эдакъ будто бы умираетъ одинъ мужъ да женѣ и наказываетъ: „смотри ты, жона, только я умру,—того же часу подрѣжь мнѣ подколѣнныя жилы!" Умеръ мужикъ... А бабѣ-то пожалѣлось подрѣзать подколѣнныя жилы: дружно, стало быть, съ мужемъ жили. Ну вотъ, какъ рядъ дѣлу, покойника обмыли и „подъ святые" положили. Дѣло было къ ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка—малъ-мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долга, тоскливо будетъ: давай баба печь топитъ; топитъ печь и клюку калитъ, а самой и мужа жаль и покойника боится. Топитъ печь да клюку калитъ...

— „Мама, татя-та пошевелился!"

— Молчи, говоритъ, тибѣ такъ показалось.

А сама сидитъ у печи да клюку калитъ.

— „Мама! Татя-та садится!"

А покойникъ попробовалъ сѣсть; покрывало на полъ свалилось; и опять упалъ на подушку...

— Молчи, говоритъ мать, это такъ показалось!

— „Мама! Татя-та (в)сталъ!..

Соскочила баба, схватила робятъ, пехнула черезъ чилисникъ[3]) на печь, выхватила изъ печи каленую клюку и сама къ робятамъ залѣзла.

Покойникъ всталъ и началъ осматривать, гдѣ жёна. Вотъ розсмотрѣлъ онъ жену на печѣ и пошелъ тихонько къ печѣ, а подъ нимъ половици (доски пола) выгибаются, скрипятъ. Подошелъ онъ къ голбцу,—а на печь вылѣзти надо: зубами золѣзными щелкаетъ, къ голбцу грудью наваливаетъ... Баба съ печи каленой клюкой хлесь

1) Крестная мать.

2) Такъ называютъ всякую взрослую дѣвицу.

3) Лицевая сторона печки надъ устьемъ (топкой), покрытая полосой сажи отъ выходящаго черезъ тó же устье (безъ трубы) дыма.

по зубамъ—только зубы сбрякали. Онъ отступилъ и опеть напираетъ: съѣсть, вишь, надо; а вылѣзть не можетъ, потому руки крестомъ на грудѣ сложены были, такъ и не можетъ отъ груди своей отнять. Онъ подойдетъ,—а она опять по зубамъ клюкой каленой. Знамо дѣло, Богу молилась. Запѣлъ пѣтухъ,—бросился еретикъ на старое мѣсто; но ужъ легъ ничью (ничкомъ). Такъ ничью и утромъ нашли, такъ и похоронили.

Этѣхъ вопшебниковъ (такъ!) все ничью хоронятъ: куда лицомъ схоронишь, туда подъ землей и пойдетъ: къ верху лицомъ—на верхъ выйдетъ, а ничью—дакъ въ преисподнюю прямо уходитъ.

3.

Досель, говорятъ, худо отъ еретиковъ было, сохрани Богъ, какъ худо. Давно это было... Послѣ того, какъ Христосъ по землѣ прошелъ,—еритикамъ ходъ усѣкло, вся нечисть розбѣжалась; а то было время: только сонцё за лѣсъ сѣло,—не оставайся одинъ на улицѣ: бѣда!.. да и въ избу ползутъ. Изъ-за того у избъ все волоковыя окна были. Какъ сонце за лѣсъ—и оконце закрываютъ. Воловокыя окна еще и мы у старыхъ избъ помнимъ: такія маленькія были,—человѣку пролѣзти нельзя было.

Эдакъ одинъ разъ мужикъ не поспѣлъ днемъ домой попасть. Идетъ по лѣсу, глядь—а изъ-за сосенъ еретикъ-отъ и выглядываетъ. Вотъ онъ скорѣе на сосну да къ самой вершинѣ... А еретикъ подъ сосну: не лѣзетъ, а ухватился да зубами подгрызаетъ—только зубы щелкаютъ, только щепки летятъ... Сидитъ мужичекъ на соснѣ, на самой вершинѣ, да молитвы читаетъ, всѣхъ святыхъ перебираетъ; а еретикъ грызетъ сосну—только щепы литятъ. Долго мужикъ сидѣлъ на соснѣ, долго плакалъ и молился, а еретикъ не уходилъ, все сосну подгрызалъ. Ужъ сосна закачалась—не толсто, стало быть, грызти оставалось... Запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то—и еретикъ убѣжалъ, ли скрозь землю прошолъ. А мужикъ ужъ утромъ слѣзъ съ сосны.

Вотъ какое тогда времечко было!

4.

Знающей досель народъ былъ!

Эдакъ, бывало, старухѣ-то ужъ худо,—смерть приходитъ... А старуха была денежная. Ну, семейство; сынъ былъ женатой. Знаетъ скрягу: куда, думаетъ, денегъ бы не запропастила.

А деньги—у ней; большой кошель къ намышкѣ [1]) привязанъ—серебро да золото. Видитъ старуха, що скоро умереть надо, и говоритъ сыну-ту своему: „сынъ, подыми-ко меня, да подведи еще (разъ) къ печкѣ; вижу, скоро смерть приходитъ... долго у печи не стряпала: посмотрю хоть еще!“ Захватилъ сынъ старуху подъ мышки, притащилъ къ печѣ.—„Подержи эдакъ меня!“ Сынъ держитъ. Отвязала она кошель отъ намышки, высыпала деньги на шестокъ и давай зарывать въ пепелъ въ печурку „Чьи ручки загребаютъ, тѣ и

---

[1]) Лямка черезъ плечо, у сарафана

выгребайте",—эдакъ и приговариваетъ. Ну такъ и загребла всѣ деньги.—„Ну, уведи меня топерь на кровать!" Легла старуха и умерла. Ну тогда сынъ къ печѣ: надо деньги взять. Рылся, рылся—одинъ пепелъ, а денегъ нѣтъ... „Що не за оказія!" А парень-отъ былъ, знать, не промахъ: схватилъ мертвую-ту старуху, притащилъ къ печѣ да её то руками и перерываетъ золу. „Чьи ручки загребали, говоритъ,—тѣ и выгребаютъ". Такъ всѣ деньги и выгребъ.

5.

У одной дѣвушки былъ дружокъ. Ну, этотъ дружокъ-отъ да и умри... И ну она объ ёмъ тосковать, ну тосковать; ночи сидитъ подъ окномъ да на улицу смотритъ. Долго ли мало ли эдакъ посокрушалась...—Сидитъ это подъ окномъ да на улицу смотритъ, а глядь—онъ и ѣдетъ на лошадѣ да и на крёслахъ, [1]) а ее къ себѣ рукой на улицу манитъ. А было ночью; всѣ спали. Она обрадовалась, выбѣжала къ ему на улицу. А онъ и говоритъ: „вотъ, милая ты моя, обо мнѣ сокрушаишьсе, а думаешь—я тебя и забылъ? а я тебя не забылъ, а по тебя пріѣхалъ; поѣдемъ со мной и будемъ жить вмѣстѣ! Пока топерь никто не увидаетъ, соберемъ все твое именье да и поѣдемъ: у меня и кресла заготовлены". Обрадовалась дивица и давай выносить иминьё: портна́, рубахи, шубу, сарафаны... А семья спитъ и никто не слышитъ.

Вотъ оклались онѣ и поѣхали по дорогѣ. Ѣдутъ онѣ это полемъ и молчатъ. А мѣсяцъ свѣтитъ; а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Вотъ доѣхали онѣ,—пошелъ лѣсъ. А мисецъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Опять ѣдутъ. Прошелъ лѣсъ; пошло поле, а тамъ дальше и повостъ... Мѣсяцъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ.

— Милая моя, не боишься ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Ѣдутъ онѣ и заѣхали на кладбище, гдѣ кресты могильные да сугробы снѣга. Лошадь остановилась у полой (открытой) могилы. Онъ заскочилъ въ могилу; „подавай", говоритъ: „имѣнье-то!.." Она испугалась, схватила корзину съ рубашками да и подаетъ. А онъ только сглотилъ прямо въ ротъ! Она посмотритъ—а у ёво зубы стальные и глаза какъ каленые угли... „Мечи", говоритъ: „кручае!" Стала она это метать коробу́шка по коробу́шкѣ... а онъ глотаетъ да ее торопитъ. Догадалась она,—начала читать молитвы; а имѣнья мало остается, скоро и саму́ю ее сглотитъ... Вотъ и начала бросать по одной рубашкѣ, по одной заплаткѣ, щобы времени больше продлилось. А онъ глотаетъ, а онъ глотаетъ да ее торопитъ.

Услышалъ Господь ее молитву: запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то... Закрылась могила... Ни его, ни лошади не стало, только стоитъ она одна на буевѣ ночью; а вѣтеръ снѣгъ переметаетъ.

---

[1]) Розвальни, низкія и широкія сани для возовъ.

Такого рода преданій-балладъ, не лишенныхъ оригинальной силы и красоты слога, имѣющихъ, по всей вѣроятности, чрезвычайно далекое происхожденіе, но и не расходящихся еще и съ мѣстной дѣйствительностью ни въ обстановкѣ ни въ другихъ аксессуарахъ, а также отвѣчающихъ всецѣло міровозрѣнію старшихъ слоевъ современнаго населенія Кокшеньги,—можно было бы записать и значительно больше. Я помню, съ какимъ замираніемъ сердца выслушивали мы съ дѣтствѣ такіе разсказы! Рѣдкая женщина не умѣла разсказывать ихъ, рѣдкій мужчина не зналъ какого-нибудь разсказа о еретикахъ.

Итакъ, сказанія эти уже вводятъ насъ въ область народныхъ суевѣрій, которыми вообще довольно богата фантазія мѣстнаго обывателя. При случаѣ я постараюсь познакомить интересующагося читателя съ тѣмъ матеріаломъ, какой найдется въ моемъ распоряженіи и изъ этой области.

Что же касается преданій объ общеисторическихъ лицахъ и событіяхъ, то въ слѣдующей главѣ, по недостаточности имѣющагося у меня этого рода матеріала, я полагаю, хотя бы только для ознакомленія съ характеромъ этихъ данныхъ, все же изложить и то немногое, чѣмъ я могу располагать, дабы придать нѣсколько больше полноты и законченности въ освѣщеніи намѣченнаго мною вопроса.

V. Общеисторическія лица и событія.

Въ III главѣ я уже упомянулъ о томъ, что относимыя мною къ названной въ заглавіи настоящей главы категоріи преданія обыкновенно сообщаются, какъ не имѣющія близкой и непосредственной связи съ остальными кокшеньгскими преданіями, часть которыхъ, напр., хотя бы о Литвѣ, казалось бы, тоже вполнѣ могла быть отнесена къ этой же послѣдней категоріи. Это—какъ бы дополнительныя свѣдѣнія о прошломъ, имѣющія второстепенный мѣстный интересъ, а иногда являющіяся въ видѣ случайныхъ разсказовъ или указаній, пользующихся однако, общимъ, распространеніемъ.

О событіяхъ и лицахъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, понятно, не приходится ожидать здѣсь сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній; если и встрѣчаются какія-нибудь намеки и указанія, то они имѣютъ характеръ отголосковъ книжныхъ знаній и больше распространены среди людей грамотныхъ или бывалыхъ.

Напримѣръ, весьма часто можно встрѣтить упоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ и рядомъ—о Гогѣ и Магогѣ, загнанныхъ въ горы. Слыхали о Римѣ, о Царѣ-градѣ, Царѣ-Константинѣ.

Даже и ближайшія по мѣсту и времени событія исторіи чрезвычайно слабо отразились въ мѣстныхъ преданіяхъ и разсказахъ. Упоминается о татарщинѣ, о нашествіи французовъ.

Изъ русскихъ государей извѣстны имена Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра Великаго. При этомъ о Грозномъ отзываются всегда съ большимъ уваженіемъ; съ этимъ именемъ сопряжено какъ будто бы понятіе о справедливости и безпристрастности. Борисъ Годуновъ, наоборотъ, пользуется дурной славой, какъ Государь, котораго по-
лить не чѣмъ.

Что касается Петра Великаго, то о немъ существуютъ любопытныя преданія (не одно), имѣющія и мѣстный интересъ. Передается за несомнѣнный фактъ, что Петръ Великій проѣзжалъ по Кокшеньгѣ и былъ здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ „Описаніи Кокшеньги". В. Т. Понова, отъ 1857 г., упоминается о томъ, что будто бы онъ завелъ въ Россіи всѣ заморскія хитрости.

О хитрости его самого не мало говорятъ и въ настоящее время. При этомъ почти всегда добавляютъ: „А какъ вотъ не хитеръ былъ, а лаптя-то все таки не могъ сплести: заплести-то заплелъ, а свершить-то и не могъ, носка не сумѣлъ заворотить... И теперь еще лапоть-отъ этотъ гдѣ-то тамъ въ Питерѣ во дворцѣ али въ музеѣ виситсе". Въ деревни Харитонихѣ, Спасской волости, разсказывается, что Петръ былъ здѣсь и любовался громаднымъ лѣсомъ у самаго поля этой деревни; что, будто, заходилъ онъ въ этотъ лѣсъ и потомъ заказалъ беречь его для кораблей. Лѣсъ этотъ носилъ потомъ названіе Царской рощи. Неизвѣстно, долго ли стояла эта роща, но въ такой близости къ деревнѣ сохраниться она не могла, въ виду потребности и въ лѣсѣ и въ землѣ. Но будто бы крестьяне, вѣроятно не желая нести отвѣтственности за сохранность рощи, вырубили ее, а остатки сожгли; землей однако этой имъ такъ и не удалось воспользоваться: окруженная со всѣхъ сторонъ ихъ полями, она такъ и не вошла въ крестьянскій надѣлъ. Впослѣдствіи, не особенно давно, эта земля однимъ изъ управляющихъ удѣльными имѣніями была передана, какъ мелкая оброчная статья духовенству Спасской церкви.

Въ Заячерѣцкомъ приходѣ Петръ былъ будто бы въ церкви и за недостаточно пристойное поведеніе „заечерицянъ" въ церкви (да и вообще, повидимому, жители этого прихода хорошаго впечатлѣнія на Царя не произвели) онъ прозвалъ ихъ *лóкасами*. Эта кличка держится за ними и въ настоящее время въ формѣ „лóкасы" и „локасьé". Мнѣ не удалось уловить достаточно опредѣленнаго значенія, передаваемаго этими словами.

На Соденьгѣ (приходъ), въ деревнѣ Глазановѣ, Царь поселилъ одного изъ своихъ слугъ, которому была дана особая земля. У наслѣдниковъ этого слуги потомъ крестьяне откупили будто бы дарованную землю за 2.000 бѣлокъ.

Сохранились у меня въ памяти смутные остатки уже очень давно слышаннаго здѣсь мною разсказа о томъ, что Царь Петръ, разсердившись разъ на какую-то рѣку, наказалъ ее ударомъ (плети?) и съ тѣхъ поръ остался „рубецъ" поперекъ всей рѣки.

Передается о смерти Петра, что, будучи необыкновенно одареннымъ и сильнымъ, а въ то же время и слишкомъ самоувѣреннымъ, онъ разъ похвалился, что на конѣ своемъ перескочитъ черезъ какую-то широкую рѣку, но что, какъ бы въ наказаніе за похвальбу, онъ тутъ на конѣ и окаменѣлъ въ то самое время, когда конь передними ногами отдѣлился уже для скачка отъ земли.

Какъ на сказаніе о „стёжкѣ" рѣки, такъ и объ окаменѣніи Петра, могли, разумѣется, повліять книжныя свѣдѣнія о Ксерксѣ Великомъ съ одной стороны, съ другой—о памятникѣ Петра Великаго въ Петербургѣ; о послѣднемъ и разсказы очевидцевъ.

Здѣсь невольно припоминается мнѣ очень распространенная въ Кокшеньгѣ легенда о Ломоносовѣ, къ созданію которой подалъ поводъ, вѣроятно памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ. Этотъ памятникъ жители Кокшеньги знаютъ отъ очевидцевъ. Ломоносовъ изображенъ съ лирою въ рукахъ и смотрящимъ какъ бы въ небо: разсказывается въ легендѣ, что Ломоносовъ былъ настолько знающій человѣкъ, что вотъ разъ, когда угрожала надвигавшаяся градовая туча, онъ взялъ вилы и этими вилами тучу-то и отвелъ. Дѣйствительныя заслуги перваго русскаго ученаго въ области изученія электричества вообще и грозового въ частности въ этой легендѣ, мнѣ кажется, выражены довольно красиво и, пожалуй, удачно.

О нашествіи французовъ и атаманѣ Платовѣ имѣются, хотя и отрывочныя, но широко распространенныя свѣдѣнія и даже поется пѣсня: „О френцюзѣ и Атаманѣ Платовѣ". Весьма распространенъ эпизодъ о томъ, что Френцюзъ (Наполеонъ) усердно разыскивалъ Платова и хотѣлъ его во что бы то ни стало поймать. А Платовъ, побывавши въ гостяхъ у Наполеона, уходя назвалъ себя и говоритъ ему: „эхъ, ты, ворона, ты ворона! Гдѣ тебѣ поймать меня!" И исчезъ.

Изъ разсказовъ о болѣе позднихъ историческихъ событіяхъ упомяну о любопытной защитѣ Соловецкаго монастыря и Бѣлаго моря въ Крымскую войну отъ „аглечанки", которая сюда подступала на своихъ корабляхъ. „Когда аглечанка стала палить по маластырю, то, видно по молитвѣ св. угодниковъ, Изосимы-Саватья, поднелись со всѣхъ острововъ чейки (чайки) и начали на нихъ д . . . . ь (засыпать ихъ своимъ пометомъ). Не вынесла этого аглечанка и повернула назадъ, домой".

Въ ряду историческихъ именъ я намѣренно пропустилъ имя Шемяки, довольно часто упоминаемое здѣсь, но, повидимому, безъ всякой непосредственной связи съ галицкимъ княземъ. Шемяка фигурируетъ въ одномъ разсказѣ, только, какъ неправедный судья.

Этотъ распространенный, вѣроятно, всюду разсказъ въ мѣстной передачѣ имѣетъ такую примѣрно, форму (привожу въ передачѣ Вл. М. Попова): „Это былъ такой смѣшной (и жадный) судья: все взятки надо: Ну и судились двое. Одинъ-то уже далъ, а другому дать нечего—бѣденъ. Ну тотъ (т. е. бѣднякъ) и догадался: взялъ въ руку камень, зажалъ въ горсть да и говоритъ: „судья, суди, да на меня гляди!" Шемяка и разсудилъ по послѣднему. Вышелъ (потомъ) изъ-за стола, отозвалъ мужика и попросилъ, что въ горстѣ-то (тотъ) зажалъ. А тотъ и показалъ камень"...

На этомъ я и долженъ пока закончить кокшеньгскія преданія.

М. Едемскій.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны со словъ вывшей крѣпостной Алены Григорьевны Шехавцевой.

(Окончаніе).

Выпала парошица да на талую землю.
Какъ на той пароши
Самъ Ваня харошій.
Не путемъ Ваня гулянтъ
По чужимъ по огородамъ,
Не путемъ онъ зажимаитъ
Снѣгу у праваю руку.
Онъ кидаитъ, онъ бросаитъ
У заднію стѣну;
Онъ бросаитъ у заднюю стѣну
Къ милой на постелю,
„Ахъ ты душынька милая
Открой хоть окошко (2)
Прамолви славечко".
— Ни открою, ни выглину,
Ни хочу Ваню любить.—
Пашелъ Ванюшка нивеселъ,
Голаву повѣсилъ,
Чернай шляпаю пакрылся,
Слизою залился.
Какъ мнѣ моладцу быть
Каво палюбить?
Вдаву любить—
Несчасливому быть,
Чужу жену любить—
Убитаму быть.
Любить—не любить
Солдаткину жену.
Солдатка усю ночь гулянтъ,
Угамону ни знаетъ.

Трава мая, травушка,
Зелёнай да лужокъ!
Да я шь по тебѣ да травушка
Я хадить ни нахожуся;
На тебе мой милинькій
Я глядѣть ни наглижуса,
Безъ тебе мой милинькій
Пастелюшка халадна,
Ой пастелюшка халадна!
Ой да подъ пастелюшку
Марозъ подпалозъ;
Ой да одиялице заинвивѣло
Ой мае сердечушко да набалѣло.
Охъ падушички, падушички
Потанули усѣ во слезахъ!

Не свивайся (2) травка съ кавылою,
Ни свыкайся (2) моладецъ
Съ дѣвкай маладою.
Ой да харашо (2) была свыкаца,
Ой да горька (2) было раставаца.
Ни нидѣлю, ни нидѣлю
И ни двѣ мы свыкалися;
Ой да годъ мы свыкалися,
Подъ сладкаю яблоней цаловалися;
Подъ горькою асиною, (2)
Да подъ праклятою
Мы распрощалися...
Ой да прости, пращай
Ты, красная дѣвка!
Мнѣ съ табою ни жить, (2)
Мнѣ разъ добраму моладцу
На службу итти
На службу итти
Царю, Богу паслужить.

Ой ты, кустъ мой,
Кустъ зилёнинькій!
Да подъ тѣмъ, подъ кустомъ
Тамъ лежитъ солдатъ,
Маладой сержантъ.
Онъ убитъ, застрѣленъ
Крѣпко ранинъ!
Зле ево конь стаитъ,
Головою трясетъ,
Головою трясетъ
Удилою звенитъ.
Ой ты конь, мой конь,

Конь товарищъ лихой!
Ты бѣги, мой конь,
По дарошки сталбовой;
Тѣ скажи, мой конь,
Паклонъ отцу, матери,
Маладой жены,•
Малымъ дѣтушкамъ-галобятушкамъ.

Ой по мосту, масточку,
По калинавамъ широкамъ,
Тамъ ишли—прошли салдаты;
Салдатушки маладыи,
Афицеры палкавыи.
У нихъ кони вороныи, (2)
Въ рукахъ плети шолкавыи,
На плеточкахъ фанарѐчки,
Въ фанарѐчкахъ угалѐчки.
Выпалъ, выпалъ угалѐчикъ
На калинавый мосточекъ,
Ай калинавай мастокъ,
Онъ гаритъ и не сгараитъ;
У маладца сердце изнываетъ
О души красной дѣвицы,
О называнной сестрицы.
Ахъ ты, душинька дѣвица,
Падайди ко мнѣ паближе (2)!
Я скажу тебѣ славечко,
Изнаю тебѣ сирдечко;
Я скажу тебѣ другое,
Изнаю ретивòе,
Што хочетъ милъ тебе пакинуть,
А иную палюбить.
Дѣвка по торгу ходила,
Сибѣ голубя купила,
За палтину старгавала,
Палтара рубля давала,
Ещѐ холстъ придала.
Принесла гýлю [1]) дамой,
Посадила у кровать.
Сталъ гулюшка воркавать,
Краватушку любавать.
Хоть воркуй, ни воркуй,
Краватушка не твая—
Краватушка мая.

[1]) Голубя.

Какъ паѣдишь милъ на службу,
Возьми мене съ сабою: (2)
Возьми маю кручину,
Размечи тую кручину,
По чистаму полю.

Какъ поѣдишь батинька мой на поглядья,
Ни мечися, мой родимый, на богатсво,
Ни на рублены конюшеньки,
На высокаи харомы, на терёмы.
Ой выбирай, мой батинька, чиловѣка,
Чиловѣка, мой родимый, да людину;
Штобъ не стыдно было въ гостюшки паѣхать,
Штобъ ни стыдно было прамежъ падругъ пахвалица.
Дѣвушки-подруженьки усѣ скажутъ:
То-та рбвня, што ростомъ, што красатою,
Онъ своею малодецкой чистатою.

Свадебная.

Я не знала, ни вѣдала
Атчиво дѣла сдѣлалась.
Ка мнѣ сваха приѣхала.
Она гордàя, спѣсивая,
Маладая и игривая.
И шутитъ, подшучиваитъ,
Гаваритъ, подгавариваитъ
И хвалитъ сваю сторану́.
Какъ наша старонушка
Винаградомъ усажена,
Сахаромъ усѣина, а сытòю паливана,
Залатою тафтою покрывана.
Отайди прочь, обманщица!
Отайди прочь, подгаворщица!
Я сама знаю вѣдаю
Пра чужу́ю старонушку,—
Чужая старона горемъ усѣина,
Слезою поливана,
Горючаю покрывана.

Пѣсня на дѣвишникѣ.

Какъ при вечиру, вечиру,
При послѣднимъ было вечиру,
При Маланиномъ дѣвишничку.
Ясный соколъ узвивался высакò
Выше лѣса, выше темнова,

Выше садику зилёнова,
Выше терима высокава.
Онъ садился на высокій на терёмъ,
На серебрину рѣшоточку,
Пазлащенаю прибоинку.
Ясный соколъ ни прилука мая;
Добрый мóладецъ разлука мая.—
Разлучаитъ съ атцомъ, матерью
И съ усемъ родомъ племюнемъ.

Татьянушка у матушки
Дорагая гостеичка,
Залатая митёличка,
Чиста теримъ падметала.
Ана мела, ни спѣшила,
На дворъ соръ выносила;
Вынисши, соръ бросила;
Бросивши, пастаяла;
Пастаявши, воздахнула;
Воздахнувши, всплакнула,
У слезахъ слово молвила:
„Государыня-матушка!
Ты на што драва рубишь?
На што въ теремъ носишь?“
— „Ты дитё мае, дитятко,
Ты дитё мае милае,
Учёнае, паражонное!
Къ тваему шь дѣвишничку—
Тваихъ падругъ кармить,
Тваихъ красныхъ дѣвокъ“.

Воля волюшка,
Воля дѣвичья,
Дочь купецкая,
Рѣчь отецкая!
Я въ дѣвкахъ была,—
Волю видила,
Нѣгу слышала.
Замужъ выдали,
Волю сбавили,
Слезъ прибавили.
Не стоять было-бъ
Подъ сырымъ дубо̂мъ
Съ добрымъ молодцо̂мъ.
Не щелкать было-бъ
Арѣшаточикъ изъ перчаточикъ
Ни ѣсть сладкихъ пряниковъ
Изъ карманиковъ.

Липушка да ракитушка
Всею ночь прашумѣла,
А всежъ ана зиленая
Съ лискомъ гаварила:
„Листикъ мой кудрявинькій,
Какъ намъ растаца,
Какъ раставаца,
Еще разлучаца?
Разлучать насъ буйныи вѣтры,
Буйныи вѣтры, дожди осенни;
Дожди осенни,
Люты (2) морозы;
Люты морозы,
Снѣги (2) глубоки.
Красная Татьянушка
Всею ночь не спала.
Все она съ матушкой говорила:
Матушка да родимая!
Какъ намъ раставаца,
Какъ раставаца,
Еще разлучаца?
Разлучать насъ всё князьё—баяре,
Князьё—баяре, бальшой воевода;
Бальшой воевода, маладой Алексѣй, маладой Петричъ.
Онъ разлучитъ,
А къ сибѣ прилучитъ.

Шуточная про сватовъ.

Вы, баяре малады,
И дѣ были и бували,
Што вы слышали, видали?
Были (2) на рыночки,
Пили (2) горилочки,
Горѣлочку за дѣвочку.
Пили, ѣли не платили,
Татьянушку сговорили, Семеновну сговорили.
Ты ни плачь Татьянушка,
Ты ни плачь Семеновна!
У васъ воля—
У насъ вольнѣе.
У насъ воду на валахъ возятъ,
У насъ кашу въ катлахъ варятъ,
Кулешики въ арѣшики,
А лапщицу въ чирепици.
Летѣли галушки,
Летѣли черныи
Со чистава полю.

Садились гàлушки,
Садились черныи
На кустъ на ракиту.
Хотѣли гàлушки,
Хотѣли черныи
Ракиту паломити.
Не паломили (2)
Только пахилили.
Хотѣла Татьянушка
— Симёнавна
Матушку взвесилити.
Ни взвесилила (2),
Толька раслезила.
Мы шь да кармили,
Мы шь да паили,
Послать некаво будитъ.
Не кимь послати (2),
Некава будитъ приждати.
И сбыли шь мы сваю (2)
Въ поли работницу;
Въ поли работницу
Въ доми куковщицу,
Гастямъ привѣтницу.
— Мы шь не кармили,
Мы шь не паили,
Паслать каво есть будитъ.
Дабыли шь мы себѣ (2)
Въ поли работницу,
Въ домѣ куковщицу,
Гастямъ привѣтницу.

Санливо поле, дремливо
Сильно ягоду урадило.
Каму таѝ ягоду и рвать
Каму таю сильну срывать?
И рвать таю ягоду Татьянушки,
И рвать таю сильну Сименовни.
Ана рвала, рвала пріуснула,
Ее некому взбудить.
Батинька будитъ, не взбудитъ;
Маминька будила,—не вызвалась.
И дѣ не былъ Никанорушка,
Онъ на ворановамъ коню;
Уставай (2) Татьянушка!
Полна тебѣ спать, спачивать:
Тебѣ многа даровь надабно—
Сорокъ сараковъ рушниковъ,
Пидесятъ шитыхъ ширинокъ,
Шидесятъ локо́ть на расходъ
Дарить батиньку, да маминьку.

Ой мима саду, саду зиленава
Саловьюшка пролитаитъ,
У зиленай садъ заглядаитъ,
У пташечикъ успрашиваитъ,
У пташечикъ—саловеичикъ:
„Вы пташечки—саловеичики,
Не видали-ли маей саловеюшки?“
— Ей тутъ нѣтъ и ни бувало.—
И пташечки слеталися
Па перушку сносилися.
И гнѣздушко савивали
Ой мима двора, двора тестива
Никанорушка проижаитъ,
На широкій дворъ заглидаитъ,
У дѣвушикъ успрашиваитъ:
„Вы дѣвушки—сударушки!
Не видали-ли маей Татьянушки,
Ни видали-ли Сименовны“.
— Ей тутъ нѣтъ и ни бувало,—
И дѣвушки сходилися,
Па иголачки снасилися,
Ей вѣночикъ сашивали,
На галовушку покладали.

Ой боръ шумитъ,
И каминь гремитъ,
Падковы звенятъ.
— Во бару, бару,
Во сыромъ бару,
Што подъ сѳснаю,
Подъ зиленаю
Стаитъ кузинька,
Кузня новая,
Дверь дубовая.
Въ той кузиньки
Маладыи ковали
Калачки куютъ,
Дорога бирутъ.
Маладой кавалекъ!
Падкуй менѣ каня.
На тебѣ грошъ,
Штобъ конь былъ хорошъ;
На тебѣ залатой,
Вотъ мой вораной,
Да на тебѣ капеичку,
Паткуй ево крѣпинька.
На томъ, на каню
Ѣхать далико,
Што по каминю, по гремучиму,

По гремучиму, по звинючиму
За свахаю, за спѣсиваю.
А люди скажутъ:
Чей эта поиздъ ѣдитъ?
— Багатава мужика,
Харошава жениха.
Семь паръ каней (2)
Стаятъ, не идутъ,
Да галовушки, галовушки
Сваи не нисутъ—
Ой тяжила наша сващенька
Да на перивозъ!

Ой стужилась зузуля,
Што рана зима выпала;
Снѣшкомъ кавылка запала,
Шолковая трава завяла,
Алы цвѣтики пазасохли.
Какъ и дѣ ей теперь быть,
Съ чево гнѣздо свить?
Какъ и дѣ не былъ зузулёкъ:
Не горюй, не тужи
Зузуля паливая!
Я недавно былъ у степи,
Бѣлы снѣги прогребалъ,
Да ковылушку даставалъ.
Я тебѣ гнѣздо совивалъ,
Хоть ни вольнае, да теплае,
Толька самае зимавбе.
Красная Татьянушка
Въ канцѣ стала стаяла.
Она плакала, рыдала,
Платкомъ слезы утирала,
Батиньку умаляла:
Государь ты, мой
Батинька родимый
Не атдавай мене мо̀ладу
Не кличь мою го̀лаву
Я еще гадокъ пасижу,
Золотой вѣнокъ изнашу,
Шолкавы махры истреплю,
По улици хадючи,
Съ дѣвками танцы водючи.
Я съ дѣвками у танку,
Съ молодками у кружку.
Какъ и дѣ не былъ Никандрушка.
Не горюй, ни тужи Татьянушка!
Я нидавно былъ у торгу;
Я тебѣ вѣночикъ старгавалъ,

Хоть ни залатой,
Тольха машурной [1]),
Да ни часавой,—вѣкавой,
Ево дѣвушки ни снимутъ,
Малодушки ни атымутъ.

Бѣлинькай мой горошикъ!
Люблю тебе сѣить
При крутой, при дорози,
При зеленай дубрави.
Младенькай Никанорушка!
Харашо тебѣ женица
При роду, при племеню,
При радимомъ батюшки,
При радимой матушки.

Ой у сади салавей,
У зиленамъ маладой.
Онъ по саду литаитъ,
По зиленаму пархаитъ,
Дробныхъ пташечикъ взбужаитъ;
„Вы пташечки—воробьи,
Встаньти рано па зари,
И спойти мене пѣсиньку
Новаю, виселаю
Про маладова саловьюшку“.
Саловьюшка, саловей
Саловьюшка маладой!
Скажи правду, не утой.
Сколь далечи леталъ,
Сколь далечи пархалъ?
Я ать сада до сада
До сладкава вишенья,
До зиленава арѣшенья
До дробнава чирешенья.
Младенькій Никанорушка,
Свѣтъ Питреивичъ,
Сколь далечи атъѣжалъ?
Ать сила, до сила,
Ать двара, до двара,
До тестинава терима,
До Татьянушкиной горницы.
Татьянушка въ териму,
Сименовна у высокомъ.

---

[1]) Мишурной.

За тисовымъ за сталомъ.
Никанорушка подъ акномъ,
Питреивичъ падъ стекломъ.
Татьянушка атвари,
Сименовна атвари!
Никанорушка обагради,
Питреивичъ погади.
Радъ бы я обаждать,
Воранова каня не удержать.
Мой воронъ конь не стоитъ,
На каню узда звенитъ;
Буѐнъ вѣтиръ шляпу рветъ,
Дробинъ дождикъ кудри вьетъ,
Ясно солнце лицо жгетъ,
Теща зятя въ гости ждётъ
На пиръ на бисѣдушку,
На виннаю чарочку.
Винная чарочка на столику стоитъ.
Она виномъ налита,
Сахаромъ набита,
Татьянушкой подата,
Сименавной во ручки.

Иванушка рябчій,
Хорошинькій мальчикъ,
Ѣздилъ на охотинку;
Улавилъ кукушичку,
Себѣ игрушичку.
Хотя она кукавая,
Она ему вѣкавая;
Хотя она рябёшенька,
Она ему милёшенька.

Заинька по лавочки ходитъ,
Сѣринькій у печь заглядаитъ—
Ужоли, ужоли каравай паспѣлъ,
Ужоли (2) яравой паспѣлъ?
Каравай мой рай,
Ктò-шь тебе катаитъ?
Катаитъ мене свашка
У краснай рубашки.
Каравай мой рай,
Ктò шь тебѣ сажаитъ?
Сажаитъ мене свашка
У краснай рубашки.

Каравай мой рай,
Кто̀-шь тебѣ вымаитъ?
Вымаитъ мене свашка
У красной рубашки.

Охъ што-шь то за дивище?
У воротъ стаитъ разливище,
Разливалась озеро
Широкое глубокое.
Какъ по томъ по озеру
Плавалъ лебидь со либёдушкой.
Почемъ знать лебидя?
Почему либёдушку?
У лебидя залотая галова,
У либёдушки позалоченая.
Либедокъ—Никанорушка,
Бѣлинькай Питреивичъ.
Либёдушка Татьянушка,
Бѣлая—Сименовна.

Ва горинки во навой,
Во свѣтлици свѣтавой
Стаитъ столъ дубаво̀й.
Ножки точеныи
Позалоченыи.
На сталѣ дубаво̀мъ
Слата скатерть нова̀;
И нова̀, и бѣла
Въ пидесятъ цѣлковъ ткана,
Въ шидесятъ ана брана.
По скатерти по наво̀й
Ходитъ голубь маладой
Со галубкаю.
Што былъ голубокъ—
Никанорушка господинъ;
Бѣлая голубка—
Татьянушка госпажа.
Они пѣшкомъ къ обѣдни
Не хаживали.
Они лѣтнимъ путемъ
Во колясочки.
Они зимнимъ путемъ
Во саняхъ казыряхъ,
На лихи̇хъ лошадяхъ.

Молодымъ господамъ.

Хмѣлюшка, хмѣлюшка,
Хмѣль яровой.
По лугамъ растетъ,
По болотичкамъ стелица,
Пра межъ себе стеж(ш)ки дарож(ш)ки
Аставляютъ.
Никанорушка Питреивичъ,
Князь маладой.
На широкій дворъ въѣжаитъ,
Что маковъ цвѣтъ стелица;
На высокае крыльцо
Залатымъ перстнемъ катица;
За тисовый столъ
Малодымъ княземъ
Садица.
Къ Татьянушки Сименовны,
Маладой кнегинюшки, подъ бачокъ.

Батюшка радной,
Излави саловья;
Прикуй къ териму,
Къ териму маему,
Харашо жить дочь будитъ,—
Свекарь разбудитъ;
Плаха жизть будитъ,—
Саловей взбудитъ.

Л. Семилуцкая.

ЗЫРЯНСКІЯ СКАЗКИ.

(*Окончаніе*).

Настасья Адовна.

Въ старину жилъ крестьянинъ; онъ плотничать научился и около своихъ мѣстъ сталъ плотничать; сталъ брать подряды, на годъ ихъ бралъ, но все ему недоставало (средствъ), все было нужно свое прибавлять (и думаетъ крестьянинъ) „дай-ка я въ далекихъ земляхъ побываю, здѣсь все какъ-то въ недостаткѣ живу". И отправился онъ въ далекую страну, и тамъ на годъ взялъ подрядъ, за 300 рублей онъ взялся. У него осталось прибыли сто рублей цѣликомъ. Кончился этотъ подрядъ, на семь лѣтъ онъ взялъ другой. Семьсотъ рублей осталось прибыли отъ второго подряда. Такъ нажилъ онъ восемьсотъ рублей. Мужикъ сталъ думать: „теперь пора домой идти, деньги есть". Онъ шелъ, шелъ, да и усталъ человѣкъ—ѣсть, и пить захотѣлось ему. По дорогѣ была плохонькая мельница. Онъ сталъ искать что-нибудь попить изъ рѣки. Кто-то и схватилъ его за бороду. Онъ сталъ ждать—не отзывается, кто держитъ. Изъ воды отвѣтило: „что дома есть, про что ты не знаешь, то обѣщай". Мужикъ подумалъ: „что я за восемь лѣтъ не знаю, что-нибудь мелкое". и сказалъ: „обѣщаю". Тогда вышелъ старикъ весьма сѣдой: „такъ дашь?—Дамъ", говоритъ. Потомъ старикъ подписаться велѣлъ. „Но гдѣ же бумага?". Длинный старикъ принесъ лопухъ (широколиственную траву), между руками потеръ—кровь потекла, появились бумага и перо. Крестьянинъ подписался. Длинный старикъ обратно вошелъ въ воду. Крестьянинъ направился къ дому и очень печалится: не знаетъ, что онъ обѣщалъ. Пришелъ на свои поля. На вотчину свою—озимь зеленая растетъ, а день веселый, свѣтлый, онъ склонялся къ вечеру. „Не смѣю", говоритъ, „идти", и легъ на межѣ между полями. Онъ тамъ спалъ до утра. Проснулся, всталъ идетъ къ дому, еще не дошелъ до него, какъ жена его и увидала съ крыльца и крикнула „Ваня, Ваня, отецъ то идетъ". Въ сердце ударило мужика. Пришелъ—женѣ и мальчику большая радость, а отецъ печалится. Жили день и другой день, разъ ночью и стали разговаривать мужъ съ женою: „отчего ты печалишься, когда намъ такая радость". Мужикъ сталъ разсказывать: „Вотъ я ходилъ въ другую землю, денегъ нажилъ и денегъ много несу, возвращаясь домой я вотъ что встрѣтилъ" (онъ тутъ разсказалъ все). Когда они уснули—длинный старикъ пришелъ—„сынокъ, давай, пойдемъ". Мальчикъ закричалъ. Отецъ и мать вскочили. Цѣлую ночь съ огнемъ

сидѣли, но старика болѣе не было. Тоже самое было и на вторую ночь и на третью. Тогда мужъ съ женою стали спрашивать своихъ сосѣдей своей деревни: „что дѣлать, послать мальчика или нѣтъ". Сосѣди сказали—если обѣщано—необходимо послать. Тогда отецъ сапоги сшилъ для сына, коты, котомочку приготовилъ и далъ сто рублей. „Ты иди къ мельницѣ, три часа просиди тамъ и потомъ куда глаза глядятъ, туда и иди, если ничего не представится".

Мальчикъ ушелъ. Просидѣлъ около мельницы три часа, ничего ему не представляется. Сердится—сидитъ. Потомъ куда глаза глядятъ, туда и направился. Цѣлый день онъ шелъ, и темнѣтъ ужъ стало; онъ сталъ искать себѣ ночлега—тамъ лѣсочекъ плохонькій растетъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ посмотритъ, въ другомъ—нигдѣ не годится спать. Далѣе и лѣсу не стало, лугъ тянется. Одинъ день идетъ, не находитъ себѣ мальчикъ ночлега. Полоса лѣса опять виднѣется. Идетъ къ синему лѣсу—можжевельникъ все, и спать негдѣ, смотритъ подальше—дубъ стоитъ. „Дай-ка, я подъ дубъ пойду, тамъ есть отверстіе". Вошелъ—тамъ ничего нѣтъ, палкой сталъ пробовать—что-то стучитъ, какъ бревно; по палкѣ онъ тогда спустился. Тамъ совсѣмъ темно, онъ на ощупь идетъ, что-то вродѣ избушки, а вотъ и дверь, отворилъ ее—очень свѣтлая комната передъ нимъ, а около стола сѣдой мужчина дремлетъ; дѣтина стоитъ, ничего не говоря, думаетъ, думаетъ,—дай-ка я скажуся. потому что не скажусь — съѣстъ и скажусь — съѣстъ; „Здорово, дѣдушка!" — „Иди, милый сыночекъ! Куда собрался?" Дѣтина разсказалъ дѣло своего отца. Старикъ сказалъ: „это мой братъ будетъ, онъ сатанѣ отдался, въ помощь тому, добрымъ людямъ надоѣдаетъ, а я къ святости иду". Крестьянскій сынъ тамъ ночевалъ. „Завтра", говоритъ старикъ, „ты иди, куда обѣщался", и онъ научилъ его: „триста верстъ по лугу пойдешь, другіе триста верстъ по зеленому лугу и еще триста верстъ темнымъ лѣсомъ, потомъ увидишь ивовой кустъ на берегу рѣки. Туда прилетаютъ девять лебедей купаться. Восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, купаются, а девятая, летаетъ надъ ихъ головою, потомъ восемь одѣваются и улетаютъ, а девятая, оставшись одна, купается. Теперь иди". Молодой человѣкъ послѣ большихъ трудовъ прибылъ въ ивовой кустъ. Какъ говорилъ старикъ, такъ и случилось: восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, стали купаться, а девятая летала надъ ними. Восемь одѣлись и улетѣли, а девятая, оборотившись, раздѣлась. Крестьянскій сынъ у нея платье взялъ съ берега и спряталъ. Она вышла—платья нѣтъ. „Кто спряталъ мое платье?" Онъ сейчасъ и сказался: „я", говоритъ, „спряталъ", и разсказалъ ей дѣло отца. „О, далеко еще до старика, онъ мой отецъ, ты долго не приходилъ!" Сказала дѣвушка Ивану крестьянскому сыну. „Я тебѣ разскажу дорогу, ты со мною пойдешь. Ты какъ будешь со мною входить въ мой домъ, а я живу отдѣльно отъ старика, ты увидишь мои сѣни длинныя—32 окна; на каждомъ окнѣ по человѣку. Ты когда пойдешь за мною, тебя кто будетъ хватать, кто клюкою задѣвать, каждый по своему. Ты только не посмѣйся, а иди все за мною". Послѣ разговору они отправились. Какъ она говорила, такъ все и случилось. Когда по сѣнямъ они шли—кто его топоромъ, кто клюкою задѣваетъ, каж-

дый, кто какъ умѣетъ. Иванъ сталъ смотрѣть внизъ и ни на кого не глядѣлъ, такъ шелъ за Настасьей. „Завтра утромъ", Настасья говоритъ, „иди, сходи къ батюшкѣ". Тотъ вышелъ, затѣмъ къ батюшкѣ". Онъ немножко сталъ посмѣлѣе и сказалъ: „здорово, дѣдушка!— Иди, иди, давно ужъ жду тебя". Старикъ далъ ему домикъ, „Если усталъ, отдохни". Онъ выспался. Ѣлъ, отдохнулъ. Утромъ на другой день пригласилъ его на завтракъ и говоритъ:—„иди, посмотри на мое житье-бытье". Иванъ вышелъ смотрѣть, разузнать житье-бытье, смотритъ вездѣ одежа, вездѣ богатство, а напослѣдокъ увидалъ столбъ стоитъ со многими гвоздями, на каждомъ гвоздѣ человѣческая голова, два гвоздя еще свободны, „это видно для меня и для Настасьи", и сталъ онъ печалиться.

Ракъ-Молодецъ.

Въ старыя времена жилъ былъ крестьянинъ съ женою. У нихъ не было ни сына, ни дочери. И постарѣли они, ни сѣна, ни дровъ ужъ возить не могутъ. Старуха стала говорить: „ты старикъ иди, найди кормильца, сына ли дочь". Старикъ думаетъ: „куда идти, кого стану искать". Старуха сильно посылаетъ. Старикъ сталъ собираться; одѣлся, взялъ палку въ руки и спустился къ рѣкѣ, по берегу зашагалъ онъ. Тутъ ракъ къ нему оборотился: „ты куда старикъ идешь?— Я иду кормильца искать, быть можетъ гдѣ-нибудь найду, сына или дочь". А ракъ говоритъ: „меня бери за сына". А старикъ промолвилъ: „гдѣ ты и кто?—„Я здѣсь, между камнями—ракъ". Старикъ пошелъ къ нему: „изъ тебя какой ужъ кормилецъ изъ рака?" Ракъ говоритъ: „бери меня, до самой смерти буду кормить, поить и въ могилу отправлю въ гробѣ". Старикъ взялъ его въ руки и снесъ домой къ старухѣ. „Вотъ принесъ кормильца"—сталъ разсказывать и положилъ рака на приступокъ. Старуха пришла (взглянула) и плюнула на полъ—„тьфу, ты! Принесъ кормильца!" Ракъ говоритъ: „не бойся, старуха, я тебя до старости прокормлю (буду кормить, поить)". Наступилъ вечеръ. Старикъ со старухою поужинали, кое-что еще было. Ракъ сказалъ: „теперь ложитесь, спите". Старикъ со старухой уснули. Ракъ всталъ, упалъ на полъ—вышелъ прекрасный молодецъ. Вышелъ на улицу на крыльцо и закричалъ: „Тетки, мамки, мои крестьяне, служите мнѣ службой". Пришелъ къ нему народъ: „что тебѣ хозяинъ нужно?—Старику со старухой полный сарай сѣна навозить, подъ окно—дрова, ушатъ наполните водой". Старикъ со старухою проснулись, старуха говоритъ: „печку надо топить, поди сходи за дровами". А ракъ говоритъ: „только принеси, дровъ довольно подъ окномъ". Старикъ—вышелъ на улицу—испугался, такъ много дровъ, и въ сараѣ—полонъ сарай сѣна, посмотрѣлъ въ ушатъ—онъ полонъ воды. И всякую всячину, и муки онъ нашелъ. Ракъ говоритъ: „меня не бойтесь, ты стряпай старуха". Потомъ пообѣдали они и раку положили кашицы, и онъ съѣлъ немного. „Теперь иди, старикъ, къ царю свататься". Старикъ боится идти. „Иди—и только". Старикъ взялъ палку и отправился къ царю: пришелъ, вошелъ во внутрь и сѣлъ у порога дверей, и тамъ цѣлый

день сидѣлъ. Сказать то ничего не смѣетъ. Царь увидалъ и спросилъ: „ты что тутъ сидишь, старикъ?“ Старикъ говоритъ: „у меня есть сынъ, я пришелъ сватать за него твою дочь“. Царь отвѣчаетъ: „если службу сослужишь мнѣ, дѣвушку выдамъ, а если службу не исполнишь, голову отрублю“. Старикъ испугался и спросилъ какая же служба?

„Я вотъ какую службу дамъ: пусть отъ твоего дома до моего желѣзный мостъ въ одну ночь сдѣлаютъ съ мѣдными перилами. Если твой сынъ сдѣлаетъ, я дѣвушку выдамъ за него, не исполнитъ— голову отрублю.“ Старикъ взялъ палку и домой отправился; печальный все время онъ домой вернулся и сталъ говорить: „сынъ мой, ракушка, твоя и моя голова пропали“. Задачу онъ далъ исполнить: въ одну ночь съ мѣдными перилами отъ его дома велѣлъ желѣзный мостъ построить“. Ракъ отвѣтилъ: „этой службы не бойся, что будетъ впереди. Ложитесь и спите“. Старикъ со старухой легли спать. Ракъ опять упалъ на полъ и оборотился въ красиваго молодца. Опять вышелъ на крыльцо. „Тетки, матки, мои крестьяне! служите службу!“ Пришло къ нему тьма народу. „Что тебѣ нужно, хозяинъ?—Постройте мнѣ желѣзный мостъ съ мѣдными перилами“. Сдѣлали живо въ одну ночь хорошій мостъ. Ракъ вошелъ въ избу, ударился о полъ, легъ въ блюдце. „Старуха, вставай, стряпай, дѣлай“. Старуха встала. Варила, пекла. Отобѣдали. Старикъ опять пошелъ свататься. „По мосту и иди.“ Старикъ не посмѣлъ по мосту идти, онъ шелъ возлѣ, на палку упираясь. Пришелъ къ царю. Вошелъ и царь, опять спрашиваетъ: „что старикъ?--Сынъ послалъ меня сватать твою дочь. Служба мной исполнена.“ Царь вышелъ, осмотрѣлъ мостъ и ему очень красивымъ показался онъ. Вошелъ обратно къ себѣ: „если сослужишь службу—я выдамъ дочь мою.“ Старикъ спрашиваетъ: „какая служба?—Возлѣ моего дому безъ фундамента, безъ опоръ на воздухѣ церковь была бы, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьяконъ пѣли. Если не сдѣлаешь—голову отрублю“. Старику опять стало весьма печально; взялъ онъ палку и собрался идти. „Охъ, ракушка, ты мой, головы у обоихъ спадутъ, приказалъ на воздухѣ церковь построить, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли.—Ложитесь, спите, исполнимъ“. Старики и легли и уснули. Ракъ бросился на полъ, молодцемъ сталъ прекраснымъ, на крыльцо вышелъ. „Тетки, матки“, крикнулъ онъ, „службу служите: въ одну ночь постройте храмъ безъ опоръ, на воздухѣ, безъ веревки съ неба, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли“. Они все исполнили. „Старуха, вставай, вари, пеки, корми старика“. Отобѣдали. „Иди сватать царевну. По мосту иди“. Старикъ идетъ по мосту, голову опустивши. Пришелъ къ царю, сталъ смѣлѣе. „Я службу сослужилъ“. Царь думаетъ, что это за человѣкъ? Онъ сказалъ: „дѣвицу я выдамъ, но третью службу исполни: пусть на лугу пророетъ озеро, въ озерѣ рыбы, на берегу рыболовы чтобы были и удочкою удятъ, и сѣтями ловятъ, и вetелемъ имаютъ рака. И кормятъ рыбою царство и денегъ не берутъ. Кругомъ озера садъ, въ саду птицы поютъ. Если все это сдѣлаетъ—выдамъ дѣвицу.“ Старикъ поклонился и отправился къ дому. Пришелъ, разсказываетъ раку: „Вотъ какую службу велѣлъ исполнить“ (и старикъ разсказалъ). Ракъ промолвилъ. „не печалься, ложись да спи“. Молодцемъ онъ

вышелъ на улицу. „Тетки, матки“—кликнулъ. Тѣ пришли и, все, что было сказано, исполнили. На другой день старика ракушка опять посылаетъ свататься. „Иди по мосту“.—„Я опять пришелъ сватать твою дочь-царевну. Служба кончена“. Царь вышелъ, разсмотрѣлъ и весьма удивился. Звалъ на свадьбу: „пусть прiѣдетъ въ телѣгѣ безъ лошади, по дорогѣ, что бы свадьба состояла изъ разнаго люда“. —Ушелъ, разсказалъ. „Ложись, спи“, говоритъ ракъ, „завтра пойдемъ на свадьбу“. Ночью приготовлена была свадьба. Старуха пекла. Какъ царь сказалъ, такъ и сдѣлали, красиво и прiятно. Сѣли на телѣги и отправились по собственной дорогѣ. Прiѣхала свадьба, царь вышелъ и встрѣчаетъ. Женихъ-ракъ на блюдечкѣ, крестная несетъ его. Свадьба сѣла за столъ. Невѣста спрашиваетъ, гдѣ же нашъ женихъ? Крестная показываетъ—вотъ нашъ женихъ. Невѣста не хочетъ выйти. Царь сказалъ: „я далъ царскiй обѣтъ, хотѣлъ выдать, отказаться не можно. Невѣсту посадили. Женихъ тутъ же сѣлъ на блюдечкѣ, хвостомъ лап-лап- дѣлаетъ невѣстѣ. Вышли и обвѣнчались. Крестная на блюдечкѣ кругомъ водила жениха. Потомъ вошли въ царскiй домъ пировать. Ракъ ни вина, ничего не проситъ; кое-что положили ему на блюдечко—изъ блюдечка онъ ѣстъ. Но наконецъ уложили ихъ послѣ пира. И стала жена разспрашивать: „ты какою силою можешь дѣйствовать, ты вѣдь не все же ракъ?—Да, нѣтъ“. И онъ очень красивымъ молодцемъ сталъ, ей показался, и ей такъ любо, такъ радостно. На другой день утромъ встали, ракъ опять свое платье надѣлъ. Наступилъ день, дочь стала разсказывать матери, восхищаться, „очень“, говоритъ, „красивъ, такого молодца въ нашемъ царствѣ нѣтъ“. Мать совѣтуетъ: „ты ночью платье то рака въ печку брось“—такъ учитъ свою дочь. Легли вторую ночь спать, ракъ свое платье не снимаетъ, а баба велитъ „ты не спи въ этой одеждѣ;“ онъ говоритъ: „если я сниму, ты въ печку бросишь мое платье“. Она говоритъ „я не брошу“. Но онъ и снялъ платье и уснулъ. Молодая взяла, да въ печку и бросила. Когда онъ проснулся сталъ искать платье свое. „Я“, говоритъ жена, „въ печку бросила его.— Ты мое платье бросила, сколько я трудился, стремясь къ тебѣ, столько же ты потрудишься, когда меня будешь искать“. Онъ вынулъ клубокъ шелку и далъ своей женѣ. „Я, говоритъ, теперь и пойду отъ тебя ночью; этотъ клубокъ брось, куда онъ будетъ катиться, туда и иди за мною“.

Тогда онъ вышелъ и исчезъ.

Стало свѣтло у Бога и дочь стала разсказывать матери со слезами на глазахъ: „онъ убѣжалъ отъ меня, ты велѣла бросить въ печку его платье. Давай мнѣ теперь котомку, я побѣгу за нимъ“. Надѣла котомку и вышла изъ дому, выбросила клубокъ, онъ сталъ катиться впереди ея; она пошла за нимъ вослѣдъ. Клубокъ укатился къ морю и въ него вошелъ. Она тамъ сидѣла и плакала, и пустилась въ море вбродъ. Какъ только вода стала выше головы— тогда улица открылась. Клубокъ виднѣется въ водѣ. Она и идетъ въ водѣ за клубкомъ, и цѣлый день шла до вечера; къ вечеру одинъ домъ показался, клубокъ вкатился въ этотъ домъ и она за нимъ вошла. Тамъ внутри одинъ старикъ сидитъ. „Куда собралась

Марфида-царевна?—Я вотъ иду мужа своего искать, я съ нимъ обвѣнчалась, но онъ убѣжалъ.—Ахъ, зачѣмъ же ты платье его бросила въ печку, если бы еще одну ночку потерпѣла, онъ не сталъ бы болѣе носить платье рака, онъ отправился въ другое царство, на другой невѣстѣ жениться". Старикъ далъ Марфидѣ гребень; „ты когда придешь къ невѣстѣ, гдѣ пируютъ, войди туда, садись на порогѣ, да и чеши свои волосы, тогда твои волосы будутъ золотые, невѣста тогда захочетъ купить твой гребень, а ты на деньги не продавай, а проси жениха на одну ночь". Она вышла оттуда и пошла дальше..

Второй вечеръ одинокій домъ опять показался, туда вкатился клубокъ. Въ домѣ опять живетъ одинъ старикъ. Спрашиваетъ онъ: „куда путь держишь царевна? Она разсказала—за мужемъ она идетъ, который убѣжалъ. Старикъ сталъ браниться—зачѣмъ платье мужа въ печку бросила? Ужиномъ накормилъ, а утромъ завтракомъ и на дорогу далъ полотенце. „Они другой день будутъ пировать, ты туда и приходи, полотенцемъ завяжи глаза, ты какъ только имъ завяжешь глаза, всѣ чудеса земли открыты станутъ и видны тебѣ сквозь полотенце. Невѣста будетъ говорить—глаза болятъ у красивой дѣвушки,—ты ей дай полотенце, на посмотри, скажи. Она возьметъ на руки и завяжетъ глаза и всѣ чудеса земли увидитъ сквозь него. Купить захочетъ—продай это полотенце—денегъ мнѣ не нужно, ты скажи, дай жениха на вторую ночь, и она дастъ". Марфида опять ушла отъ этого старика. Шла, шла, въ третій день увидала опять одинокій домъ. Она вошла туда. Тамъ женщина сидитъ, крестная мужа. Она стала бранить царевну—зачѣмъ платье мужа бросила въ печку? Она накормила ея ужиномъ, утромъ завтракомъ. На дорогу даетъ царевнѣ скатерть. „Ты приди въ третій разъ подъ окно, растели эту скатерть, у тебя будетъ много явствъ и напитковъ. Она увидитъ изъ окна, выйдетъ къ тебѣ и захочетъ купить, ты на деньги опять не продавай, проси жениха на третью ночь, если согласишься—дамъ это". Послѣ этого царевна ушла оттуда. Крестная сперва дала ей мѣдные сапоги, мѣдную шляпу, желѣзную клюку. „Не подойдешь ты пяти верстъ до царства, увидишь на дорогѣ горящіе угли ты клюкой очищай себѣ дорогу. Шляпу на голову надѣнь, сапоги на ноги". Она ушла. Пяти верстъ не дошла—частые огненные угли стали попадаться на дорогѣ, она съ трудомъ прошла это мѣсто. Вотъ въ царствѣ у вдовы она остановилась, стала разспрашивать когда свадьба. „Завтра будетъ, завтра пиръ". Утромъ на другой день царевна пошла къ царю, возлѣ дверей у порога сѣла, сидѣла, взяла изъ кармана гребень и стала волосы свои чесать. Волосы стали золотыми. Невѣста увидала, попросила посмотрѣть гребень. „Что же это, твои волосы стали золотыми, дай я почешусь". И у ней стали волосы золотые. Пожелала она купить гребень: „продай мнѣ, три горшни золота дамъ,—мнѣ золота не нужно, мнѣ дай жениха на одну ночь". Она согласилась уступить жениха" и уступила его. Легли спать. Мужъ царевны не сказалъ ни одного слова. Она встала и съ рыданіемъ ушла къ себѣ домой. Поскорѣе полотенце захватила, да опять пошла къ царю. Глаза повязала и невѣста опять говоритъ: „какая красивая дѣвушка, а глаза болятъ". Она дала не-

вѣстѣ полотенце—на, посмотри. Та взяла, завязала себѣ глаза и увидала вдругъ всякаго звѣря, всякую птицу, все, что на землѣ все было видно черезъ него. Она пожелала купить это полотенце: „продай мнѣ, сколько хочешь, столько и бери золота“. Марфида не соглашается; „жениха дай на одну ночь“. И дала ей полотенце за жениха. Вечеромъ опять легли спать, она опять стала умолять, но мужъ не сказалъ ни слова. Эта вещь опять потеряна. Рано утромъ она ушла къ себѣ на квартиру, взяла скатерть, опять ушла къ царскому дому, подъ окномъ разостлала скатерть и стало тутъ у ней всякія явства и напитки. Невѣста, царская дочь, это опять увидала изъ окна, и вышла къ Марфидѣ на улицу. „Что у тебя это такое?“ Та скатерть сложила и ничего не стало, раскрыла—все опять появилось. Царская дочь—невѣста пожелала купить: „сколько угодно золота бери“. Та не соглашается: „жениха опять уступи на одну ночь“. Невѣста согласилась. Вечеромъ уложили. Третью ночь стали спать. Она опять стала звать мужа, наконецъ онъ откликнулся. „Ты завтра встань и пойди, а я попирую, да за тобой приду“. Спали и и проснулись. Мужъ остался пировать, а она къ себѣ домой пошла, взяла котомку и отправилась путемъ-дорогой, и въ одинъ день пришла къ своему царю. Черезъ часъ и мужъ явился, онъ убѣжалъ оттуда. Царю съ царицей стало очень любо. Только теперь онъ сталъ настоящимъ мужемъ царевны. И пошли они къ старику со старухой. Призвалъ своихъ работниковъ и велѣлъ построить домъ похожій на царскій, а старика со старухой взялъ къ себѣ. Царь съ царицей пришли пировать. Пировали, миловали, и понынѣ живутъ.

Простакъ.

Жили были старикъ со старухой и имъ принесли тайно быка. Купить имъ было не на что. Старики держатъ быка на травѣ, которую руками рвали. Такъ растили его до пяти лѣтъ. Старикъ со старухою стали разговаривать:—дай, продадимъ быка и купимъ крестьянское обзаведеніе.—На базаръ пошелъ старикъ и продалъ быка за 50 руб. У него не было мѣста для денегъ, такъ онъ былъ бѣденъ, и деньги несъ въ рукѣ. На встрѣчу попался ему мужикъ.

— Куда ходилъ?

— Быка продалъ. Вотъ взялъ 50 руб., да некуда положить.

— У меня есть кошелекъ, можно въ него положить.

— Ты много вѣдь, поди, просишь за него?

— Я прошу 10 руб., кошельки дорогіе.

Старикъ купилъ и на шею повѣсилъ. Къ дому онъ идетъ. Ѣдетъ мужикъ на встрѣчу въ телѣгѣ и спрашиваетъ:—куда ходилъ?

— Я на базарѣ быка продалъ, получилъ 50 руб., купилъ кошелекъ за 10 руб. Думаю купить крестьянское обзаведенье. Одну штуку ужъ купилъ.

— Не купишь моей телѣги?

— Ты, поди, вѣдь много запросишь?

— А рублей десять-то попрошу. Это вѣдь хорошая штука, на ней что угодно можно везти, хоть лошадку повезешь на себѣ.—Че-

ловѣкъ купилъ телѣгу. Онъ сталъ тащить телѣгу. Быть можетъ, версты двѣ или три тащилъ. Мужикъ на встрѣчу барана тащитъ, обуздавши.

— Не обмѣняемся ли телѣгой и бараномъ,—говоритъ мужикъ.

— Ты, поди, много добавки просишь?

А баранъ былъ хорошій. Старикъ прибавилъ пять рублей.

У него осталось двадцать пять руб. Завязалъ барана къ поясу и отправился далѣе онъ. Баранъ не идетъ, его мучитъ. Версты двѣ прошелъ онъ. Мужикъ пѣтуха несетъ, взявши въ охапку.

— Не станемъ ли обмѣниваться бараномъ и пѣтухомъ?

— Ты захочешь, поди, много прибавки.

— Пять рублей прошу.

Они обмѣнялись. Пѣтуха старикъ несетъ на рукахъ. А мужикъ на встрѣчу съ серпомъ:

— Это хорошая вещь, все рѣжетъ, траву хорошо снимаетъ.— И тутъ старикъ прибавилъ пять руб. Серпъ колется.—Это еще голову сниметъ,—думаетъ старикъ. А на встрѣчу мужикъ брусъ несетъ.—Не обмѣняемъ ли серпъ на брусъ? обмѣняемъ, прибавь всѣ деньги, я тебѣ сдачи дамъ три монеты по двѣ коп.—Идетъ старикъ, брусъ въ рукахъ несетъ. Брусъ тяжелый. Передъ нимъ озеро, на озерѣ утки.—Дай-ко, брусомъ брошу въ утку, да женѣ гостинецъ принесу изъ базара.—Прицѣлился онъ и бросилъ. Не попалъ, а брусъ въ озеро пошелъ. Старикъ бросилъ портки и пошелъ въ озеро вбродъ, но мокнетъ рубашка, онъ вернулся на берегъ и снялъ рубашку. И опять бросился въ озеро. Ноги не достаютъ, тамъ глубоко. И сталъ онъ тонуть, и поскорѣе выпрыгнулъ на берегъ.—Я, говоритъ, отъ смерти убѣжалъ. И сталъ тутъ удивляться. Ѣдутъ на тройкѣ.

— Ты что тутъ удивляешься?—спрашиваютъ купцы.

— Ты куда ходилъ?

— Я былъ на базарѣ, быка продалъ, денегъ выручилъ 50 руб.— и дальше все разсказалъ.—Если ты такъ торговалъ, жена плюнетъ на тебя.—Старикъ говоритъ:—три раза поцѣлуетъ.—Старикъ у купцовъ купилъ калачъ и держалъ закладъ съ купцами: Если на меня плюнетъ, мы со старухою будемъ служить вамъ всю жизнь, если поцѣлуетъ, вы дайте весь товаръ.—На этомъ били закладъ. Пошли домой, къ старику зашли всѣ. Баба удивляется, что мужикъ товаръ везетъ. Тѣ разсказали. Баба поцѣловала три раза старика. Купцы товаръ оставили у старика.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ. Онъ все молился Николаю Угоднику, чтобы онъ далъ ему богатства. Николай Угодникъ тоже не можетъ дать богатства, онъ обращается къ Господу, чтобы дать бѣдному мужику денегъ. Господь сказалъ: „если ты дашь ему богатства, онъ трижды тебя побьетъ“.—Пусть побьетъ, всетаки дадимъ. „Хорошо“, сказалъ Господь. Мужику повезло, онъ сталъ богатъ. Разъ Николай Угодникъ и Господь куда-то шли. Дошли они до дому богатаго мужика и стали стучаться въ двери. Богатый сказалъ: „если будете мнѣ молотить, пущу васъ ночевать—Будемъ“, отвѣтили странники и были пущены въ избу. Ихъ помѣстили какъ-то на го-

лубцѣ. Рано утромъ мужикъ сталъ будить ихъ и посылать на молотьбу. Странники что то замѣшкались. Богатый пришелъ ярый и поколотилъ Николая Угодника, который лежалъ съ краю на голубцѣ. Странники все еще не встали, и говорили: „мы сейчасъ обуемся и придемъ“. Немного погодя мужикъ, видя, что никого нѣтъ на гумнѣ, опять прибѣжалъ къ странникамъ и снова побилъ Николая Угодника, спавшаго съ краю на голбцѣ. Послѣ этого Господь сказалъ: „ложись, Никола, на мое мѣсто, иди внутрь, а то тебя опять побьютъ“. Господь легъ теперь съ краю. Мужикъ ждетъ не дождется, молотить нужно. Въ гнѣвѣ прибѣжалъ онъ и сказалъ: „теперь я побью другого, лежавшаго внутри, и опять поколотилъ Николая Угодника. Господь это зная, потому и сдѣлалъ такъ, онъ знаетъ наши мысли. „Вотъ тебѣ, говорилъ я“, сказалъ Господь. Послѣ этого они вышли на гумно. Господь зажегъ солому спичкой съ конца и вся солома сгорѣла, а зерна, какъ вылиты, остались въ цѣлости на гумнѣ. „Какъ они славно молотятъ“, сказалъ мужикъ, „мнѣ бы такихъ работниковъ побольше“. Странники ушли. На другой день богатый мужикъ самъ зажегъ солому на гумнѣ, чтобы такимъ легкимъ способомъ извлечь зерна изъ колосьевъ. Огонь усилился. Вся солома разгорѣлась, отъ соломы огонь перескочилъ на скирды, отъ нихъ къ овину, отъ овина на домъ мужичка. Все, что было—сгорѣло и мужикъ сталъ бѣднымъ, какъ прежде.

Другой жилъ мужикъ, тоже бѣдный и молился Ивану Богослову, прося у него зажиточности. Иванъ Богословъ далъ ему ящикъ съ золотомъ и сказалъ: „отдавай, кто проситъ у тебя взаймы, даютъ обратно—бери, нѣтъ—такъ оставляй,—у тебя деньги всегда будутъ“. Мужикъ исполнилъ все то, что сказалъ Иванъ Богословъ и былъ богатъ онъ весьма. Онъ умеръ въ старости, потому что и богатые умираютъ, и попалъ въ темное мѣсто, гдѣ холодно и темно—тамъ масса народу живетъ въ нуждѣ и въ бѣдствіяхъ. Мужикъ пошелъ по дорогѣ отъ этого мѣста, по дорогѣ, идущей въ рай. Онъ идетъ и спрашиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ: „куда эта дорога?“ Ему отвѣчаютъ—въ рай. Шелъ, шелъ и дошелъ онъ до рая. У дверей его остановили: „ты не можешь войти въ рай, лицо твое черно и грязно, потому что ты въ церковь не ходилъ“.—„Мнѣ объ этомъ не было сказано“, отвѣчаетъ мужикъ, „я все сдѣлалъ и такъ, что и какъ мнѣ велѣлъ Иванъ Богословъ“. Вызвали Ивана Богослзва, который подтвердилъ слова мужика. Мужикъ послѣ этого былъ пущенъ въ рай. Бываетъ же, что и Угодники не правильно скажутъ.

Тювӧ.

Я жилъ съ женою въ работникахъ у Тювӧ. Графъ пріѣхалъ изъ Питера, въ крытой лодкѣ. Безъ спросу огонь развели на берегу. Время было очень жаркое. Дядя (тювӧ) спустился къ рѣкѣ, на берегу дымъ идетъ. „Кто такой развелъ огонь?“ Спустился Тювӧ и спросилъ громкимъ голосомъ—„кто дозволилъ развести огонь?“ Графъ

вышелъ изъ лодки. „Залейте огонь водой“. Поднялся онъ къ старику. „Извините, старичекъ, мой работникъ развелъ огонь. У васъ какіе встрѣчаются здѣсь руды?—Да, встрѣчаются, я самъ собралъ“. Тювö далъ графу, тотъ увезъ съ собой.

Поднимались (вверхъ по рѣкѣ) искатели рудъ—руды искать. Роются буравомъ, руду ищутъ. Нашли какъ ребенка изъ камня, изъ мѣди, изъ руды. Потомъ положили на бѣлое полотно, на ноги поставили. „Намъ“, говорятъ, „добро будетъ“. Потомъ утромъ рано встаютъ, того и нѣтъ. Потомъ и сами стали думать—это видно горный хозяинъ. Буравомъ долго еще искали, да ужъ и не увидали. Это былъ хозяинъ рудъ. Словно человѣкъ, съ руками и ногами. Мнѣ это отецъ разсказывалъ, 70 лѣтъ тому назадъ.

Радуга—öшка-мöшка пьетъ воду изъ рѣки; „каленикъ—огненная птица, которая собираетъ земныхъ птицъ въ стаи, чтобы онѣ улетѣли на югъ, на зимовку“.

Кумъ-шкотъ.

Купецъ сталъ кумомъ сатаны и далъ ему рукопись. Весьма они были дружны и гостили часто другъ у друга. Сатана показывалъ ему всѣ свои владѣнія въ аду, кумъ-шкотъ только его не показывалъ. Жили были годъ и другой, намъ неизвѣстно сколько. Сатана разъ сдѣлалъ перекличку своему народу и спрашиваетъ каждаго: ты что добраго сдѣлалъ? Говоритъ одинъ: при свадьбѣ всѣ передрались—я это устроилъ. Сатана улыбнулся. У него есть законная книга; онъ говоритъ: „на свадьбѣ въ теченіе 8 дней нѣтъ грѣха, чтобы они не сдѣлали“. Другой говоритъ—„я 30 лѣтъ не могъ соблазнить одного человѣка, который живетъ въ кельѣ. „А ты отчего пробылъ тамъ столько времени и не пошелъ къ другому. Идите бросьте его въ Кумъ-шкотъ“. И его начали тащить, а онъ молиться: батюшка ты не веди меня въ Кумъ-Шкотъ. Сатанѣ стало жаль: „ну, не надо его вести“. Его поставили между двумя рядами чертей и били его свинцовымъ прутикомъ и говорили: „такъ долго безполезно не трудись“. Потомъ сатана опять книгу открылъ и спрашиваетъ слѣдующихъ. Является бѣсъ и говоритъ: я хорошее сдѣлалъ.—Разсказывай. „Я соблазнилъ царскую дочь и довелъ ее до того, что она стала ѣсть по три человѣка въ сутки и стала неисправима“. Сатана далъ ему большой чинъ за такое дѣло.—„Положимъ, говоритъ сатана: исправить ее можно—въ такой то церкви есть такая то псалтирь и свѣча тамъ есть; если бы трои сутки читать эту псалтирь съ этой свѣчкой, то исправилась бы—какъ говоритъ законъ“. Купецъ все это видѣлъ и слышалъ, и раздумался. Его поразилъ кумъ-шкотъ, что такъ отъ него всѣ отказывались. „Дай говоритъ, спрошу у своего кума, что это такое. „Что же это, кумъ, ты не показалъ мнѣ этого кумъ-шкота, можно показать его, или нѣтъ?—Какъ же нельзя, ко-

нечно, можно. Они отправились и вошли въ кумъ-шкотъ, отперли замокъ. Очень свѣтлая горница открылась имъ, оклееная шпалерами съ большими окнами, а постель постлана красивая высокая перина. Купецъ говоритъ: „можно мнѣ здѣсь отдохнуть“?—Можно.— Купецъ легъ (а сатана ушелъ въ другую комнату) и сталъ опять думать, тѣмъ болѣе, что сатана, уходя въ другую комнату, сказалъ: „умрешь, такъ и будешь жить въ этомъ веселомъ мѣстѣ“. „Это что-то не ладно, думаетъ купецъ, а у него была съ собой игла, ею онъ проткнулъ постель и смотритъ что-то блеснуло тутъ, онъ отверстіе увеличилъ, а тамъ народъ кричитъ въ смолистомъ огнѣ, вертятся, „ой горе, горе“, кричатъ. Купецъ испугался;—вотъ внизу то и есть мое мѣсто, думаетъ. Онъ вошелъ къ своему пріятелю. Ну, что каково, тотъ спросилъ.—А очень хорошо, въ такомъ веселомъ мѣстѣ отрадно быть и сталъ просить рукопись, обѣщая принести новую вмѣсто этой старой. Сатана возвратилъ, но какъ только купецъ ушелъ, сатана догадался. А купецъ возвратился и подъ окнами крикнулъ: „всѣ бѣгите изъ дому“, а самъ шелъ, шелъ и дошелъ до кельи, въ которой жилъ монахъ; онъ попросился ночевать у него. Солнце стало заходить, они заперли всѣ двери съ молитвами, съ заходомъ солнца зажгли свѣчи и стали молиться Богу. Тогда кругомъ кельи набѣжала толпа бѣсовъ и чертенятъ, такъ что келья дрожала вся и они кричали всю ночь: дай намъ человѣка, но лишь только запѣлъ пѣтухъ,—ихъ власть исчезла. Потомъ монахъ и говоритъ: больше я тебя держать не могу—иди къ другому. Онъ ушелъ къ другому монаху. Наступилъ опять вечеръ, по его просьбѣ тотъ впустилъ его ночевать, какъ солнце стало спускаться, заперли всѣ двери съ молитвами, а съ заходомъ солнца открыли книгу и стали читать. Потомъ туда бѣсы собирались да собирались, вдвое больше, чѣмъ вчера, но на сажень уже не могли подойти они къ кельѣ. Они опять кричатъ: дай намъ человѣка, а тѣ молятся. Такъ продолжалось всю ночь до пѣтуховъ. Потомъ монахъ говоритъ: не могу дольше тебя держать. Купецъ отправился впередъ и опять пришелъ къ такому же монаху, попросился ночевать, тотъ впустилъ его. При заходѣ солнца они съ молитвами заперли двери, зажгли свѣчу, стали читать книгу и молиться. Опять нахлынуло бѣсовъ, быть можетъ впятеро больше и все говорятъ: „дай намъ нашего человѣка!“ Но они на 10 саж. не могли приблизиться къ кельѣ. Пѣтухъ запѣлъ и они ничего не могли взять. Монахъ сталъ разсказывать: „наша царевна по три человѣка съѣдаетъ въ сутки“, купецъ же говоритъ ему: „въ такомъ то мѣстѣ есть псалтирь и если бы 3-ое сутокъ читать ее со свѣчей, она исправилась бы“. Потомъ монахъ и купецъ пошли къ царю, ему доложили и царь ихъ принялъ. Такъ и такъ, дескать царевна ѣстъ людей. Купецъ сталъ разсказывать, что есть книга, которую, если читать со свѣчей безпрерывно, она де исправится. Свѣчу заказали, книгу нашли. Монахъ вошелъ при солнцѣ къ царевнѣ. Онъ исполнилъ все то, что говорилъ купецъ, и царевна выздоровѣла.

К. Жаковъ.

ОТДѢЛЪ III

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

П. И. Якобій. Вятичи Орловской губерніи. Изслѣдованіе. Съ предисловіемъ пасторa *Я. Гурта* и указателями. С.-Петербургъ. 1907. Стр. XI+196+XLIX. (Записки Императ. Русск. Географ. Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ XXXII).

Книга снабжена собственно двумя предисловіями, изъ коихъ одно, Секретаря Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О., *Ѳ. Щербатского*, носитъ, такъ сказать, офиціальный характеръ, сообщая внѣшнюю исторію появленія въ свѣтъ изслѣдованія д-ра Якобія. Изъ этого предисловія мы узнаемъ, что трудъ г. Якобія, по постановленію Отдѣленія, былъ переданъ на просмотръ проф. П. И. Меліоранскому для отзыва о тюркской части матеріаловъ, положенныхъ г. Якобіемъ въ основаніе его изслѣдованія, и д-ру Гурту—для отзыва о финской ихъ части. Не отрицая того, что трудъ г. Якобія „заключаетъ въ себѣ богатый и интересный лингвистическій матеріалъ“, и высказавшись, поэтому, за желательность напечатанія его въ „Запискахъ“ Общества, „оба спеціалиста отмѣтили свое несогласіе съ нѣкоторыми пріемами и результатами работы д-ра Якобія“, но, къ сожалѣнію, не успѣли, за смертью, выполнить своихъ обѣщаній: Меліоранскій—дать подробный отзывъ и примѣчанія, а д-ръ Гуртъ, приславшій краткій письменный отзывъ,—дать также и примѣчанія, и книга г. Якобія выпущена въ свѣтъ съ однимъ лишь отзывомъ д-ра Гурта.

До сихъ поръ въ наукѣ господствовало мнѣніе, что вятичи вообще и, въ частности, вятичи Орловской губерніи были славянскимъ племенемъ. Д-ръ Якобій въ своемъ изслѣдованіи старается опровергнуть это установившееся мнѣніе и доказать, что, по крайней мѣрѣ, вятичи Орловской губерніи принадлежатъ къ финно-угрскому племени.

„Указанныя авторомъ этнологическія черты вятичей—говоритъ д-ръ Гуртъ—представляютъ во многомъ поразительное сходство съ первобытными чертами характера финно-угрскихъ племенъ. Въ равной степени и характерныя свойства говора, отмѣченныя авторомъ, приближаютъ говоръ Вятичей къ финскому языку. Также и въ области исторіи, отношенія Вятичей къ ихъ русскимъ завоевателямъ напоминаютъ отношенія западно-финскихъ племенъ (напр. Ливонцевъ и Эстовъ) къ ихъ покорителямъ нѣмцамъ. Даже въ религіи, у племенъ изслѣдуемой области замѣчается появленіе сектъ аналогичныхъ тѣмъ, какія наблюдаются у западныхъ финскихъ племенъ, у Суомифинновъ и у Эстовъ". Словомъ, „совокупность историческихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ данныхъ, на которыя онъ (д-ръ Якобій) опирается, достаточно убѣдительна и вполнѣ оправдываетъ высказанное авторомъ мнѣніе". Факты и посылки, приведенные д-ромъ Якобіемъ изъ области психіатріи и медицины, д-ръ Гуртъ, какъ не посвященный въ эти науки, не могъ провѣрить и потому совершенно оставляетъ ихъ въ сторонѣ, довольствуясь „совокупностью" вышеуказанныхъ данныхъ. Впрочемъ, цѣнность данныхъ лингвистическихъ д-ръ Гуртъ значительно подрываетъ какъ своими частными замѣчаніями, такъ еще болѣе категорическимъ общимъ утвержденіемъ: „авторъ лишь весьма поверхностно знакомъ съ финскими говорами", прибавляя, что „ученый, предпринимающій лингвистическое изслѣдованіе, не усвоивъ основательно тѣ нарѣчія, которыя имъ изслѣдуются, ставитъ себя въ невыгодное положеніе", и что, поэтому, неудивительно, если „финнологамъ неоднократно придется возражать автору и оспаривать нѣкоторыя его положенія" (предисловіе, V—VI).

Экскурсіи автора въ область тюркскихъ языковъ рѣже, но несомнѣнно, что и здѣсь авторъ держится тѣхъ же пріемовъ, какими онъ пользуется при экскурсіяхъ въ область финскихъ языковъ и какіе не вполнѣ одобрены даже такимъ снисходительнымъ критикомъ, какъ д-ръ Гуртъ. Остается пожалѣть, что для этой части работы д-ра Якобія у насъ не имѣется авторитетныхъ указаній спеціалиста-тюрколога.

Самъ авторъ, надо отдать ему справедливость, рекомендуетъ себя психіатромъ-этнологомъ и считаетъ съ своей стороны „большою смѣлостью высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ историко-филологическихъ". Мало того, для рѣшенія вопроса о расѣ вятичей, по мнѣнію самого автора (стр. 8—9), „простѣйшимъ было бы сдѣлать антропологическое изслѣдованіе населенія" и, „въ сущности, было бы болѣе характернымъ изслѣдованіе Калужской (губерніи), сохранившей большую (чѣмъ Орловская) индивидуальность и болѣе древній географическій onomasticon", но такого рода работу авторъ возлагаетъ на плечи мѣстнаго изслѣдователя, который можетъ сдѣлать ее и легче и полнѣе, а самъ, будучи „принужденъ замкнуться въ болѣе тѣсныя рамки", четыре пятыхъ своей книги удѣляетъ разсмотрѣнію географическихъ наименованій, — главнымъ образомъ, финно-угрскихъ,—т.-е. какъ разъ такой области изслѣдуемаго предмета, въ которой онъ отнюдь не можетъ считаться компетентнымъ въ силу весьма поверхностнаго, какъ сказано, знакомства съ финскими гово-

рами. Этимъ авторъ низводитъ свой трудъ на степень сборника сырого матеріала, изъ котораго ученымъ предстоитъ, по выраженію д-ра Гурта, „выдѣливъ и отбросивъ то, что будетъ признано несостоятельнымъ, включить остальное въ сокровищницу отечественной науки". Лишь при такомъ условіи, т.-е. при условіи использованія матеріала учеными спеціалистами, принятый авторомъ методъ изслѣдованія, состоящій въ тщательномъ анализѣ географическаго onomasticon'а страны, можетъ считаться, при научномъ изслѣдованіи расы жителей, „болѣе доказательнымъ, нежели даже антропологическія измѣренія" (стр. 138).

Сдѣлаемъ, съ своей стороны, нѣсколько частныхъ замѣчаній на разныя мѣста книги.

На стр. 8 авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Что Вятичи были славяне, въ этомъ согласны всѣ авторы безъ исключенія, и авторы даже предупреждаютъ, чтобы не смѣшивать ихъ съ Вотяками, руководствуясь грубой этимологіей, а извѣстно, что гораздо менѣе позорно поддѣлать вексель, чѣмъ принять въ соображеніе этимологію въ вопросахъ этнографіи или исторіи". Нельзя сказать, чтобы сравненіе автора было удачно, если не допустить, что оно имъ недосказано. Вѣдь рѣчь идетъ о грубой этимологіи, поддѣльной, ненаучной, основанной на „весьма поверхностномъ знакомствѣ" съ языками, и развѣ авторъ станетъ отрицать, что такая этимологія хуже поддѣльнаго векселя, такъ какъ вводитъ въ заблужденіе не одно какое-либо лицо, а весь читающій людъ? Если повѣрить, напр., автору, то суффиксъ *ще* въ русскомъ языкѣ „означаетъ или мѣсто, гдѣ что-то совершается (кладбище, стрѣльбище), или которое было прежде занято чѣмъ-нибудь, что болѣе не существуетъ (городище)" (стр. 29). Надѣюсь, что мною взятъ примѣръ изъ этимологіи, притомъ русской, наиболѣе знакомой автору. И что же, развѣ это не грубая, не поддѣльная этимологія, основанная на двухъ-трехъ подвернувшихся примѣрахъ или просто придуманная ad hoc? Спрашивается, какъ объяснить съ помощью такой „этимологіи" русскія слова: „днище" (отъ день и дно), „кнутовище", „топорище", „дружище" и пр. и пр.?

Авторъ отрицательно относится къ довольно вѣскому мнѣнію, что нѣкогда Орловская губернія дѣйствительно была заселена финскимъ племенемъ, но что впослѣдствіи финны были вытѣснены и замѣнены славянскими Вятичами, и что финскія имена рѣкъ сохранились отъ первоначальныхъ жителей. Ошибочность такого предположенія авторъ доказываетъ слѣдующими соображеніями: „...населенныя мѣста гораздо менѣе консервативны относительно своихъ именъ, *въ общемъ* они характеризуютъ расу не *населявшую когда-то, а населяющую въ данный моментъ* страну...; если города, какъ болѣе устойчивыя населенія [поселенія?], болѣе стойко удерживаютъ и имена, то этого уже никакъ нельзя сказать о деревняхъ; нѣтъ возможности предположить, чтобъ значительное число деревень получило свои имена отъ очень древняго племени, которое уже въ IX вѣкѣ было вытѣснено такъ радикально, что оставило только „пограничные рѣдкіе и слабые посты", и чтобы новое населеніе, совершенно другой расы и другого языка, приняло ихъ географическій onomasticon.

Поэтому имена деревень имѣютъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе доказательное значеніе, нежели имена городовъ, и даже рѣкъ" (стр. 39).

Приходится констатировать, что авторъ совершенно бездоказательно опровергаетъ гипотезу, имѣющую за собою фактическія основанія. Сошлюсь на примѣръ названій якутскихъ урочищъ (рѣкъ, еланей, горъ, мысовъ, озеръ),—названій, въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно чуждыхъ якутскому языку и не имѣющихъ въ немъ корней; общій голосъ изслѣдователей склоняется къ мнѣнію, что всѣ эти урочища носятъ названія прежнихъ обитателей, вытѣсненныхъ якутами; нѣкоторые (Л. Г. Левенталь[1]) категорически утверждаютъ, что среди якутскихъ названій мѣстностей много тунгусскихъ. Этотъ несомнѣнный фактъ идетъ въ разрѣзъ съ соображеніями автора и служитъ скорѣе подтвержденіемъ опровергаемой авторомъ гипотезы, а не наоборотъ, тѣмъ болѣе, что якутскія населенныя мѣста должны быть признаны гораздо менѣе устойчивыми, чѣмъ города и деревни, а потому, по автору, и менѣе стойко должны были удерживать сохранившіяся отъ первоначальныхъ обитателей имена урочищъ. Вообще, сохраненіе древнихъ географическихъ именъ новыми обитателями—столь естественное и распространенное явленіе, что нѣсколько страннымъ кажется желаніе г. Якобія доказать противное.

Не довольствуясь экскурсіями въ область финскихъ и тюркскихъ языковъ, авторъ для объясненія нѣкоторыхъ названій, не имѣющихъ въ мѣстномъ языкѣ ни корня, ни производныхъ, обращается и къ греческому языку на томъ основаніи, что „торговыя и всякія другія сношенія русскаго центра съ греческимъ міромъ не прекращались". Между прочимъ, „множество (вотяцкихъ) деревень имѣютъ составное имя, вторая составная часть котораго есть *пема* или *пеми*", а по начертанію академика Миллера—*пими*. Такъ какъ „*Пеми* нерѣдко произносится *перги*", то авторъ задается вопросомъ: „не слѣдуетъ-ли его сопоставить съ греческимъ πύργος—башня, крѣпость, крѣпостной валъ" (стр. 171). Нисколько не настаивая на предпочтительности своего сопоставленія, я считаю не лишнимъ отмѣтить, что, при чтеніи у автора даннаго мѣста, у меня въ памяти постоянно вертѣлось тюркское слово *пімі*—знакъ, клеймо, какъ болѣе сходное въ звуковомъ отношеніи съ занимающимъ автора словомъ и входящее въ область языка, съ которымъ автору больше приходилось имѣть дѣла для доказательства своего мнѣнія, чѣмъ съ греческимъ.

Этнографическій интересъ книги сосредоточенъ, главнымъ образомъ, въ остальной ея части и именно тамъ, гдѣ авторъ устанавливаетъ цѣлый рядъ сходныхъ признаковъ между теперешнимъ населеніемъ древней Вятичской земли и финскими инородцами русскаго сѣверо-востока. На основаніи общихъ личныхъ впечатлѣній и нѣкоторыхъ данныхъ изъ литературы предмета, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Общій habitus населенія настолько напоминаетъ вотяцко-пермяц-

---

[1]) См. Жив. Ст. 1907, вып. IV: Изъ Якутской старины, стр. 96.

кій типъ, что это бросается въ глаза съ перваго же взгляда...: специфическій финскій ротъ, финскія краски волосъ и кожи лица, рыжеватыя бороды, свинцовые глаза, вотяцкій habitus тѣла, та же походка, какъ бы крадущаяся, смягченіе звуковъ и *мульированіе* согласныхъ, смѣшиваніе согласныхъ *б*, *в* и *м*, избѣганіе двухъ согласныхъ въ началѣ словъ и вообще въ одномъ слогѣ, и т. д. Но сходство психологическое еще разительнѣе: абсолютная вѣра въ колдовство и его практикованіе, сохраненіе въ психикѣ рѣзкихъ слѣдовъ шаманизма, коммунальнаго брака, первобытнаго гетэризма, слабая семейная связь, половое значеніе ногъ и т. д.; наконецъ, большая склонность къ психическимъ заболѣваніямъ. Затѣмъ поразительное сходство женской одежды, одинаковое обозначеніе („*сорока*") столь странныхъ и своеобразныхъ женскихъ головныхъ уборовъ, фалоиднаго и рогатаго; страсть къ цвѣтнымъ вышивкамъ, занимающимъ иногда почти всю ткань женской одежды".

Значеніе этихъ наблюденій ослабляется вслѣдъ за симъ идущими словами самого автора: „Но, какъ и у вотяковъ, пермяковъ, вогуловъ, остяковъ, мы и здѣсь встрѣчаемъ—особенно бросилось мнѣ это въ глаза въ Карачевскомъ уѣздѣ—и черноволосыхъ и черноглазыхъ, часто съ тюркскимъ общимъ обликомъ. Въ общемъ должно сказать, что и физическіе признаки нынѣшняго населенія Вятской земли, и женская одежда его представляютъ поразительную аналогію съ нашими финскими инородцами, но представляютъ нѣчто среднее между вотяками и пермяками, съ одной стороны, мордвой и черемисами съ другой" (стр. 164).

Самымъ слабымъ изъ приведенныхъ авторомъ сходныхъ признаковъ кажется намъ сходство психологическое и еще болѣе сходство въ области фонетики; какъ то, такъ и другое легко можно отыскать у многихъ первобытныхъ племенъ нашего востока. Что касается физическихъ признаковъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что однихъ общихъ личныхъ впечатлѣній для рѣшенія вопроса совершенно недостаточно, что, впрочемъ, признаетъ и самъ авторъ.

Къ книгѣ приложено десять картограммъ, показывающихъ наглядно число и распредѣленіе душевно-больныхъ и кликушъ, а также распредѣленіе финскихъ географическихъ именъ по уѣздамъ Орловской губерніи, и три діаграммы, показывающія психіатрическую разницу между населеніемъ разныхъ уѣздовъ той же губерніи. Общій выводъ автора изъ собранныхъ имъ статистическихъ данныхъ состоитъ въ томъ, что „область распространенія финскихъ географическихъ именъ идентично совпадаетъ съ областью сильнаго распространенія душевныхъ заболѣваній вообще и кликушества въ частности" (стр. 178).

Примѣчанія и сноски съ указаніемъ источниковъ выдѣлены въ конецъ книги, занимая болѣе полулиста.

Книга снабжена указателями: географическихъ именъ, словъ финскихъ нарѣчій и тюркскихъ словъ, значительно облегчающими пользованіе книгою.

Въ заключеніе нужно признать, что авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы по возможности систематизировать скопившійся у него матеріалъ и тѣмъ облегчить работу будущихъ изслѣдователей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и направить ихъ вниманіе на такія де-

тали, которыя иначе могли бы остаться и вовсе незамѣченными. Можно не соглашаться съ пріемами изслѣдованія, общими выводами и отдѣльными положеніями автора, но это нисколько не уменьшаетъ цѣнности кропотливо собраннаго д-ромъ Якобіемъ матеріала, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіями по затронутому имъ вопросу наша литература поразительно бѣдна.

Эд. Пекарскій.

Отзывъ о трудахъ Т. Д. Флоринскаго [1]). Трудъ проф. Т. Д. Флоринскаго „Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Съ приложеніемъ двухъ этнографическихъ картъ“, Кіевъ, 1907,—тотъ трудъ, котораго уже давно ждутъ русскіе и славянскіе этнографы и который для русскаго образованнаго общества въ полномъ смыслѣ слова необходимъ. Не давая никакихъ открытій, никакихъ неожиданныхъ выводовъ, авторъ въ сжатомъ изложеніи предлагаетъ сводъ всего того, что сдѣлано русской и иностранной наукой въ дѣлѣ изученія всѣхъ вѣтвей славянскаго племени, ихъ границъ, подраздѣленій, численности, политическихъ отношеній, слѣдуя, конечно, новѣйшимъ даннымъ, но не забывая упомянуть, гдѣ нужно, и о данныхъ старыхъ, поучительныхъ, когда рѣчь идетъ о ростѣ или вымираніи народности. Само собой разумѣется, ему приходилось касаться спорныхъ вопросовъ, иногда очень острыхъ; но онъ ихъ счастливо минуетъ, не входя въ полемику и не принимая крайнихъ, слишкомъ субъективныхъ мнѣній. Такъ, вопросъ о русско-словацкой границѣ, по его словамъ, „остается не вполнѣ выясненнымъ, въ виду переходныхъ говоровъ“ (стр. 29); а касаясь македонскаго вопроса, онъ говоритъ: „для признанія македонскихъ славянъ за особую этнографическую вѣтвь славянства не имѣется достаточныхъ основаній“ (стр. 65).

Указатели по литературѣ славянской этнографіи даютъ возможность читателю самому обратиться къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ и картамъ и дополнить трудъ автора.

Изъ приложенныхъ двухъ картъ одна, по исторической этнографіи, не принадлежитъ автору; другая, въ собственномъ смыслѣ слова этнографическая, составлена по его даннымъ и указаніямъ. Она обнимаетъ всѣ части славянской территоріи—отъ центральной Европы до Тихаго Океана, и хотя не отличается (вслѣдствіе своего умѣреннаго размѣра) достаточной подробностью, тѣмъ не менѣе даетъ вполнѣ ясное представленіе о мѣстахъ обитанія славянскаго племени вообще и отдѣльныхъ славянскихъ народностей въ частности.

Мы бы сильно погрѣшили передъ авторомъ, если бы забыли упомянуть о другихъ его трудахъ въ области славянской этнографіи. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе усердныхъ работниковъ этнографовъ нашего времени.

Десять лѣтъ назадъ имъ закончены изданіемъ „Лекціи по славянскому языкознанію“. Кіевъ, 1895—1897, два большихъ тома, которые посвящены славянскимъ языкамъ (кромѣ русскаго и церковно-

[1]) Согласно этому отзыву, Т. Д. Флоринскому была присуждена золотая медаль Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

славянскаго) и имѣютъ въ виду знакомить читателя съ говорами живыхъ славянскихъ языковъ; эти „Лекціи“ находятся въ тѣснѣйшей связи съ его только-что названнымъ трудомъ по славянской этнографіи.

Въ теченіе ряда лѣтъ авторъ слѣдитъ за новостями славянской этнографической литературы и постоянно даетъ о нихъ отчеты, иногда довольно обстоятельные, въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“. Спеціалисты хорошо знаютъ эти отчеты и часто пользуются указаніями автора.

Чтобы закончить нашъ отзывъ о дѣятельности Т. Д. Флоринскаго въ области славянской этнографіи, назовемъ еще его небольшія вышедшія отдѣльно работы: „Западные славяне въ началѣ и концѣ XIX ст.“ Кіевъ, 1895; „Большой праздникъ у самаго малаго славянскаго народа“, К. 1898; „Всѣми забытый и униженный славянскій народъ“, К. 1899; „Зарубежная Русь и ея горькая доля“. К. 1900.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины. Статья *А. Кауфмана.* „Русская Мысль“ 1907, кн. X—XII.

Время возникновенія крестьянской поземельной общины. Сообщеніе Члена Государственнаго Совѣта *В. И. Сергѣевича* въ С.-Петербургскомъ Клубѣ общественныхъ дѣятелей, 7 февраля 1908 г. Книгоиздательство „Сельскаго Вѣстника.“ Спб. 1908. Стр. 15.

Обѣ статьи касаются одного и того же вопроса. Прогрессивная печать, въ свое время, обратила вниманіе на богатую содержаніемъ и замѣчательную по обстоятельности изложенія и оригинальности взгляда статью г. Кауфмана. О сообщеніи г. Сергѣевича, если не ошибаемся, только въ „Новомъ Времени“ появилась небольшая сочувственная замѣтка.

Оба автора согласны въ томъ, что русская земельная община не есть „первоначальный порядокъ вещей“ (Сергѣевичъ), „не есть нѣчто изначала данное“ (Кауфманъ), но они кардинально расходятся во взглядахъ на вопросъ о причинахъ ея возникновенія. Въ то время какъ г. Сергѣевичъ категорически утверждаетъ, что „общинное землевладѣніе возникло... въ силу правительственныхъ распоряженій, чтобы было съ чего платить подушную подать“ (стр. 15), г. Кауфманъ видитъ въ возникновеніи русскаго общиннаго землевладѣнія естественную эволюцію земельныхъ отношеній. Относясь совершенно отрицательно къ мнѣнію, приписывающему правительству роль насадителя этой формы владѣнія землею, и доказывая это цѣлымъ рядомъ соображеній и историческихъ справокъ, г. Кауфманъ „приходитъ къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія, что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только ускорять естественную эволюцію, но не въ состояніи было навязать крестьян-

ской жизни чуждыя и нежелательныя ей формы“. Противоположный взглядъ г. Сергѣевича объясняется, повидимому, тѣмъ, что онъ слишкомъ большое значеніе придаетъ разнымъ документамъ, „на основаніи которыхъ (будто бы) можно ясно опредѣлить характеръ нашего древняго землевладѣнія и время, когда стала слагаться община“ (стр. 5). Можно думать, что статья г. Кауфмана осталась совершенно незамѣченною г. Сергѣевичемъ, иначе онъ счелъ бы себя обязаннымъ отмѣтить мнѣніе перваго, подкрѣпленное многочисленными вѣскими доказательствами, о возможности неизбѣжныхъ ошибокъ при попыткѣ „реконструировать генезисъ и историческій ходъ развитія земельной общины“ на основаніи документальнаго, архивнаго матеріала.

Кто дастъ себѣ трудъ прочесть статью г. Кауфмана, тотъ не пожалѣетъ затраченнаго на ея прочтеніе времени. Желательно было бы видѣть статью въ отдѣльномъ изданіи въ видахъ распространенія среди читающей публики научно-обоснованнаго взгляда на вопросъ о генезисѣ и эволюціи земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею.

Нельзя не отмѣтить непомѣрно высокую цѣну брошюры г. Сергѣевича: 30 к. за 15 страницъ, напечатанныхъ притомъ довольно крупнымъ шрифтомъ.

Э. П.

Я. П. Новицкій. Малороссійская и Запорожская старина въ памятникахъ устнаго народнаго творчества. Александровскъ. 1907 г. 24 стр.

Его-же. Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ. 1874—1903 г. („Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Комиссіи“. Выпускъ IV. Екатеринославъ. 1908. Стр. 131—257).

Я. П. Новицкій наравнѣ съ Д. И. Эварницкимъ и покойнымъ И. Манжурою принадлежитъ къ числу видныхъ екатеринославскихъ этнографовъ, собирателей народной поэзіи [1]). Вмѣстѣ съ Эварницкимъ они пѣшкомъ обошли всѣ мѣста бывшаго Запорожья, и эти хожденія принесли имъ обоимъ богатый матеріалъ. Пѣсни, собранныя Эварницкимъ, помѣщены въ его многочисленныхъ трудахъ по исторіи Запорожскихъ казаковъ, а также были изданы въ 1906 году объемистою книгою, которая, однако, не вышла въ свѣтъ по причинамъ частнаго характера [2]).

Этнографическіе матеріалы Я. П. Новицкаго печатались съ 80-хъ годовъ въ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣд.“, „Днѣпровской Молвѣ“, „Приднѣпровскомъ Краѣ“ и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ. Отдѣльное собраніе записанныхъ имъ пѣсенъ, преимущественно историческихъ, было помѣщено въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-

[1]) Извѣстенъ также Ив. Петр. Новицкій—малорусскій историкъ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ экспедиціи Чубинскаго въ Юго-Западный край. Скончался въ 1890 году.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этой „пропавшей“ книгѣ см. въ моей рецензіи въ „Кіевской Старинѣ“, 1906 г., іюнь — авг.

Филологическаго Общества“, кн. 6. Много цѣнныхъ преданій, собранныхъ Новицкимъ, заключается въ его большой статьѣ „Съ береговъ Днѣпра“ [1]).

Первый изъ названныхъ въ заголовкѣ сборниковъ Я. П. Новицкаго содержитъ въ себѣ слѣдующія легенды и народные разсказы: 1) Десна и Днѣпръ (двѣ легенды),—2) Великій Лугъ,—3) Городище въ Великомъ Лугу,—4) М. Никополь,—5) С. Аулы.

Второй сборникъ содержитъ въ себѣ пѣсни историческія и отчасти бытовыя. Матеріалъ располагается по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Пѣсни временъ борьбы съ татарами, поляками и турками,—2) Пѣсни, связанныя съ временемъ паденія Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья, — 3) Запорожскія сатирическія вирши, — 4) Пѣсни временъ крѣпостной зависимости. Наконецъ, въ видѣ приложенія приводится рождественская вирша. Пѣсни снабжены многими преданіями, устными поясненіями народа, а также историческими примѣчаніями автора.

Повидимому, авторъ въ этомъ сборникѣ перепечатываетъ отчасти то, что раньше было помѣщено имъ въ екатеринославскихъ повременныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ для занимающихся этнографіею записи Я. П. Новицкаго дѣлаются болѣе доступными; при томъ, собранныя вмѣстѣ, онѣ даютъ опредѣленную характеристику народной поэзіи среди украинскаго населенія Екатеринославской губ.

В. В. Даниловъ.

Владиміръ Даниловъ. Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности. (Отт. изъ „Украіны“). Кіевъ. 1908. Стр. 24.

Кулжинскій—мало извѣстный дѣятель областной украинской литературы. Ранніе годы его литературной дѣятельности, освѣщены М. Н. Сперанскимъ въ статьѣ „Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій)“. Для насъ изъ его работъ наибольшее значеніе имѣетъ сборникъ „Малороссійская деревня“. М. 1825. (Содержаніе сборника: Вмѣсто предисловія. Весна въ Малороссіи. Обжинки. Вечерницы. О малороссійской поэзіи. Малороссійскія пѣсни. Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ).

М. Н. Сперанскій отмѣчаетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія между „Малороссійской деревней“ Кулжинскаго и „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя. Но В. Даниловъ отмѣчаетъ такое же, если не большее совпаденіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Вечеровъ“... съ изданнымъ въ 1798 г. Як. М. Маркевичемъ „Записками о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ“. Отмѣчая также „почти полное идейное тождество между Кулжинскимъ и Маркевичемъ“ въ нѣкоторыхъ мысляхъ, авторъ приходитъ къ выводу о вліяніи въ данномъ отношеніи литературной традиціи. Затѣмъ излагаются свѣдѣнія, касающіяся второй половины жизни и писательской дѣятельности И. Г. Кулжинскаго, на которыхъ проф. Сперанскій остана-

[1]) Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края. Екатеринославъ. 1905. Стр. 11—205.

вливался мало. Въ заключенiе приведено любопытное письмо Кулжинскаго къ Максимовичу, какъ издателю сборника „Кiевлянинъ“. Въ этомъ письмѣ Кулжинскiй говоритъ о своихъ работахъ и предлагаетъ свое участiе въ изданiи „Кiевлянина“.

Н. В—въ.

Е. Ѳ. Карскiй. Матерiалы для изученiя бѣлорусскихъ говоровъ. Выпускъ V. (Сборникъ Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. Томъ LXXXIII, № 8). Спб. 1907 г.

Выпускъ, заглавiе котораго нами выписано здѣсь, является пятымъ изъ серiи „Матерiаловъ для изученiя бѣлорусскихъ говоровъ“ и заключаетъ въ себѣ (67 стр.) 31-ый отвѣтъ на програму Академiи Наукъ. Матерiалъ доставленъ изъ мѣстечка Илiя, Вилейскаго уѣзда, Виленской губ., отъ мѣстнаго уроженца изъ крестьянъ Н. П. Альшука, получившаго „первоначальное образованiе въ народномъ училищѣ, а дальнѣйшее въ Молодечненской (въ 33 в. отъ Илiи) учительской семинарiи“.

Обыкновенно мѣстные уроженцы, не получившiе спецiальной подготовки, при наблюденiяхъ надъ особенностями родного языка, дѣлаютъ много погрѣшностей и пробѣловъ. Такое явленiе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстные жители по привычкѣ не замѣчаютъ тѣхъ особенностей въ родномъ говорѣ, которыя такъ рѣжутъ слухъ у посторонняго наблюдателя. Но г. Альшукъ упорнымъ трудомъ и внимательнымъ отношенiемъ къ дѣлу блестяще выполнилъ принятую на себя нелегкую задачу и собралъ такую массу чисто бѣлорусскихъ словъ и выраженiй, что ему будущiй составитель словаря этого нарѣчiя принесетъ заслуженную благодарность. При записяхъ того или иного слова г. Альшукъ приводитъ примѣры изъ народной жизни, иногда даетъ самыя существенныя и характерныя черты бытовыхъ картинъ и все это сопровождаетъ своими личными замѣчанiями. Полное знанiе какъ трудноуловимыхъ оттѣнковъ мѣстнаго говора, такъ равно и знакомство со всѣми сторонами еще мало изученной жизни этого народа и внимательное и безпристрастное отношенiе къ возложенной на себя обязанности дѣлаютъ записи г. Альшука особенно цѣнными. Въ его матерiалахъ замѣчается много данныхъ для сужденiя какъ о нарѣчiи, такъ и объ этнографическихъ особенностяхъ бѣлоруссовъ.

Общее прiятное впечатлѣнiе нарушается двумя приведенными пѣснями (стр. 34—35 и 63—64), выборъ которыхъ сдѣланъ крайне неудачно. Первая „пѣсня не бѣлорусская и по содержанiю, и по формѣ, и по фонетикѣ“ (Прим. редактора. Стр. 35); вторая представляетъ какую-то путаницу, составленную шутникомъ на ломанномъ бѣлорусско-польскомъ языкѣ.

А. Сержпутовскiй.

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Часть IX. Нарѣчiя урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. Ѳ. Катановымъ. Тексты. VI + XXXII + 668 + XLVIII. Переводъ. VI + XXV + 658 + 1. СПБ. 1907.

Хотя X томъ грандіознаго изданія акад. В. В. Радлова „Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ“ вышелъ уже въ 1904 г. (Нарѣчіе бессарабскихъ гагаузовъ. Тексты собраны и переведены В. Мошковымъ), но завершеніемъ десятитомной серіи этого изданія приходится считать томъ IX, недавно вышедшій изъ печати и помѣченный 1907 г. Послѣдній томъ состоитъ изъ матеріаловъ по діалектамъ 6 народностей Присаянья: 1) урянхайцевъ (или сойотовъ, или туба), 2) качинцевъ, 3) сагайцевъ, 4) койбаловъ, 5) бельтировъ и 6) карагасовъ. Томъ заключаетъ въ себѣ только часть богатѣйшихъ матеріаловъ, собранныхъ казанскимъ профессоромъ Н. Ѳ. Катановымъ во время путешествія 1889 — 1892 гг., когда, нынѣ едва ли не первый, знатокъ живыхъ турецкихъ нарѣчій посѣтилъ, кромѣ Урянхайской земли, минусинскаго и канскаго округовъ Енисейской губерніи и нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи, еще — Семирѣченскую область и округа Западнаго Китая: Тарбагатайскій, Кур-Кара-усу, Манасъ, Урумчи, Хами, Турфанъ и Или. Матеріалы оставшіеся неопубликованными проф. Н. Ѳ. Катановъ обѣщаетъ издать особо (стр. III), и не только одни туркологи съ нетерпѣніемъ будутъ ждать обѣщаннаго. Изъ изслѣдованныхъ проф. Н. Ѳ. Катановымъ нарѣчій ранѣе наименѣе были извѣстны урянхайское и карагасское. абаканскимъ же нарѣчіямъ посвященъ II томъ „Образцовъ“ акад. В. В. Радлова, нынѣ уже вышедшій изъ продажи вмѣстѣ съ томами I, III и IV (III томъ предназначенъ къ перепечатанію). Обѣимъ частямъ тома IX предпослано одно и то же предисловіе, къ текстамъ — по-нѣмецки, къ переводу — по-русски (I — VI), за которымъ слѣдуетъ подробное оглавленіе, въ обѣихъ частяхъ по-русски (I, I — XXXII; II, I—XXV). Къ текстамъ приложены примѣчанія, опечатки и указатели собственныхъ именъ. Матеріалы расположены въ томъ географическомъ и хронологическомъ порядкѣ, какъ они записывались, что имѣетъ, конечно, свой смыслъ, хотя иногда и приходится пожалѣть, что однородныя произведенія даже одного и того же племени разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. При собираніи текстовъ имѣлись въ виду и лингвистическія, и этнографическія цѣли (нерѣдко, къ сожалѣнію, лингвисты-собиратели не удѣляютъ этнографіи спеціальнаго вниманія!), и среди матеріаловъ имѣются пѣсни, загадки, толкованія сновъ, сказки, разсказы, преданія, легенды, шаманскія молитвы, описанія обычаевъ. Собирать матеріалы было нелегко (II, II — III), и собиратель далъ, повидимому, все, что могъ дать. Съ выходомъ въ свѣтъ IX тома изученіе турецкихъ нарѣчій Сибири и сѣв.-зап. Монголіи можно признать завершеннымъ въ *основныхъ* чертахъ; предстоитъ повѣрка и развитіе уже сдѣланнаго.

Остается пожелать, чтобы 10-ю томами изданіе акад. В. В. Радлова не исчерпалось: неизслѣдованныхъ и мало изслѣдованныхъ турецкихъ нарѣчій—еще порядочно, была бы любовь къ дѣлу и энергія у молодого поколѣнія туркологовъ; наличность и того, и другого у маститаго академика прямо достойна удивленія!

C.

D-r. W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Записки Импер. Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. VIII серія, т. VIII, № 7, стр. 1—86). Благодаря совершевно случайнымъ обстоятельствамъ, самому отдаленному отъ европейскихъ научныхъ центровъ народу, говорящему по-турецки, *Якутамъ* особенно посчастливилось, не въ примѣръ прочимъ ихъ единоязычникамъ: капитальнѣйшіе въ туркологіи труды— грамматическій *Бетлинка* и словарный *Пекарскаго*—посвящены якутамъ; имъ же посвящены обширные этнографическіе труды *Мидден-дорфа и Сѣрошевскаго*, сборники образцовъ народнаго творчества— *Худякова и Пекарскаго*, и рядъ работъ: *Кочнева, Приклонскаго, Трощанскаго, Ястремскаго* и др.

Въ новѣйшее время нѣкоторые туркологи-лингвисты обратили особое вниманіе на языки якутскій и чувашскій въ виду ихъ важнаго значенія для исторіи турецкаго языка. Якутскій и чувашскій языки были признаны древнѣйшими турецкими языками, сохранившими слѣды своей глубокой старины, благодаря уединенному положенію среди языковъ не-турецкихъ.

Ранѣе, въ своей Phonetik der Nördlichen Türksprachen (Лейпцигъ, 1882) акад. *В. Радловъ* высказалъ на тѣ же языки иной взглядъ: онъ ихъ призналъ языками не турецкими, а отуреченными. Нахожденіе въ Петербургѣ лицъ, владѣющихъ якутскимъ языкомъ, и особенно редактированіе якутскаго словаря *Пекарскаго* дали акад. *В. Радлову* возможность провѣрить свой прежній взглядъ на якутскій языкъ и научно обосновать отношеніе этого языка къ прочимъ турецкимъ въ статьѣ, заглавіе которой выше выписано.

Замѣтивъ предварительно, что находившійся въ его распоряженіи якутскій корневой матеріалъ даетъ 32, 5% турецкихъ элементовъ, 25,9% — монгольскихъ и 41,6% — неизвѣстнаго происхожденія (стр. 2), акад. *В. Радловъ* переходитъ къ подробному разсмотрѣнію якутскаго языка въ фонетическомъ (3—20) и морфологическомъ (20—51) отношеніяхъ, сравнительно съ прочими турецкими нарѣчіями, а также отчасти съ языкомъ монгольскимъ и другими алтайскими.

На страницахъ 51—58 акад. *В. Радловъ* резюмируетъ свой взглядъ на якутскіе языкъ и народность, подтверждая свои лингвистическіе выводы историческими соображеніями, основанными на народныхъ сказаніяхъ, якутскихъ словарныхъ данныхъ и показаніяхъ персидскаго историка *Рашидъ-ед-дина*, а также ссылаясь на антропологическія свидѣтельства *Н. Л. Геккера.*

Въ самую отдаленную стадію своего существованія якутскій языкъ, нынѣ—турецкій, былъ языкомъ неизвѣстнаго корня, затѣмъ обмонголился, далѣе подвергся длительному вліянію разныхъ турецкихъ нарѣчій и только уже чрезъ нѣсколько столѣтій, наконецъ, принялъ совершенно турецкій обликъ подъ напоромъ послѣдней, особенно сильной волны турецкихъ элементовъ. Такъ какъ окончательный процессъ отуреченія якутскаго языка произошелъ въ области, отдѣленной отъ языковъ турецкой семьи широкими лѣсными пространствами, то якутскій языкъ и принялъ совершенно оригинальный, такъ сказать, „nachtürkisch“ („по-турецкій“) отпечатокъ.

Акад. *В. Радловъ* не отрицаетъ за якутскимъ языкомъ огромнаго значенія, такъ какъ онъ даетъ многочисленныя разъясненія для хода развитія турецкаго языка, но акад. *Радловъ* считаетъ ошибочнымъ признавать якутскій языкъ „древнимъ турецкимъ языкомъ... языкомъ, который рано отдѣлился отъ родственныхъ ему языковъ и можетъ дать намъ разъясненіе о первыхъ ступеняхъ развитія турецкихъ звуковъ“ (стр. 52).

Для полноты картины акад. *Радловъ* приложилъ къ своей статьѣ 5 якутскихъ сказаній: одно въ текстѣ и переводѣ, остальные только въ переводѣ (нѣмецкомъ).

Второе приложеніе даетъ персидскій текстъ использованнаго акад. *Радловымъ* отрывка изъ исторіи *Рашид-ед-дина*, изданный акад. *Залеманомъ*.

С.

Dr. Fr. S. Krauss. Slavische Volkforschungen. Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Leipzig. VI+431 стр.

Литература по славянскому фольклору обогатилась новымъ обширнымъ изслѣдованіемъ Фр. Краусса. Авторъ собралъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительный матеріалъ по низшей миѳологіи и народной поэзіи („гуслярскія пѣсни“) славянъ-мослемитовъ. Во введеніи къ своему труду г. Крауссъ даетъ очеркъ исторіи Боснійскихъ и Герцеговинскихъ славянъ и пытается выяснить степень турецкаго вліянія на славянскую народность, долгое время находившуюся здѣсь подъ мусульманскимъ владычествомъ (стр. 2 и слѣд.). По словамъ автора, это вліяніе, выразившееся въ возникновеніи особаго боснійско-турецкаго діалекта и въ усвоеніи босняками арабской азбуки, не проникло въ глубь ихъ народной жизни, а въ настоящее время почти совсѣмъ забыто: благодаря школьному обученію, они называютъ уже себя то сербами, то хорватами и пользуются кириллицей и латиницей (стр. 23).

Книга Краусса, соотвѣтственно матеріалу, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ разсматриваются элементы народныхъ вѣрованій, сохраняемыхъ гуслярскими пѣснями въ поэтическихъ образахъ вѣдьмъ, вилъ, вампировъ, маръ и волкодлаковъ, а во второмъ—самые сюжеты пѣсенъ.

Народная эпическая поэзія южныхъ славянъ богата историческимъ содержаніемъ, сильно, правда, покрытымъ разными наслоеніями. Эти-то историческія черты авторъ и выясняетъ въ своемъ изслѣдованіи, подтверждая ихъ документальными историческими данными и многочисленными ссылками на труды новѣйшихъ ученыхъ историковъ. Этому посвященъ весь второй отдѣлъ, занимающій больше половины книги. Г. Крауссъ записалъ 16 пѣсенныхъ сюжетовъ. Заглавія ихъ слѣдующія:

1. Походъ джанюма. 2. Паденіе Ракочи. 3. Какъ Могаммедъ Кöпрюлю сдѣлался визиремъ. 4. Русскіе у Вѣны. 5. Мать Юговичей. 6. Старый богатырь Новакъ (Novak der Heldengreis). 7. Молочные братья. 8. Волкъ—огненный змѣй (Wolf Feuerdrache). 9. Сонъ Іоги (der Ioga-Schlaf)). 10. Воплощеніе (die Menschwerdung) св. Панте-

леймона. 11. Законныя и незаконныя дѣти вилъ (Echte und unechte Vilenkinder). 12. Сраженіе богатырей (ein Heldengemetzel). 13. О вилѣ—сборщицѣ податей (von einér Vila Zöllnerin). 14. Стрѣлы вилъ (Vilenpfeile). 15. Дѣвушка-богатырка (das Heldenfräulein) и тюремныя вилы (Blockhausvilen). 16. О томъ, какъ вилы лѣчили Ибрагима Нукича. Тексты всѣхъ этихъ пѣсенъ приведены цѣликомъ въ подлинникѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ съ параллельнымъ нѣмецкимъ переводомъ и подвергнуты тщтельному и подрбному историческому и литературному анализу.

Изслѣдованіе г. Краусса заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ по количеству и цѣнности матеріала, такъ и по основательности его пбработки. Авторъ, видимо, съ любовью относится и къ славянской ооэзіи, и къ славянскому племени, а это не такъ часто встрѣчается у нѣмецкихъ ученыхъ.

П. Б.

Журналы за 1908 годъ.

Годишникъ на Софийския Университетъ. *Ив. А. Георговъ.* Приносъ къмъ граматичния развой на дѣтския говоръ.—*А. Теодоровъ Баланъ.* Книгописниятъ трудъ у Българитѣ.—*А. Иширковъ.* Девненскитѣ изори и тѣхното поселищно и стопанско значение.—*Б. Цоневъ.* Най-старото свидѣтелство за членъ от у прилагателни.

Записки Новороссійскаго Университета. Т. CIX. *С. Г. Вилинскій.* Къ литературной исторіи житія Василія Новаго.—*И. А. Линниченко.* Отзывъ о сочиненіи „Крестьянскій вопросъ въ законодательной Комиссіи Имп. Екатерины II".—*А. И. Алмазовъ.* Канонарій монаха Іоанна.—Рѣчи при отпѣваніи и погребеніи проф. А. А. Кочубинскаго.

Землевѣдѣніе, кн. 1.—*А. Синицкій.* Европейская эмиграція въ XIX вѣкѣ.—*В. Богоразъ.* Религіозныя идеи первобытнаго человѣка.—*Д. Анучинъ.* Новый русскій курсъ землевѣдѣнія. (Проф. А. Н. Красновъ. Курсъ землевѣдѣнія. Ч. I)—Рецензіи на: *А. А. Борисовъ.* У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря.—Тептяри и ихъ происхожденіе. *Г. Н. Ахмарова.* Въ отдѣлѣ „Физическая географія" помѣщены замѣтки: *Д. А.* Доанимистическія религіозныя стадіи.—Антикварная географія.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, в. I—II (двойной). *Н. Мартиновичъ.* Поѣздка въ Брусу 1905 г. (съ 6 рис.). **В. IV.** *Б. Б. Барадійнъ.* Путешествіе въ Лавранъ. (Съ 5 табл. рис.). **В. V.** *В. Дорогостайскій.* Поѣздка въ сѣверо-западную Монголію. *Г. А. Крамаренко.* Путешествіе на Камчатку и обслѣдованіе ея въ рыболовномъ отношеніи въ 1907 г.—Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи.

Národopisny Věstník českoslovanský. (Этнографическій Вѣстникъ Чешскославянскій). **Вып. 2—3** (двойной). *Л. Нидерле.* Народныя отношенія въ Болгаріи.—*Ю. Горакъ.* О нѣкоторыхъ мотивахъ чешскославянскихъ пѣсенъ.—Критика.—Библіографія: 1) Журналы; 2) Библіографическія обозрѣнія; 3) Біографіи, некрологи.—Этнографическія мелочи.—Выставка вертеповъ въ Прагѣ.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *I. Кубинъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края.

Пермская Земская Недѣля. *Алексѣй Чесноковъ.* Среди кержаковъ. Этнографическій очеркъ. №№ 11—15.—*Н. Б.* О Вишерскомъ краѣ. Очеркъ. №№ 9—16.

Русскій Филологическій Вѣстникъ № 1—2 (двойной). *В. А. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ.—Матеріалы по народному говору Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Записки *Ин. Бычкова.* Труды Московской Діалектологической комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей. Тульская губ.—обработалъ *Н. Н. Дурново;* Воронежская губ.—*Н. Н. Кононовъ;* Рязанская губ.—*Д. Н. Ушаковъ и Дурново;* Костромская губ.—*Дурново* по карточкамъ *А. Д. Григорьева;* губ. Вологодская, Пермская, С.-Петербургская. Опечатки.—*Архим. Меѳодій (Великановъ).* Старопечатная второй половины XVI-го стол. псалтырь въ слогоудареніяхъ ея глагольныхъ формъ. Матеріалы для исторіи ударенія въ русскомъ языкѣ.—*В. А. Каминскій.* Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій). По поводу 25-лѣтія со дня смерти.—*Л. М.* Баронъ Викторъ Романовичъ Розенъ. Некрологъ—Замѣтки.—Критика и библіографія.

Н. В.

Новости этнографической литературы [1]).

Адресъ-календарь и памятная книжка *Могилевской* губ. на 1908 г. Могилевъ.

Барацъ, Г. Объясненіе такъ называемой рядной Тѣшаты XIII вѣка, какъ мировой записи, заключенной евреями. Кіевъ. 12 стр. 4°.

Болотовъ, В. В., проф. Лекціи по исторіи древней церкви I. Введеніе въ церковную исторію. Посмертное изданіе подъ редакціей проф. А. Бриллiантова. Спб. 1907.

Борсицкій-Берфельдъ, Н. Исторія Венгріи въ средніе вѣка и новое время. Изданіе акц. общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Спб.

Будде, Е. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка (XVII—XIX вѣкъ). 12-й вып. Энциклопедіи славянской филологіи. Спб. 132+XIV стр.

Буслаевъ, Ѳ. И. Сочиненія. Томъ первый. Сочиненія по археологіи и исторіи искусства. Съ 40 рисунками въ текстѣ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности И.А.Н. Спб.

Варнеке, Б. В., проф. Исторія русскаго театра. Часть первая: XVII и XVIII вѣкъ. Казань.

Васенко, Пл. Составныя части Книги Степенной Царскаго Родословія. Спб.

Васильевскій, В. Г. Труды. Томъ первый. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб.

Васнецовъ, Н. Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Изд. губ. Стат. Комит. Вятка.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народного врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 1907.

Городецкій, Б. М. Систематическій указатель содержанія „Историческаго Вѣстника" за 25 лѣтъ (за 1880—1904 гг.). Спб.

Давыдовъ, К. Н. По островамъ Индо-Австралійскаго архипелага. Ч. III. На островахъ Ару. Спб.

Денисовъ, Л. И. Православные монастыри Россійской Имперіи. М. XII+984 стр.

Державинъ, Н. Болгарскія колоніи Новороссійскаго края. Херсонская и Таврическая губерніи. Симферополь. 237 стр.

Добровидовъ, Н. Н. Пособіе для изученія китайскаго разговорнаго языка. Изданіе III-е. Харбинъ.

Добровольскій, В. Н. Киселевскіе цыгане. Вып. I. Цыганскіе тексты. Спб. VI+2 нен.+87 стр.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изданіе второе, юридическаго книжнаго склада „Право". Спб.

Жаковъ, К. Ѳ. Въ хвойныхъ лѣсахъ. Разсказы Коми-Морта. Спб.

Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго О-ва. Т. XVIII, в. 1. Спб. 1907.

Зеленинъ, Дм. Русская соха, ея исторія и виды. Очеркъ изъ исторіи русской земледѣльческой культуры. Изданіе Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Вятка.

Извѣстія Восточнаго Института, Т. XVIII, в. 1—2. Владивостокъ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XIX, в. 3. Тифлисъ. Стр. 177—247 +51.

Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. О-ва. Т. VII. Ташкентъ. 1907. Стр. 250.

1878—1903. Императорскій Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ. Рѣчи, адресы и привѣтствія. 1878—1908. Спб. 118 стр.

Исторія культуры. Выпускъ третій. Изданіе „Вѣстника Знанія". Спб.

Марръ, Н. Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка съ предварительнымъ сообщеніемъ

---

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими. Спб.

Мартиновичъ, Н. Поѣздка въ Брусу. Спб. 29 стр.+3 табл. рис.

Матеріалы по Маньчжуріи, Монголіи и Китаю. Вып. XVII — XXII. Харбинъ.

Отчетъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, за 1907 годъ. Вильна. 16 стр.

Отчетъ Имп. Р. Географическаго О-ва за 1907 г. Спб. 42+267 стр.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1907. М.

Памятная книжка Архангельской губ. на 1908 г. Архангельскъ.

Пекарскій, Э. Образцы народной литературы якутовъ. Вып. II. Спб. Стр. 81—194.

Повѣсть князя Ивана Михаиловича Катырева-Ростовскаго. Спб.

Позднѣевъ, Дмитрій. Токухонъ или книга для чтенія и практическихъ упражненій въ японскомъ языкѣ. Часть первая. Книги I—IV. Японскій текстъ, русская транскрипція, слова и переводъ. Токіо. 1907.

— Японская историческая христоматія. Часть I. Отдѣлы I и II. Текстъ, переводъ и слова къ „Начальной исторіи Японіи". Изданіе Общества востоковѣдѣнія. Токіо. 1906.

Поликарповъ, Ѳ. Женская крестьянская одежда въ с. Истобномъ Нижнедѣвицкаго уѣзда. 10 стр.

— Крестьянская свадьба въ селѣ Перлевкѣ, Землянскаго уѣзда. Воронежъ.

Политическая энциклопедія. Томъ II. Выпускъ пятый. (Еврейскій вопросъ—Карнеги). Спб.

— Выпускъ шестой. (Карнеги — Курская губ.) Спб.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XXI. Первая половина. Спб.

Поповъ, Евг. Нѣкоторыя данныя по изученію быта русскихъ на Колымѣ. (Отт. изъ „Этногр. Обозр.") стр. 159—181.

Ржига, В. Ѳ. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. (Съ приложеніемъ сборника его сочиненій). М.

Риттихъ, П. А. Отечествовѣдѣніе. Спб.

Рубакинъ, Н. Разсказы о Западной Сибири, или о губерніяхъ Тобольской и Томской, и какъ тамъ люди живутъ. Съ рис. Изданіе 3-е, вновь переработанное и дополненное, „Посредника". М.

Рудневъ, Я. И. Очерки странъ и народовъ Азіи. Съ рисунками и картами въ текстѣ. 2 выпуска. Спб. 1907.

Русская историческая библіотека, т. XXV. Спб.

Русскій біографическій словарь. Бетанкуръ-Бякстеръ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго общества А. А. Половцова. Спб.

Сборникъ географическихъ, топографическихъ, и статистическихъ матеріаловъ по Азіи. В. LXXX. Спб. 1907.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXVIII. Тифлисъ.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. 1-й: Народная словесность. Изд. второе, значительно дополненное и исправленное Спб.

Скалозубовъ, Н. Л. Отъ Тобольска до Обдорска. (Изъ путевого журнала). Тобольскъ. 1907. Стр. 18 (отд. оттискъ изъ „Ежегод. Тобольск. Губ. Музея" за 1906 г., вып. XVI).

Скиндеръ, В. Протоевропеецъ и протоаріецъ. Геологическій періодъ ихъ исторіи. Спб. 95 стр.

Списокъ изданій отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. XV стр.

Списокъ населенныхъ мѣстъ *Архангельской* губ. къ 1905 г. Арханг. 1907.

Тенишевъ, В. В., кн. Административное положеніе русскаго крестьянина. Приложеніе: „Опека въ русскомъ крестьянскомъ быту" П. С. Цыпкина. Своды данныхъ, добытыхъ этнографическими матеріалами покойнаго князя В. Н. Тенишева. Спб.

Тихоміровъ, Ил. А. Къ вопросу объ устройствѣ древлевѣдѣнія въ Россіи. Владиміръ. 13 стр.

Трахтенбергъ, В. Ф. Блатная музыка (Жаргонъ тюрьмы). Подъ ред. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. XIX + + 116 сран.

Цвијић, I. Насельа Српских земльа. Кн. IV. Атласъ. Београдъ.

Шпигельбергъ, Вильгельмъ, проф. Пребываніе Израиля въ Египтѣ въ свѣтѣ египетскихъ источниковъ. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціею Г. И. Файнберга. Съ 12 рис. Спб.

Эйнгорнъ, Виталій. Къ исторіи иноземцевъ въ Старой Малороссіи. М.

Яворскій, Ю. А. Къ вопросу объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, публицистѣ XVI вѣка. Кіевъ. 28 стр.+1 табл.

Якушкинъ, Е. И. Обычное право. Выпускъ третій. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. М.

Н. В.

Проф. В. Ключевскій готовитъ къ печати сборникъ статей въ двухъ частяхъ. Въ одной части будутъ сгруппированы научныя, въ другой—литературно-критическія статьи автора. Кромѣ того, въ настоящее время находятся въ печати слѣдующія сочиненія Ключевскаго: 4-ая часть „**Курса русской исторіи**“ и 4-е изданіе „**Боярской Думы древней Руси**“.

С. Р. Минцловымъ законченъ многолѣтній трудъ „**Обзоръ воспоминаній, дневниковъ и мемуаровъ**“, касающихся Россіи. До сихъ поръ такой сводной работы у насъ не было, хотя въ ней давно чувствуется настоятельная необходимость. Трудъ г. Минцлова выходитъ въ двухъ томахъ, въ изданіи Велихова.

Императорская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію **памятниковъ русской письменности**, относящихся къ св. Владиміру и къ Борису и Глѣбу. Кромѣ того, Академія предпринимаетъ изданіе собранія сочиненій покойнаго академика *А. М. Веселовскаго*, которое составитъ 28 томовъ.

Вся обширная переписка *Н. И. Костомарова* и хранившаяся у вдовы его, написанная имъ самимъ, его „**Автобіографія**“ завѣщаны зятю покойнаго историка, члену совѣта министерства финансовъ В. Г. Котельникову, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана не ранѣе 1910 года, когда исполнится 25 лѣтъ со дня кончины историка.

Представители старообрядчества предполагаютъ издать первый обширный трудъ по **исторіи старообрядчества** въ Россіи. Трудъ будетъ заключать въ себѣ подробныя и полныя свѣдѣнія о количествѣ старообрядческихъ храмовъ въ Россіи, о времени ихъ возникновенія, числѣ прихожанъ и образовавшихся общинъ по закону 17 окт. 1906 г. и т. д.

Семирѣченскій статистическій комитетъ предпринимаетъ ежегодное изданіе **Справочной книжки** и адресъ-календаря Семирѣченской области.

Императорская Академія Наукъ составила въ прошломъ году **обзоръ польской печати въ Россіи**. Оказалось, что въ Россіи выходятъ 217 польскихъ изданій, изъ нихъ въ Варшавѣ—166, въ Люблинѣ—9, въ Лодзи, Ченстоховѣ, Плоцкѣ и Кіевѣ—по 5, въ Вильнѣ и Кѣльцахъ—по 4. Главнымъ образомъ, преобладаютъ изданія еженедѣльныя (93), между тѣмъ какъ изданій ежедневныхъ 22, и столько же ежемѣсячныхъ журналовъ и выходящихъ 2—3 раза въ мѣсяцъ.

Вышла вторымъ изданіемъ книга Б. Низе „**Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія**“. Переводъ сдѣланъ съ 3-го нѣмецкаго изданія слушательницами Высшихъ женскихъ курсовъ, подъ редакціей М. И. Ростовцева.

Готовятся къ печати книги: „**Исторія Египта**“ проф. Георга Штайндорфа и „**Исторія Ассиріи и Вавилоніи**“ проф. Л. Бецольда.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Пережитки цеховой организаціи въ мѣстечкѣ Берестечкѣ.

Въ историческомъ мѣстечкѣ Берестечкѣ Волынской губ. понынѣ сохранились любопытные пережитки цеховой организаціи. Мужское населеніе, занимающееся различными ремеслами, составляетъ особую корпорацію—„цехъ". Главнымъ лицомъ въ цехѣ среди женатыхъ мужчинъ является такъ называемый „цехмистеръ", среди неженатыхъ—„ойчеласкавый". Посвященіе въ цехмистеры, а также похороны цехмистера сопровождаются особымъ ритуаломъ. Созывъ братчиковъ, участвующихъ въ цехѣ, производится особымъ образомъ: посланецъ беретъ маленькую иконку, принадлежащую цеху, и обходитъ съ нею избы братчиковъ; каждый изъ нихъ цѣлуетъ иконку, какъ бы давая этимъ обѣщаніе непремѣнно явиться на собраніе. Парни являются опоясанные красными лентами черезъ плечо съ цеховыми хоругвями, а братчики держатъ громадныхъ размѣровъ зажженныя свѣчи. Когда выбираютъ новаго цехмистера, то происходитъ любопытное перенесеніе „правъ", т. е. сундучка съ документами, отъ стараго цехмистера къ новому. Процессія идетъ чинно въ строгомъ порядкѣ, молодежь одѣваетъ свои красныя ленты черезъ плечо. Новому цехмистеру приносятъ подарки—блюдо съ орѣхами и яблоками. Цехъ слѣдитъ за поведеніемъ братчиковъ и вмѣшивается въ ихъ частную жизнь.

Ив. Абрамовъ.

Свадебная сказка во время смотринъ.

Въ с. Тамицѣ, у мѣстнаго жителя Евлампія Ивановича Леонтьева я пріобрѣлъ тетрадку въ восьмушку, на 8 листахъ, подъ названіемъ: „Свадебная сказка во время смотринъ". Тетрадку писалъ Леонтьевъ въ 1902 г., когда ему было 12 лѣтъ; онъ списалъ сказку съ какого-то стараго списка, который теперь утерянъ, а м. б. просто издержался; по признанію самого Леонтьева, онъ не ограничивался однимъ списываніемъ „сказки", но и редактировалъ ее, убравъ „неприличныя", по его мнѣнію, мѣста и кой-что прибавивъ (напр. о казен-

ной винной лавкѣ). Списавъ „сказку“ разъ, онъ сталъ продавать ее при случаѣ на свадьбы, или дѣлалъ списки на заказъ, можетъ быть каждый разъ измѣняя что-нибудь въ ея текстѣ. Я купилъ у Е. И. самый послѣдній списокъ, сдѣланный имъ въ 1902 г. 23 апрѣля, какъ помѣчено па тетрадкѣ. Е. И. кончилъ школу, хорошо грамотный и къ „свадебной сказкѣ“, которую онъ мнѣ продалъ, онъ написалъ „примѣчаніе“: „Сказка эта сказывается во время смотринъ, когда женихъ и невѣста захватятся за подносъ съ подарками, начиная съ молитвы Гос. Іис. или Христ. Воскр. и кончая „такой-то принимай, такая-то отдавай, я болѣе ничего не знай“. И самъ шаферъ получаетъ отъ тысячкаго красную водку и прибавлено простой“.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (3 раза).

Послѣ Пасхи „Христосъ Воскресъ“ 3 (раза).

Старые старики! Пожилые мужики! Слушайте, послушайте, отцовъ и матерей не забывайте, дѣтей своихъ на худыя дѣла не потакайте, а женъ своихъ на улицу гулять не выпущайте; если будете выпущать, то мы будемъ холостыхъ робятъ напущать. А вы, старые старики, сидите дома на печи, кушайте ржаные колачи да овсянное тѣсто, вамъ тамъ хорошое мѣсто, а здѣсь безъ васъ очень тѣсно. А вы, старыя старушки, сидите дома въ избушки, сидите не дремлите, костисливую куделю прядите, а про насъ про молодыхъ не переводите; если будете переводить, такъ мы васъ старыхъ чертовокъ станемъ вонъ выводить. А и вы, красныя дѣвицы, по лавочкамъ стойте, да пѣсенки пойте, тоже въ замужъ хотите, а сватаются такъ нейдите. Вы, дѣвушки, по вечеринкамъ ходите, а молодыхъ мужиковъ домой ночевать не водите и по заулкамъ не ходите, сосѣдей и родителей своихъ не будите. Молодыя молодицы, въ замужъ выходите, такъ ревите, а мужовей своихъ не знаю отъ чего слушать не хотите. Такъ вотъ, дѣвицы и молодицы, вы будьте тороваты, такъ не будутъ у васъ избы сороваты. А вы, старые старушки, дома печку не гораздо топите и на квашняхъ много тѣста не копите. Васъ здѣсь есть много пожилыхъ и тороватыхъ, такъ не пеките также хлѣбовъ сыроватыхъ. А вы, мужички, водку пейте, а женъ своихъ безъ винъ напрасно не бейте, а ежели будете женъ своихъ безъ винъ гораздо больно бить, то на драку придетъ много народу глядѣть, такъ того хозяина заставятъ въ кабалетки сидѣть; если будете въ кабакъ ходить, да въ долгъ вина просить, да за долгъ будете муку и жито носить; кто съ осени въ кабакъ носитъ, тотъ весной у богатыхъ мужиковъ въ займы проситъ (ну, да это было прежде, а нынче не такъ, вѣдь казенный кабакъ!). Послушай, весь чесной людъ, женихъ нашъ не очень худъ. Прошу покорно прираздатся нашему первобрачному князю (имя и от.) съ первобрачной княгиней (имя и от.) повидатся, а ты первобрачная княгиня (имя и от.) подойди поближе, поклонись пониже, встань подбодрись, за подносъ захватись и пароду не стыдись, стой смѣляя нашему первобрачному (имя и от.) стоять вѣсѣляя, у нашего первобрачнаго князя (имя и от.): рѣзвы ноженьки съ подходомъ, бѣлы рученьки съ подносомъ, буйна голова съ поклономъ, сахарныя уста съ поцѣлуемъ, языкъ съ приговоромъ Іисусовой молитвы: Господи

Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ (или „Христосъ Воскресе“ 3-жды). Вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) отъ нашего первобрачнаго князя (имя и от.) подарочки. Хлѣбъ, соль, пирожки пряжены, на тарелочку положоны, чулки, башмаки, а башмаки хотя шиты рѣдко, но очень крѣпко и шиты-то не нами, да носить вы будете сами, на ноги хотя обувать и туго, да носить будетъ очень любо; еще, пряникъ, гребень, зеркало, мыло, грошъ на бѣлила, и пять копѣекъ на румянецъ. Поутру встань ранешенько, мыльцемъ умойся, гребешкомъ зачешись и въ зеркальце посмотрись, пряникомъ закуси и у матушки спросись, на домашнихъ (имя и от.) не косись и кукышекъ не ставь, а лучше такъ оставь, чиріей тоже не сули; а мужъ піяный придетъ домой, такъ ты спать повали, и если будешъ сулить, то онъ тебя будетъ чѣмъ попало, тѣмъ и валить. Сажу да грязь подъ матицу не вѣсь, на улицы много мѣста есть; Избушку паши, соръ на улицу выноси, а нѣтъ—вотъ что молода: лучше на улицу не выноси, а во дворъ броси, во дворъ ходи въ упоркахъ, а на улицу носи сарафаны съ оборкой, если есть пряжу у окошка пряди, а къ окошко часто не гляди, сажени тени дольше, такъ напрядешь побольше. Это молода отъ старыхъ старухъ честь и хвала. Вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) есть у нашего первобрачнаго князя (имя и от.) ушатикъ бѣле́некъ, коромыслицо тоне́нько, вода близко и гора не низка, за водой ходить не лѣнись, а кто на встречу попадетъ, тому пониже поклонись, и съ сосѣдями тоже не бранись. А отъ досуги въ церковь Божію ходить тоже не лѣнись. Во время своего замужества будешь малыхъ дѣтей родить и будетъ великій постъ, такъ надо въ церковь на исповѣдь ходить. По суботамъ баню топи, а на полу много грязи не копи. Въ лѣсъ по овощи ходи, а вороватыхъ людей съ собой неводи, а нѣтъ, сама съ ними неходи и чужого не носи; если будешъ носить, то хозяева узнаютъ, будутъ старосты просить, а староста у насъ (имя и от.) человѣкъ не худой, онъ взятокъ не беретъ и жену тоже не деретъ, а узнаетъ, если прозьба не пуста, то заставитъ принародно пахать деревенскаго моста. Эти худыя порядки оставь дома у матки, худыя всѣ броси, а хорошіе за собой унеси. На пожняхъ коси, руки ниже носи, наклоняй спину ниже, къ мужу своему править косу подходи ближе; Худо будешъ косить, такъ надо у хорошихъ сѣнокосовъ—спросить, на пожняхъ будежъ грести, на носилкахъ сѣна надо побольше нести. А ты (имя и от.) по грязямъ не броди, къ чужимъ женамъ не ходи, своей жены не груби. Такъ вотъ первобрачная княгиня (имя и от.) есть у нашего первобрачнаго (имя и от.) князя, клеть нова, да плеть дома, о трехъ концахъ, о двухъ кольцахъ; первый конецъ гульбы избавляетъ, второй конецъ работать заставляетъ, третій конецъ спать привлекаетъ съ (имя и от.); а ты (имя и от.) будешь ложится спать, Богу помолись и во время сна съ (имя и от.) крѣпче обоймись, а во время ночи, будь добра, и покажи (имя и от.) своего подподольнаго бобра, сами знаете какого. Во время ночи тайныя рѣчи говорите, а противъ неприсутственныхъ, и праздничныхъ дней блуда не творите. Въ прочемъ, я въ вашемъ домѣ не бывалъ и вашихъ порядковъ не видалъ. Которые я зналъ, всегда разсказалъ я всѣ вамъ господа. А

прошу васъ въ томъ: не надѣлайте нашему поѣзду никакого вреда; и вотъ у меня у шафера зачесалось въ затылки, а вина у тысячкаго мало въ бутылки; У насъ поѣзжане не грозны, а рюмочки уже давно—порозны; Вы на насъ, шаферовъ, не грубейте, а лучше по рюмочки налейте. Дружка, я человѣкъ холостой, не прибавите-ли намъ въ красную водочки простой.

Вотъ и моей призказки конецъ, а вы новы зарученные скоро будетъ въ церкви вѣнецъ. А когда будетъ (имя и от.) вѣнецъ, то позабудь дѣвичіей жизни конецъ; а когда будете стоять подъ вѣнцомъ, то обручатъ тебя (имя и отч.) съ (имя и от.) на вѣкъ обручальнымъ кольцомъ, и надо будетъ жить въ купе согласно конецъ концомъ. Ты (имя и от.) отдавай, а ты (имя и от.) принимай, я болѣе ничего незнай.

Н. Ончуковъ.

Хроника.

† **П. С. Ефименко.** 7 мая скончался извѣстный статистикъ и этнографъ Петръ Саввичъ Ефименко (род. въ 1835 г.). Покойный долгое время жилъ на сѣверѣ Россіи, и этого края касаются его главнѣйшія этнографическія работы: „Заволоцкая Русь" (историческое изслѣдованіе, 1869 г.), „Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ." (1878 г., 2 тома), „Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ." (1869 г.). Изъ общихъ работъ покойнаго въ области этнографіи пользуются извѣстностью: „Договоръ найма пастуховъ", „Ярило, славяно-русское божество" (1869 г.), „Юридическіе знаки" (1874 г.). Затѣмъ П. С. Ефименко далъ рядъ цѣнныхъ работъ, касающихся Малороссіи: „Сборникъ малороссійскихъ заклинаній" (1879 г.) и множество замѣтокъ и статей въ „Черниг. Губ. Вѣдом." (1851 — 1861, 1876 — 1878 гг.), въ „Основѣ" (1861 — 62 г.), въ „Кіевской Старинѣ" и въ другихъ изданіяхъ. Помимо того онъ печаталъ свои изслѣдованіи въ „Запискахъ И. р. геогр. о-ва", въ „Судебномъ Журналѣ", въ „Древностяхъ", изд. московскаго археолог. общества, и т. д. Съ 1884 по 1887 гг. Е. редактировалъ „Харьковскій календарь". Изъ статистическихъ работъ П. С. Ефименко извѣстны: „Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Сумскаго у." (1882 г.) и „Матеріалы для изученія экономическаго положенія крестьянъ Харьковскаго у." (1884 г.). Въ 1866 г. по порученію географическаго общества покойный составилъ обстоятельную программу для изученія народныхъ вѣрованій и суевѣрій Южной Россіи.

1 февраля 1908 г. исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти талантливаго этнографа-беллетриста **Павла Ивановича Мельникова**, извѣстнаго широкой публикѣ болѣе подъ именемъ Андрея Печерскаго. (См. статью В. Каминскаго въ „Р. Ф. В.", 1908, № 1—2).

30 января состоялось шестьдесятъ второе общее собраніе членовъ **Императорскаго географическаго общества**. По прочтеніи отчета о дѣятельности общества въ 1907 г. состоялось присужденіе почетныхъ наградъ. Константиновская медаль присуждена дѣйствительному члену Г. Е. Грумъ-Гржимайло за труды по географіи Азіи и недавно вышедшій трудъ: „Описаніе путешествія въ Западный Китай". Золотая медаль имени П. П. Семенова—дѣйст. чл. Б. И. Срезневскому за его труды по метеорологіи и физической географіи. Большія золотыя медали за труды по этнографіи и статистикѣ присуждены: проф. Т. Д. Флоринскому за трудъ „Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства", Ю. Я. Яворскому за собраніе сказокъ и легендъ Галицкой Руси и А. В. Погожеву за его трудъ „Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи". Кромѣ того были и другія присужденія. (Подробнѣе см. „Отчетъ И. Р. Г. О-ва за 1907 г.").

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва.

№ 6. Засѣданіе 26-го марта: сообщеніе *И. С. Левитова*: „**Бузо-гашишный вопросъ нашихъ окраинъ**". Программа сообщенія: I. *Буза*. Конспектъ трехъ докладовъ въ ученыхъ Обществахъ по этому вопросу. Вліяніе бузы и гашиша, какъ опьяняющихъ продуктовъ на русское населеніе Туркестана. Вслѣдствіе запрещенія продажи водки въ селахъ и деревняхъ Туркестанскаго края, русское населеніе замѣнило водку бузой и гашишомъ. II. *Гашишъ*. Вредное дѣйствіе свѣжаго гашиша, который курятъ казаки и крестьяне Семирѣченской области. Цѣлебныя свойства вылежавшагося гашиша, которыми пользуются индійскіе врачи. Статистика колоссальнаго роста контрабанднаго гашиша, ввозимаго въ русскіе предѣлы. Трудность борьбы съ этой злостной контрабандой. Англія своимъ запретительнымъ акцизомъ, совершенно безсознательно, должна вогнать весь китайскій гашишъ контрабандой въ Россію. Приблизительный ростъ гашишной контрабанды въ Россіи по англійскимъ источникамъ индійскаго правительства. Наркотики, какъ первый авангардъ желтой расы, вошедшій въ Россію. Какія мѣры Государство обязано было бы предпринять, чтобы остановить гашишную контрабанду. Необходимость назначенія бузо-гашишной комиссіи и основанія врачебно-химической лабораторіи для изъятія изъ обращенія въ Туркестанскомъ краѣ всѣхъ ядовитыхъ сортовъ гашиша.

№ 7. Засѣданіе 2-го мая: 1) сообщеніе д. чл. *А. И. Соболевскаго* „**Новости этнографической литературы**" [1]). 2) сообщеніе д. чл. *Ѳ. Г. Шубина* „**Новыя вѣянія въ безпоповщинѣ**". Программа: Мнѣніе Пругавина объ измѣненіи безпоповщины. Образованіе безпоповщины. Особенность русской церкви. Безпоповщина явленіе самостоятельное; ея національный характеръ. Тайныя школы безпоповщины. Секта странниковъ и ея значеніе въ расколѣ. Книга Пятницкаго—резюме обвиненій церковныхъ писателей. Нѣтъ секты стран-

---

[1]) Будетъ помѣщено въ слѣдующемъ выпускѣ „Живой Старины".

никовъ; тайные странствующіе учителя. Развитіе фанатизма. Безуспѣшность регистраціи безпоповщины. (Были показаны діапозитивы).

Отмѣтимъ также сдѣланное 20 февраля въ Отдѣленіи Статистики сообщеніе *Р. Д. Семенова-Тянъ-Шанскаго*: **„Колонизація Кустанайскаго уѣзда Тургайской области“**. Програма сообщенія: 1) Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о переселенческомъ вопросѣ вообще. 2) Общія природныя условія Кустанайскаго уѣзда. Туземное населеніе (киргизы). 3) Краткая исторія заселенія Кустанайскаго уѣзда. Самовольные переселенцы (заимщики). Устройство ихъ и дальнѣйшія работы по заготовленію участковъ правительственной организаціей и заселеніе этихъ участковъ. 4) Экономическое состояніе переселенцевъ. Причины, вліяющія на это состояніе. Возрастъ поселковъ. Уровень матеріальной обезпеченности переселенцевъ на родинѣ. Соотвѣтствіе общихъ условій хозяйства въ мѣстахъ выхода и въ мѣстахъ новаго поселенія. Географическое положеніе поселковъ: степень отдаленности отъ желѣзныхъ дорогъ и торговыхъ центровъ. 5) Правительственныя мѣры къ поднятію благосостоянія переселенцевъ. Недостаточность ихъ. Ближайшія общія мѣропріятія, необходимыя для болѣе широкой и правильной постановки колонизаціи степныхъ областей вообще и разсматриваемой мѣстности въ частности.

Русское Антропологическое О-во. 20-го февраля сообщеніе члена-сотрудника *В. И. Анучина*: Енисейцы (матеріалы къ антропологіи). Историческія свѣдѣнія. Географическое распространеніе. Дѣленіе по районамъ. Взаимоотношеніе съ сосѣдними народностями. Метисація. Численность. Образъ жизни. Семейно-родовыя отношенія. Физическій типъ. Психо-физическій типъ. Вымираніе и вырожденіе. (Были показаны діапозитивы).

4-го апрѣля сообщеніе *Н. Н. Виноградова*: Областные Археологическіе съѣзды вообще и предстоящій Костромской въ частности. Идея областныхъ Археологическихъ съѣздовъ.—Задачи и программа.—Исторія и краткій обзоръ дѣятельности. — Приготовленія къ 4-му Археологическому Съѣзду въ г. Костромѣ.

О-во Любителей Древней Письменности. Въ засѣданіи 16-го февраля было прочитано сообщеніе *В. Т. Георгіевскаго* Фрески Ѳерапонтова монастыря XV в. (съ волшебнымъ фонаремъ).

Московское О-во любителей естествознанія. Въ „Протоколахъ засѣданій Географическаго Отдѣленія“, помѣщенныхъ въ 1 кн. „Землевѣдѣнія“ (1908), помѣщено, между прочимъ, изложеніе содержанія слѣдующихъ сообщеній: *М. Я. Кожевникова* „Природа и люди на крайнемъ Сѣверѣ Сибири (экспедиція на р. Хатангу)“ съ демонстраціей картъ фотографій и діапозитивовъ. *М. А. Боголѣпова* „Къ вопросу о вліяніи колебаній климата на нѣкоторыя явленія народной жизни“. *В. И. Іохельсона*: а) „Международные конгрессы

американистовъ", и b) „Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки". *В. Г. Богораза* „Религіозныя идеи первобытнаго человѣка. (По матеріаламъ, собраннымъ среди племенъ сѣверо-восточной Азіи, главнымъ образомъ среди чукочъ)". Сообщенія эти были сдѣланы въ періодъ времени 17 янв.—27 марта 1908 г.

Изъ отчета о дѣятельности Студенческаго Географическаго кружка за 1907 годъ. За отчетный годъ было 12 засѣданій, на которыхъ были между прочимъ сдѣлали сообщенія: *Н. Н. Виноградовъ.* „О народныхъ суевѣріяхъ, связанныхъ съ предметами доисторической археологіи". *В. А. Дубянскій.* „Кочевники Устюрта". *Д. Мошковъ.* „О новой теоріи происхожденія человѣка". *Э. К. Пекарскій.* „Этнографическій очеркъ якутовъ". *Б. Э. Петри.* „Культъ Инау у племени айну". *Д. Д. Рудневъ.* „О Географическомъ Институтѣ въ Берлинѣ", *Д. Д. Рудневъ.* „Поѣздка въ Большеземельскую тундру въ 1904 г.". *А. Д. Соболевъ.* „Географическо-этнографическій очеркъ Китая". *А. А. Спицынъ.* „Археологія къ вопросу о началѣ Руси". *И. Д. Татіевъ.* „Вліяніе природы на человѣка". Кружкомъ была предпринята, на ряду съ другими, экскурсія для осмотра коллекцій Этнографическаго Музея Имп. Академіи Наукъ подъ руководствомъ Л. Я. Штернберга; тамъ же прив.-доц. А. И. Ивановъ прочелъ двѣ лекціи „Главные моменты исторіи развитія Китая и его современное положеніе". Всего состоялось 6 экскурсій. Составлена библіотека (до 710 №№).

Засѣданіе городского присутствія по дѣламъ объ обществахъ разрѣшило регистрацію **„Общества изученія Сибири и улучшенія ея быта"**, имѣющаго цѣлью изученіе Сибири преимущественно въ экономическомъ, культурномъ и правовомъ отношеніи, а также содѣйствіе подготовленію и проведенію въ жизнь насущныхъ для Сибири преобразованій. Районъ дѣйствій общества распространяется на всю Россійскую Имперію. Для достиженія намѣченныхъ цѣлей общество предполагаетъ: собирать разнаго рода матеріалы, относящіеся къ предметамъ вѣдѣнія общества; организовать научныя изслѣдованія по разнымъ вопросамъ сибирской жизни путемъ снаряженія экспедицій и образованія комиссіи изъ членовъ общества и т. п.; разрабатывать и публиковать собранные матеріалы; издавать свои труды; распространять научныя свѣдѣнія о Сибири и ея нуждахъ устройствомъ чтеній и курсовъ. Кромѣ того, обществомъ предположено открытіе отдѣловъ и устройство, въ цѣляхъ изысканія средствъ, концертовъ, вечеровъ, спектаклей и проч.

Въ Соляномъ Городкѣ, 31 января, была прочитана А. А. Мейеромъ лекція **объ отношеніи религіи и культуры.** Основныя положенія лектора слѣдующія. Ни философія, ни наука не уничтожаютъ, сами по себѣ, религіи; представленіе о консервативности религіи есть предразсудокъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ ходячемъ взглядѣ на религію, какъ на начало враждебное прогрессу, есть доля правды, и это потому, что въ религіозномъ творчествѣ и культурной работѣ—

различное направленіе воли. Мы должны ждать религіознаго возрожденія, но, конечно, не въ томъ смыслѣ, что будутъ оправданы или оживлены догматы нынѣшней омертвѣвшей религіи, а въ смыслѣ новаго мистическаго подъема, — поэтому религіознымъ искателямъ, пока нѣтъ такого подъема, приходится быть скромными въ своихъ религіозныхъ построеніяхъ и не впадать въ догматизмъ. Они должны помнить заповѣдь Ницше „Берегись, не заполонило бы тебя въ концѣ еще какое-нибудь болѣе узкое вѣрованіе, какая-нибудь жестокая, суровая мечта! Вѣдь именно все узкое и прочное соблазняетъ тебя теперь и искажаетъ“.

Въ настоящее время на сѣверѣ работаетъ датская экспедиція Расмуссена, занимающаяся изученіемъ эскимосовъ мыса Іоркъ и Британской Сѣверной Америки. Другая экспедиція, Милиуса Эриксена занята изслѣдованіемъ и съемкой восточной Гренландіи.

18 марта поступила въ музей Александра III сектантская коллекція, переданная изъ министерства вн. дѣлъ. Сектантскій музей состоитъ изъ 127 предметовъ, конфискованныхъ въ разное время у хлыстовъ, скопцовъ и т. д. Коллекція эта представляетъ крупный интересъ для наглядной исторіи русскаго сектантства. Въ настоящее время она еще нуждается въ изученіи и разъясненіяхъ, ибо министерство вн. дѣлъ передало ее въ музей безъ всякихъ объяснительныхъ документовъ. Изъ художественныхъ произведеній имѣются „Портретъ Петра III“, „Портретъ Селиванова“, „Христіанинъ на пути добродѣтели“ и „Хожденіе Христа по водамъ“, затѣмъ хромолитографіи: „Добрый Пастырь“, „Св. арх. Михаилъ“, „Св. арх. Гавріилъ“, „Св. арх. Георгій Побѣдоносецъ“, „Могила Шилова“ и „Изліяніе благодати“; изъ фотографій: „Харламій Плотицынъ“, „Егоръ Плотицынъ“, „Анна Сафонина“, „Лебедевъ“, „Федосьевъ, Ковалевъ и Петровъ въ арестантскихъ одеждахъ“, „Козьма Ковалевъ“, „Козьма Федосьевъ“ и „Михаилъ Петровъ“, портреты Селиванова на деревѣ и желѣзѣ. Акварелей всего три: „Борьба дьявола со смертью“, „Апоѳеозъ Павла I“; картины на полотнѣ: „Борьба христіанина съ бѣсомъ Аполліономъ“, „Христіанинъ на пути добродѣтели“, „Добрый пастырь съ нѣсколькими агнцами“, „Распятіе плоти“, „Борьба христіанина съ плотью и міромъ“ и „Изліяніе благодати“. Кромѣ того на полотнѣ изображены еще портреты Петра III, Шилова и Селиванова. Послѣдній представленъ во многихъ экземплярахъ. Интересны модели старообрядческаго скита, такихъ моделей 5.

Въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ описана и поступила въ общее пользованіе теософическая библіотека Е. П. Блаватской, пожертвованная музеямъ еще въ прошломъ году г-жей Желиховской. Библіотека содержитъ около 300 томовъ, большая часть которыхъ—на англійскомъ языкѣ.

Въ 1907 году азіатскій музей пріобрѣлъ слѣдующія рукописи: 60 персидскихъ, 13 палійскихъ, 5 арабскихъ, 5 еврейскихъ, 5 камбодисскихъ, 5 сингалезскихъ, 2 еврейско-персидскихъ и одну сіамскую.

Кромѣ того купленъ рукописный русско-манчжурскій словарь. Въ даръ полученъ былъ большой атласъ Китайской имперіи на китайскомъ языкѣ. Отдѣлъ восточныхъ изданій пополнился произведеніями печати, издающимися въ Казани, Оренбургѣ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ.

Обдорскій Этнографическій Музей при церковно-миссіонерской библіотекѣ [1]). Существующее уже четвертый годъ Обдорское миссіонерское Братство св. Гурія,—исходя изъ того положенія, что, „для успѣха своихъ дѣйствій въ инородческой средѣ“, оно должно было „стать не только церковно-миссіонерскимъ учрежденіемъ, но и культурнымъ“, „должно было сдѣлаться... маякомъ для всего населенія Обдорскаго края безъ различія народностей, будь то остяки, самоѣды, зырянскіе самоѣды, татары“,—открыло церковно-миссіонерскую библіотеку, въ которой „однимъ изъ главныхъ отдѣловъ, между прочимъ, считается отдѣлъ о сѣверѣ Россіи вообще и Тобольскомъ сѣверѣ въ частности“. Этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ литературу объ инородцахъ названныхъ мѣстностей, знакомство съ которою, по мысли Братства, должно было помочь его членамъ въ дѣлѣ изученія быта и жизни инородцевъ, безъ чего невозможно пріобрѣсть вліяніе на инородческое населеніе. Находя, что литература эта страдаетъ крупными недостатками, Братство, для облегченія изученія жизни и быта инородцевъ, открыло при библіотекѣ музей подъ названіемъ „Хранилище коллекцій по этнографіи инородцевъ Тобольскаго сѣвера“. Въ журнальномъ постановленіи Братства объ открытіи музея въ слѣдующихъ выраженіяхъ рисуется ожидаемая отъ него польза: „Коллекціи изъ жизни и быта инородцевъ Тобольскаго сѣвера будутъ обрисовывать аборигеновъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ будутъ давать возможность всѣмъ непосвященнымъ въ тайны инородческой жизни приподнимать завѣсу религіозныхъ убѣжденій инородцевъ, проникать въ сущность ихъ завѣтныхъ пожеланій; эти коллекціи будутъ обрисовывать умъ и сметку инородцевъ, давать свѣдѣніе о суммѣ ихъ знаній, добытыхъ въ вѣковой борьбѣ съ суровой природой крайняго сѣвера. Хранилище коллекцій будетъ обрисовывать инородцевъ, какъ людей, возбуждать къ нимъ жалость въ одномъ отношеніи, уваженіе въ другомъ, будетъ пробуждать у колонистовъ человѣчность къ нимъ, расположеніе, желаніе помочь и т. д.“ Съ своей стороны, пожелаемъ дальнѣйшаго развитія учрежденію, преслѣдующему, кромѣ научныхъ, и столь категорически выраженныя гуманныя цѣли по отношенію къ инородцамъ нашего сѣвера.

Ходатайство Императорской академіи наукъ. Академія наукъ обратилась къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о сохраненіи въ Россіи коллекціи по египтологіи В. С. Голенищева. Британскій музей предлагаетъ собственнику коллекціи милліонъ

[1]) См. „Православный Благовѣстникъ“ 1907, т. III, № 22, ноябрь, кн. 2-ая, статья Настоятеля Обдорской миссіи игумна Иринарха о дѣятельности Обдорскаго Братства св. Гурія.

рублей В. С. Голенищевъ согласенъ уступить свою коллекцію академіи наукъ за 500.000 руб.

Членомъ полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета А. В. Пясецкимъ доставлены въ церковный музей при архіерейскомъ домѣ нижеслѣдующіе старинные предметы: 1) Евангеліе, изданное во Львовѣ въ 1693 году, съ интереснымъ предисловіемъ рисунками, миніатюрами и надписями на поляхъ; 2) серебряная вызолоченная чаша 1693 года; 3) покровецъ XVI—XVII в. съ вышитыми на немъ символическими изображеніями, 4) бисерный вѣнецъ XVII в.; 5) два большихъ ковра 1827 года; 6) двѣ древнихъ иконы и проч. Въ послѣднее время музей этотъ обогатился также множествомъ старинной церковной утвари, облаченій и другихъ предметовъ, доставленныхъ членомъ комитета священникомъ Владиміромъ Трипольскимъ и присланныхъ по почтѣ настоятелями церквей.

Въ Черниговѣ губернскій предводитель дворянства князь В. Д. Голицынъ на дняхъ принесъ въ даръ историческому музею губернской ученой архивной комиссіи весьма цѣнное собраніе рукописей XVII и XVIII вѣковъ. Между рукописями имѣется значительное количество подлинныхъ универсаловъ и писемъ гетмановъ Мазепы, Скоропадскаго, Апостола и другихъ малороссійскихъ дѣятелей.

Коллекція вышивокъ. Кіевскій Этнографическій Музей получилъ очень большую коллекцію Украинскихъ деревенскихъ вышивокъ отъ „Управленія Юго-Западныхъ ж. д.“ Коллекція представляетъ изъ себя вышитыя части рубашекъ и другіе старые лоскутки, покупаемые по всей Украйнѣ для протиранія въ поѣздахъ колесъ и т. п. Въ Кіевскомъ музеѣ вышивки приводятся въ порядокъ, нашиваются на картоны и получаются крайне интересныя таблицы образчиковъ всякаго рода вышиванія — „занызуванна“, „вырúзуванна“, „мерéжкы“, „настылáнна“ (гладью), „хрéстыка“ (крестиками) и т. п.

Какъ сообщаютъ „New York Tribune“, американскій естественно-историческій музей обогатился, благодаря бельгійскому королю Леопольду, очень цѣнной коллекціей, состоящей изъ 700 предметовъ, иллюстрирующихъ жизнь туземныхъ обитателей свободнаго государства Конго. Коллекція должна пополниться еще многими предметами, которые будутъ присланы позднѣе. Музей занятъ въ настоящее время составленіемъ особаго отдѣла, посвященнаго государству Конго, и собираетъ все, что характеризуетъ религіозный культъ, искусство, промышленность, нравы и обычаи какъ цѣлаго государства Конго, такъ по возможности и отдѣльныхъ его частей.

Перенесеніе исторической церкви. Построенная въ г. Ромнахъ послѣднимъ кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи, Петромъ Кал-

нишевскимъ, покровская церковь переносится, согласно желанію полтавскаго преосвященнаго Іоанна, въ Полтаву. Церковь эта представляетъ большую цѣнность, какъ замѣчательный памятникъ украинскаго искусства.

Промыселъ древностями. Въ с. Каргѣ Днѣпровскаго уѣзда крестьяне открыли небездоходный промыселъ отыскиванія и сбыта древностей. Въ Каргѣ организовалась, по словамъ „Никол. Газ.", компанія изъ крестьянъ для эксплоатаціи древностей, которыми изобилуетъ почва этаго села. Въ минувшую зиму они выкопали желѣзныя удила и стремена, точильные камни, перламутровыя украшенія, мѣдныя шилья, копья, пряжки, тазъ, горшокъ, кожаный поясъ съ серебранными и золотыми украшеніями, серебряную крышку; золотыя вещи: чашечку, два браслета, десять пластинокъ, серьгу съ камнемъ и полумѣсяцъ. По указанію земскаго начальника крестьяне съ этими вещами явились на Голую Пристань къ уполномоченному археологической комиссіи Гошкевичу, но послѣдній въ это время находился въ Петербургѣ; тогда земскій начальникъ отправилъ всѣ драгоцѣнности въ Одессу къ профессору фонъ-Штерну. Остальныя вещи нынѣ отобраны у крестьянъ и предъявлены г. Гошкевичу. По его заключенію, самыми древними изъ нихъ являются точильные камни, мѣдныя копья и шилья: это издѣлія киммерійской эпохи не позже VII столѣтія до Рожд. Хр.; остальные предметы относятся къ періоду средневѣковыхъ кочевниковъ.

Докладъ о кóбзѣ и „кобзарствѣ". Екатеринославское Общество „Просвіта" устроило очень интересный докладъ: Эварницкій, извѣстный знатокъ Украинской старины, далъ историческій обзоръ кобзарства съ древнѣйшихъ временъ, указывая на существованіе кобзы, кромѣ другихъ племенъ, у Половцевъ. Интересны были въ этомъ докладѣ свѣдѣнія о кобзарствѣ въ Запорожской Сѣчи и объ игрѣ на кобзѣ въ старое козацкое время. „Просвіта" думаетъ устроить цѣлый рядъ такихъ докладовъ, несмотря на то, что ей мѣшаетъ отсутствіе своего помѣщенія. Для дополненія доклада Эварницкаго былъ приглашенъ кобзарь Ткаченко, исполнившій послѣ доклада нѣсколько кобзарскихъ пѣсень. Вечеръ имѣлъ огромный успѣхъ.

Запись пѣсенъ съ помощью фонографа. О. Бородай передалъ профессору Миргородской художественно-промышленной школы О. Сластіону нѣсколько фонографовъ для записыванія народныхъ пѣсенъ. Съ помощью тѣхъ фонографовъ О. Сластіонъ записалъ отъ полтавскихъ кобзарей много историческихъ украинскихъ пѣсенъ, между ними нѣсколько очень цѣнныхъ старинныхъ думъ.

Только что вышедшая въ Америкѣ американская миссіонерская „Синяя книга" сообщаетъ слѣдующія статистическія данныя о религіяхъ земного шара.

Все человѣчество, состоящее въ настоящее время изъ 1.563.446.000 душъ, распадается на 588.862.000 христіанъ, въ свою очередь раздѣляющихся на 272.638.500 римско-католиковъ, 166.066.000 протестантовъ и 120.157.000 православныхъ вмѣстѣ съ древними восточными сектами, на 11.222.000 евреевъ, 216.630.000 магометанъ, 137.935.000 буддистовъ, 209.659.000 индусовъ, 231.816.000 конфуціанъ и таоистовъ, 24.900.000 шинтоистовъ, 157.069.500 анимистовъ, фетишистовъ и т. п. и 15.353.000 другихъ болѣе мелкихъ языческихъ сектъ.

Интересно сравнить эти цифры съ цифрами, данными ученымъ нѣмецкимъ іезуитомъ Г. А. Крозе въ его работѣ о распространенности важнѣйшихъ религій на землѣ въ концѣ прошлаго вѣка (см. Stimmen aus Maria Laach, 1903 г. томъ 65, стр. 16—33, 187—306). Здѣсь число католиковъ указывается—264.506.000, протестантовъ — 166.627.000, православныхъ — 109.147.000, раскольниковъ—2.173.000, восточныхъ христіанскихъ сектъ—6.555.000, евреевъ—11.027.000, магометанъ — 202.048.000, индусовъ (браманистовъ?)—210.100.000, буддистовъ — 120.250.000, послѣдователей древнихъ индійскихъ сектъ—12.114.000, конфуціанъ и послѣдователей культа предковъ — 235.000.000, таоистовъ — 32.000.000, шинтоистовъ — 17.000.000, фетишистовъ и другихъ язычниковъ—142.700.000, прочихъ сектъ—1.844.000.

Согласіе тѣхъ и другихъ цифръ, полученныхъ различнымъ путемъ, является ручательствомъ за ихъ достовѣрность. Меньшая величина послѣднихъ объясняется тѣмъ, что онѣ относятся къ болѣе раннему времени, а нѣкоторое разногласіе относительно языческихъ религій Азіи и Африки объясняется трудностью ихъ исчисленія.

Этнографическій составъ населенія Болгаріи. Въ Пражскомъ журналѣ „Narodopisny Vestnik českoslovansky“ (1908, № 2—3) помѣщенъ очеркъ Л. Нидерле о численномъ отношеніи различныхъ народностей въ княжествѣ Болгарскомъ, на основаніи однодневной переписи населенія 31 декабря 1900 г., обработанной въ официальномъ изданіи: „Резултати отъ прѣброяване на населението въ Кн. България“ и пр. Софія. 1902—1904. Различныя народности по этой переписи распредѣляются такъ:

Болгары	2.864.735	Греки	66.702
Помаки	20.644	Цыгане	89.563
Сербы	1.516	Евреи	31.611
Турки	531.217	Армяне	14.481
Гагаузы	9.862	Румыны	71.023
Татары	18.884		

Кромѣ болгаръ, имѣются, слѣд., еще 10 народностей, составляющихъ около 22% населенія. Изъ десяти округовъ болгары значительно преобладаютъ въ семи, тогда какъ въ трехъ округахъ (Шуменскомъ, Варненскомъ и Рущукскомъ) число болгаръ уступаетъ числу другихъ народностей. Наиболѣе многочисленная послѣ болгаръ народность—турки, живущіе, главнымъ образомъ, въ Рущукскомъ округѣ (150 т.), въ Шуменскомъ—(131 т.) и Варненскомъ—(107 т.).

Помаки—это болгары-мусульмане, ихъ всего больше въ Пловдивскомъ округѣ; гагаузы—это крещеные потомки тюрко-татаръ, говорящіе по-турецки; они живутъ почти исключительно въ Варненскомъ округѣ. Послѣ турокъ наиболѣе многочисленная народность—цыгане, разсѣянные по всѣмъ округамъ, затѣмъ румыны, живущіе по Дунаю, въ Видинскомъ, Врацкомъ, Рущукскомъ, также Плевненскомъ округахъ. Поселенія грековъ расположены, главнымъ образомъ, по побережью Чернаго моря, въ Бургасскомъ округѣ, затѣмъ въ Пловдивскомъ. Евреи разсѣяны по всѣмъ округамъ, но больше всего въ Софійскомъ; въ городѣ Софіи на 51.341 болгаръ приходится 8.725 евреевъ и 1.642 цыгана. Татаръ всего больше въ Варненскомъ, Рущукскомъ и Шуменскомъ округахъ. Очень мало насчитано сербовъ (меньше, чѣмъ считали прежде). Въ приведенномъ перечнѣ не приведены нѣкоторыя другія народности, представленныя незначительными цифрами. Въ числѣ ихъ есть русскіе (село Татарица около Силистріи), словаки (Горна Митрополья въ Плевненскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ ¼ населенія), чехи (558 чел.), нѣмцы и др. Среди православныхъ болгаръ есть католики (павликіяне), живущіе, главнымъ образомъ, въ околицахъ Никопольской и Систовской. Грамотность (умѣніе читать и писать) выражается, въ среднемъ, цифрою 28,4%; она болѣе распространена въ округахъ: Рущукскомъ, (38,5%), Шуменскомъ (35,9%) и Варненскомъ (34,8%). Въ городахъ грамотныхъ больше: въ Софіи, Рущукѣ, Варнѣ доходитъ до 60%. Въ сосѣднемъ Сербскомъ королевствѣ средній процентъ грамотности меньше—21%. („Землевѣдѣніе", 1908, № 1).

А.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Приложеніе.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія 1908	ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ	XVII годъ изданія 1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

